В. Я. Галицкий

ИСТОРИЯ ГОРОДА ТИЛЬТИПЕКА

1878 • 1917

ФТЭБЛ 1980

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Я. Галицкий

ИСТОРИЯ ГОРОДА ПИШПЕКА

1878 • 1917

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ» ФРУНЗЕ 1980

Г15

Монография посвящена досоветскому периоду истории столицы Киргизстана — города Фрунзе (до 1926 г.—Пишпека). Кратко описана история Пишпека и его окрестностей от древнейших поселений до уездного города—центра (1878—1917 гг.) Семиреченской области. Впервые исследуются в социально-экономическом аспекте история Пишпека, хозяйственные занятия горожан, проникновение капиталистических отношений в экономику города, а также его общественно-культурная жизнь в колониальный период. Показана роль Пишпека как центра распространения марксистско-ленинских идей и революционного движения в крае в 1905—1917 гг.

Книга рассчитана на специалистов-историков, краеведов и широкий круг читателей.

Утверждено к печати Ученым советом Института истории и принято РИСО Академии наук Киргизской ССР

661288

Ответственный редактор докт. ист. наук *К. У. Усенбаев*

Рецензенты: докт. ист. наук. *М. Я. Сушанло*,
канд. ист. наук *В. П. Мокрынин*

1-6-1

© Издательство «Илим», 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

Неузнаваемо преобразились со времени победы Великого Октября города и селения Советского Киргизстана. Разительны перемены в облике и во всем строе жизни его столицы — города Фрунзе (до 1926 г. — Пишпека). «Являясь политическим, экономическим и культурным центром республики, г. Фрунзе стал одним из крупных городов Страны Советов, равным в созвездии столиц союзных республик»[1]. Эти удивительные изменения кажутся еще более разительными при знании истории города, при сравнении его вчерашнего и сегодняшнего дня, в котором явственно вырисовываются контуры «большого Фрунзе».

Уже беглое знакомство с досоветским прошлым города, вековой юбилей которого отмечался в 1978 г., показывает, что в конце XIX — начале XX в. Пишпек являлся не только военно-колониальным оплотом царизма в Киргизии. Будучи городом европейского типа в отсталом горном крае, он, как отмечалось в постановлении ЦК КП Киргизии о 100-летии г. Фрунзе, сыграл важную роль в экономической, социально-политической и культурной жизни киргизского народа, в распространении марксистско-ленинских идей, в нарастании революционного движения в Киргизии.

Отсюда закономерный интерес к истории всех периодов функционирования города, необходимость их детального изучения, «Знакомство с памятниками истории и культуры, с природой родного края, с достижениями в экономике и культуре,—отмечается в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС,—способствует воспитанию у советских людей любви к своей

[1] О столетии образования города Фрунзе.—Постановление ЦК КП Киргизии. Советская Киргизия, 1978, 11 января.

Родине, верности революционным, боевым и трудовым традициям нашего народа»[2].

Рассматриваемая тема представляет интерес не только для исторического краеведения, но имеет и немаловажное самостоятельное значение. В истории старого Пишпека своеобразно преломились судьбы Киргизии и ее народов в колониальный период. Специальная, по возможности детальная и разносторонняя научная разработка истории Пишпека до 1917 г. может способствовать, на наш взгляд, более углубленному изучению сложных и малоисследованных проблем разложения патриархально-феодальных и возникновения капиталистических отношений в Киргизии, процесса образования внутрирыночных отношений в крае, истоков добрососедства и хозяйственно-культурных связей киргизов с представителями других народов.

Однако по дооктябрьской истории Пишпека, несмотря на актуальность и научно-практический интерес ее исследования, пока нет ни монографии, ни даже брошюры или обстоятельной журнальной статьи. Это и определило как выбор темы, так и авторские задачи в данной работе. Ее цель — воссоздать общую картину образования и поэтапного развития города с 1878 по 1917 г. Выделение основных этапов истории Пишпека, исходя из совокупности градостроительных, экономических и других факторов, составляло одну из первых трудностей изложения его исторического прошлого. Чтобы проследить превращение Пишпека в город в социально-экономическом отношении, требовалось выяснить его производственно-экономическую базу, хозяйственные занятия горожан. Под этим же углом зрения рассматривались вопросы динамики населения, в том числе рост торгово-промышленного слоя среди пишпекцев. Автор стремился также показать общественно-культурную жизнь, революционные традиции трудящихся Пишпека, его роль как одного из центров распространения марксистско-ленинских идей, нараставшего революционного движения в крае в период между двумя русскими революциями. Предстояло раскрыть и «механику» управления

---

[2] О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране. — Советская Киргизия, 1968, 28 июня.

уездным городом в интересах буржуазной городской верхушки и военно-феодальной власти царизма.

Методологической основой работы послужили положения классиков марксизма-ленинизма о городе в период феодализма и капитализма, в частности высказывания В. И. Ленина, содержащиеся в его энциклопедическом историко-экономическом труде «Развитие капитализма в России». Ленин, проанализировав экономику предреволюционной России и тенденции мирового капитализма, вскрыл в этой капитальной работе «нарастающее обострение социально-экономического антагонизма в городе и деревне, дал всесторонний анализ изменений классовой структуры общества, выявил реальных союзников пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революции»[3]. Для понимания социально-экономических процессов, происходивших в городе и деревне Киргизии в конце XIX—начале XX вв., особо важны ленинские мысли о Туркестане-колонии[4]. Мы опирались также на важнейшие партийные материалы и документы по идеологическим вопросам.

Давая краткий обзор использованных архивных источников, составляющих наряду со статистическими материалами ядро исследования, необходимо отметить их большую разобщенность по архивохранилищам и их фондам, недостаточность сохранившихся документов для разностороннего освещения истории Пишпека, его экономики и культуры, общественно-политической жизни и революционного движения. В Центральном государственном архиве Киргизской ССР (ЦГА Киргиз. ССР) в г. Фрунзе единственным компактным фондом по данной теме является фонд № 7 Пишпекского городского управления, документы которого отражают деятельность «отцов города» по его управлению, хозяйственные занятия горожан и события общественно-культурной жизни Пишпека в конце XIX—начале XX вв. Особенно важны впервые использованные нами многие статисти-

---

[3] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.—М.: Политиздат, 1970, с. 12.

[4] См.: В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане.—Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1957; В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане.—Ташкент: Госиздат Уз. ССР, 1960.

ческие сведения о городе [5]. Дела же Пишпекского (Токмакского) уездного управления и его начальника (фонды № 6, 13), ведавшего до 1895 г. городским хозяйством, в архиве почти не сохранились.

Переписка уездно-городской верхушки с областными и краевыми властями отчасти отложилась в архивах Алма-Аты и Ташкента. Из документов Центрального государственного архива Казахской ССР (ЦГА Каз. ССР) в г. Алма-Ате значительную ценность представляют сведения о прошлом крепости и города из фондов начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды (№ 2 и 3), Семиреченского областного правления (№ 44) и Канцелярии степного генерал-губернатора (№ 64). Среди них годовые отчеты о состоянии Пишпекского уезда и Семиреченской области в целом, ведомости о городском бюджете, промыслах и ремеслах, справочных ценах на рабочие руки и т. п. В фондах заведующего Верненским розыскным пунктом (№ 73) и Верненского окружного суда и его прокурора (№ 76 и 77) содержатся документы о революционном движении в Пишпеке, в частности об антивоенном выступлении запасных солдат летом 1914 г., требующие, однако, критического подхода при их использовании.

В Центральном государственном архиве Узбекской ССР (ЦГА Уз. ССР) в г. Ташкенте особым богатством и разнообразием материалов как по Туркестану вообще, так и по исследуемой теме отличается фонд Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (№ 1). В нем хранятся дела о переводе в Пишпек уездно-городских учреждений, об образовании Пишпекского городского хозяйственного комитета, об участии Пишпека в различных выставках, состоянии народного образования и здравоохранения в городе и т. д. В этом, а также в некоторых других архивных фондах (№ 129—Ташкентской судебной палаты, № 132 и 133 — прокуроров Ташкентского суда и Судебной палаты) встречаются материалы о борьбе царизма против революционного движения в Пишпекском уезде, введении здесь усиленной охраны и т. п.

---

[5] Определенный интерес представляет также написанная по материалам этого архива рукопись К. А. Денисова «От кишлачного Пишпека к социалистическому г. Фрунзе», хранящаяся в Архиве Киргизского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (г. Фрунзе).

Вследствие сильной централизации власти в империи, когда в столице решались многие насущные вопросы местной жизни, а также в связи с подчинением Туркестана Военному министерству России немало важных дел со сведениями о Пишпеке отложилось в бывших ведомственных архивах Петербурга и Москвы. Так, разнообразные данные об экономике Пишпека и уезда можно отыскать в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СССР) в г. Ленинграде, включая первичные материалы сенаторской ревизии К. К. Палена Туркестанского края (фонд № 1396), в делах Центрального статистического управления (фонд № 1290), Главного управления почт и телеграфов (фонд № 1289) и др.

При изучении революционного движения в Пишпекском уезде и его центре трудно обойтись без необходимых документов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР) в г. Москве, в частности, фондов департамента полиции (№ 102) и Министерства юстиции (№ 124).

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР) в г. Москве, где хранятся материалы военного ведомства империи, активно влиявшего на проведение военной, экономической и внутриполитической линии царизма в Средней Азии, можно почерпнуть важные сведения о Пишпеке из богатейшего фонда Азиатской части Генерального штаба (№ 400) и др.

Отдельные документы из истории Пишпека (крепости и города) привлечены из Омского и Оренбургского областных государственных архивов (ООГА и ОрОГА), а также Архива Всесоюзного географического общества СССР в г. Ленинграде (АГО СССР).

При строго критическом подходе к архивным документам, исходящим в основном от представителей царской колониальной администрации и торгово-промышленных кругов края и империи, использование их при освещении истории города позволяет намного расширить круг литературных данных о Пишпеке. Просмотрены и частично использованы также материалы из Рукописных фондов Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, а также из фондов редких книг и рукописей центральных библиотек Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты и Фрунзе.

Несомненный интерес представляют и личные воспоминания пишпекских старожилов[6]. Даже при неизбежных ошибках памяти они содержат ценные сведения об отдельных городских событиях, о многих деятелях Пишпека, топографии города.

Литературу, содержащую хотя бы краткую и отрывочную информацию о дореволюционном Пишпеке (такие данные встречаются и на страницах уникального многотомного «Гуркестанского сборника», хранящегося в отделе редких книг Государственной публичной библиотеки Уз. ССР им. А. Навои в г. Ташкенте), можно условно разделить на несколько основных групп: статистические материалы и публикации документов; путевые описания, мемуарные записки и некрологи; статьи и заметки в периодических изданиях и, наконец, общие и специальные труды по истории Киргизской ССР. Литературные источники, несмотря на кажущееся их изобилие, характеризуются отсутствием систематизированных сведений, их отрывочностью, неравноценностью в освещении отдельных этапов истории города или некоторых сторон его жизни. В них встречаются противоречивые и просто ошибочные утверждения, неправильные исторические датировки и цифровые данные о старом Пишпеке, что составляет определенную трудность при их обработке, требует перекрестной проверки по архивным документам и другим видам источников.

Признавая большую ценность сводных статистических данных при изучении истории Пишпека, следует отметить их малочисленность, неполноту и порою разнородность группируемых величин, несовершенство самих статистических группировок. Это касается прежде всего статистических таблиц из ежегодных обзоров Семиреченской области, различных справочных изданий, материалов первой переписи населения (1897 г.) Российской империи по Семиреченской области. Отмеченные В. И. Лениным пороки казенной и буржуазной статистики относятся и к материалам этой переписи, не дающим

[6] Автором собрано свыше 30 воспоминаний старых жителей города, записанных как лично ими (М. Р. Преображенской, Г. С. Гражданкина, П. Г. Шептухина, С. Н. Лозовых и др.), так и нами в ходе бесед (с А. М. Логвиненко, В. И. Лебедевой, М. И. Терентьевым, А. А. Ивановой и др.). Пользуясь случаем, выражаем им признательность.

возможности определить не только классовый, но и точный национальный состав горожан (так, киргизы и казахи указываются здесь вместе). Отдельные сведения о дореволюционном Пишпеке встречаются также в различных статистических изданиях ЦСУ Киргизской ССР, в том числе в кратком статсборнике «Город Фрунзе в цифрах» (1970 г.).

По своей научной ценности к статистическим данным примыкают публикации архивных документов, перечень которых, однако, еще более беден. Отметим лишь дореволюционное полуофициальное издание А. Г. Серебренникова о завоевании Туркестана царизмом, содержащее сведения о кокандской крепости Пишпек. В известных документальных сборниках по революционному движению в Казахстане в период империализма, а также о победе Великого Октября в Киргизии частично отражены революционные события в городе и уезде в период двух буржуазно-демократических революций[7].

Сухие статистические выкладки и документы дополняются описаниями города и его населения в записках проезжавших через Пишпек путешественников, журналистов, чиновников, офицеров, коммерсантов. Конечно, различие взглядов и положения этих лиц накладывало отпечаток на содержание их путевых записок. Это требует от исследователя дифференцированного и критического подхода к ним. Заслуживают внимания, в частности, публикации дорожных впечатлений А. П. Хорошхина, П. И. Шрейдера, В. И. Липского[8] и других, отражающие в своей совокупности изменения в облике и жизни дореволюционного Пишпека.

Немалый интерес представляют мемуарные материалы о городе, отчасти сходные по содержанию с путевы-

[7] Серебренников А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1844—1866 гг., т. 2—8, 11—22.—Ташкент, 1908—1916; Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах. Сборник документов и материалов.—Алма-Ата: Казгосиздат, 1955, и др.; Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 годах. Сборник документов и материалов. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1957; Победа Октябрьской революции в Киргизии. 1917—1918 гг. Сборник документов.—Фрунзе: Илим, 1977.

[8] Хорошхин А. П. От Ташкента до Токмака. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края.—СПб., 1876, с. 15—26; Шрейдер П. И. По окраине. Путевые очерки.—СПб., 1896; Липский В. И. По горным областям Русского Туркестана (Тянь-Шаня).—Изв. РГО, т. XVII, 1906, с. 91—236.

ми описаниями, а также некоторые некрологи. Колоритные зарисовки о Пишпеке и пишпекцах, о В. М. Фрунзе и А. М. Фетисове оставил нам врач Ф. В. Поярков[9], а позднее — художник Б. В. Смирнов[10]. Особенно ценны воспоминания участников революционных событий в Пишпеке А. И. Иваницына, Г. И. Швец-Базарного, И. Г. Чебыкина и др.[11] В целом публикации мемуарного характера восполняют пробелы источников, но они не свободны от некоторого субъективизма, особенно в оценке общественно-политических явлений; встречаются в них также смещения хронологии и деталей событий.

Многочисленные статьи и заметки о старом Пишпеке в дореволюционных газетах служили в определенной мере первоисточником при изучении данной темы, например, корреспонденции осведомленных о городских делах П. М. Зенкова, С. Н. Лозовых и др. Привлекают критической направленностью статьи в таких общественно-политических и литературных газетах, как «Русский Туркестан» (Ташкент), «Восточное обозрение» (Омск) и др. Во многих же заметках о Пишпеке на страницах официальных органов («Туркестанские ведомости» и «Семиреченские областные ведомости») освещение фактов городской действительности зачастую тенденциозное, в них нередко обеляются мрачные ее стороны, преувеличиваются мелочные заботы «отцов города» о его благоустройстве и т. д.

Столь же многочисленные публикации о г. Фрунзе, его прошлом, особенно в юбилейном 1978 г., на страницах газет Советского Киргизстана несомненно, отражают интерес общественности к этой теме. Однако иные авторы статей, особенно написанных в сравнительном плане (старый Пишпек—новый Фрунзе), стремясь резче подчеркнуть достижения социалистического строительства в республиканском центре, упрощенно трактуют досоветский период истории города, допускают неточности в вопросах его историко-культурного прошло-

[9] Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания.—Верный, 1901; его же. Алексей Михайлович Фетисов. Некролог.—Туркестанские ведомости, 1894, № 58, 59.

[10] Смирнов Б. В. В степях Туркестана. Очерки.—М., 1914.

[11] См.: Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии.—Фрунзе: Киргосиздат, 1957; За власть Советов. Сборник воспоминаний.—Фрунзе: Кыргызстан, 1966.

го. Так, на страницах газет предвоенного времени и 40-х годов взятие кокандского Пишпека русскими войсками, явившееся исторической предпосылкой основания города, как и все события периода вхождения края в состав России, освещались исключительно с позиции завоевания и колонизации Киргизии царизмом, при этом замалчивалось значение прогрессивных последствий принятия киргизами русского подданства. Положительной оценки заслуживают написанные со знанием фактического материала статьи В. Борзукова, Н. Ситникова, особенно К. Денисова[12], и ряд публикаций современных авторов.

Из журнальных статей досоветского времени интересна лишь краткая справочного характера публикация И. Ф. Терентьева[13] — знатока городского хозяйства, члена Семиреченского областного статистического комитета. Это позволяет доверительно отнестись к его фактическим данным о Пишпеке. Они используются и в ряде других изданий. Исторический экскурс в прошлое города и его окрестностей, отсутствующий в статье И. Ф. Терентьева, отчасти восполняется сведениями А. А. Талызина (начальника уезда) о кокандской крепости в его историческом очерке о Пишпекском уезде, написанном с колонизаторских позиций[14]. Зачастую эти сведения основаны на данных расспросного характера и извлечены из утраченных уже дел уездной канцелярии, а следовательно, в некоторой мере играют для нас роль первоисточника и поэтому часто используются в трудах советских историков.

Историко-краеведческие очерки, раскрывающие некоторые интересные события из прошлого и настоящего города, печатались на страницах журнала «Литератур-

[12] Борзуков В. Пишпек — старая крепость.—Советская Киргизия, 1937, 28 апреля; Ситников Н. Садовод А. М. Фетисов. Очерк четвертый. Из прошлого нашего города.—Советская Киргизия, 1939, 23 октября; Денисов К. Эпоха Временного правительства в Киргизии (по материалам Центрального архива Киргизской ССР.—Советская Киргизия, 1939, 29 мая; см. также публикации республиканских газет за 1978 г.

[13] Терентьев И. Сведения о городе Пишпеке. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II.—Верный, 1898, с. 21—24.

[14] Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.). Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II.—Верный, с. 25—41.

ный Киргизстан» (ранее «Киргизстан»). Таковы, к примеру, публикации И. Лавренкова, В. Мышинского[15] и др. Наконец, в общей и специальной литературе исторического или экономико-географического характера о Киргизской ССР и сопредельных районах Средней Азии и Казахстана получили освещение отдельные вопросы дореволюционной истории города[16].

Древняя и средневековая история Чуйской долины, включая район Пишпека, которая изучалась энтузиастами-археологами А. М. Фетисовым, Н. Н. Пантусовым, Ф. В. Поярковым и крупнейшим русским востоковедом В. В. Бартольдом, дополняется археологическими изысканиями и публикациями советских археологов, в первую очередь А. Н. Бернштама, П. Н. Кожемяко[17] и других ученых, вскрывших следы заселенности территории города, его ближних и дальних окрестностей уже в далеком прошлом. Фактические сведения о кокандской крепости Пишпек, завоевании ее царскими войсками содержатся в трудах военных исследователей Д. И. Романовского, А. И. Макшеева и М. А. Терентьева[18], трактующих события в основном в духе официальной историографии царского времени. Некоторые данные об экономике дореволюционного Пишпека есть в книгах инженера В. А. Васильева и исследователей промышленности

---

[15] Лавренков И. Пишпек—Фрунзе. (Прошлое и настоящее нашего города). — Киргизстан, 1951, № 11, с. 199—210; Мышинский В. Шуми, шуми, роща... — Литературный Киргизстан, 1969, № 2, с. 98—100.

[16] Краткие сведения об истории дореволюционного Пишпека, его транспортно-экономических связях приводятся и нами в «Истории Киргизской ССР» (Фрунзе: Кыргызстан, 1968, с. 435—438). Отдельные вопросы экономики города, динамики его населения, роста торгово-промышленного контингента рассматриваются автором также в коллективной монографии «Возникновение капиталистических отношений в Киргизии» (Фрунзе: Илим, 1970).

[17] Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959; Бернштам А. Н. Чуйская долина. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1949, № 14.

[18] Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу.—СПб., 1868; Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. — СПб., 1890; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. 1. — СПб., 1906.

дореволюционного Туркестана В. В. Заорской-Александровой и К. А. Александера[19].

Благодаря успехам советской историографии стали известны также забытые страницы из прошлого столицы республики. В капитальных трудах по истории Киргизии XIX в. Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова и К. У. Усенбаева, В. М. Плоских на большом документальном материале с позиций марксистской методологии освещен вопрос завоевания Киргизии Кокандским ханством и роль его укреплений, в том числе Пишпекской крепости, как оплотов ханско-феодального гнета над киргизским народом[20]. Б. Д. Джамгерчинов и К. У. Усенбаев[21] положили начало изучению прогрессивных последствий вхождения Киргизии в состав России, касаясь в общем плане и возникновения городов и селений на севере края во второй половине XIX в.

Краткие данные об основании и развитии города приводятся в изданных в послевоенные годы брошюрах и путеводителях по г. Фрунзе не лишенных, правда, отдельных фактических неточностей, а также в трудах экономгеографов С. Н. Рязанцева, М. М. Картавова и Г. С. Гужина[22].

---

[19] Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины.—Пг., 1915; Заорская—Александрова В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края.—Пг., 1915.

[20] Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века.—Фрунзе: Киргизгосучпедгиз, 1961; Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период Кокандского ханства.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961; Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство.—Фрунзе: Илим, 1977.

[21] Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963; Усенбаев К. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957.

[22] Писарской Е. Г. Архитектура города Фрунзе.—Фрунзе: Кыргызстан, 1965—Рец.: Нусов В., Галицкий В. Архитектурный облик столицы. (Советская Киргизия, 1965, 3 июня); его же. Город становится краше.—Фрунзе: Кыргызстан, 1973; Такырбашев А. Столица Советского Киргизстана.—Фрунзе: Кыргызстан, 1971; Ячник Е. С. Город Фрунзе. Путеводитель.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; Гужин Г. С., Орозалиев С. Путеводитель по городу Фрунзе. Путеводитель-справочник.—Фрунзе: Мектеп, 1967; Рязан-

Небезынтересны и страницы, посвященные дореволюционному Пишпеку, в кратком историческом очерке Т. У. Усубалиева[23] о республиканском центре Киргизской ССР, примыкающем к перечисленным изданиям.

Некоторые сведения об истории торгово-промышленного развития Пишпека, его бюджете и повинностях горожан приводятся в книгах Б. Ш. Чормонова и А. Ф. Сидорова, К. Джунушева, А. Б. Джаманкараева, А. А. Сапелкина[24] и др. «Просветительная» политика царизма в крае, как и вопросы школьного дела и здравоохранения в дореволюционном Пишпеке, затрагиваются в трудах А. Э. Измайлова, Д. А. Айтмамбетова и А. А. Айдаралиева[25].

Основные моменты из истории распространения идей марксизма-ленинизма в дореволюционном Киргизстане, развитие революционного движения в городах и селениях края рассматриваются в работах А. В. Пясковского, А. Г. Зимы, В. Н. Семенкова, К. У. Усенбаева, А. А. Алтмышбаева[26] и других, а также в сводных изданиях (с их участием) по истории Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии[27]. Правда, иногда революционные события в городе и уезде показываются изолированно, а роль города как центра пропаганды идей марксизма-ленинизма и революционных выступлений масс не всегда четко освещена.

Такова литературная база предлагаемой работы. Выдержанный при написании ее в целом и отдельных глав тематико-хронологический принцип способствует, на наш взгляд, выяснению особенностей процесса становления и развития г. Пишпека, его места и роли в социально-экономической, политической и культурной жизни колониального края, а также освещению борьбы трудящихся масс города и деревни—русской и киргизской бедноты—против самодержавия, за социальную и национальную свободу. При этом, рассматривая город второй половины XIX — начала XX вв. как социальное явление, общественный организм, в динамике, со всеми свойственными ему в период капитализма противоречиями, мы стремились подойти и к истории Пишпека дореволюционного периода, ко всем вопросам городской жизни, исходя из ленинского положения, что при решении актуальных общественных вопросов «самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[28].

цев С. Н. Фрунзе—столица Киргизской ССР.—М.: Географиздат, 1950; Картавов М. М. Фрунзенская область. Краткий экономико-географический очерк.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1956; Гужин Г. С. Краткая справка о г. Фрунзе.—В кн.: Города Киргизии. Краткий указатель литературы.—Фрунзе, 1958. Наиболее полный библиографический перечень дореволюционных публикаций о г. Пишпеке (хотя и не без существенных пропусков) содержится в кн.: Амитин-Шапиро З. Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750—1917).—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1958.

[23] Усубалиев Т. У. Страницы прошлого.—В кн.: Фрунзе—столица Советского Киргизстана.—М.: Мысль, 1971, с. 16—34, 92 189—191 (Рец.: Берзин В. О нашем городе (на книжной полке).—Советская Киргизия, 1972, 20 января. См. также рецензии К. К. Каракеева, Р. Х. Аминовой и Л. И. Яковлева: История СССР, 1972; с. 133—134; Вопросы истории, 1972, № 5, с. 167—169).

[24] Чормонов Б., Сидоров А. Промышленный прогресс в Киргизской ССР.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963; Джунушев К. Экономические предпосылки развития товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1962; его же. Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1965; Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—начале XX вв.—Фрунзе: Илим, 1965; Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX—начале XX веков.—Фрунзе: Илим, 1968.

[25] Измайлов А. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957 гг.).—Фрунзе: Киргизгосучпедгиз, 1957; Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961; Айдаралиев А. А. Основные этапы здравоохранения Киргизии.—Фрунзе: Киргосиздат, 1958 и др.

[26] Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане.—М., 1958; Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959; ее же. Советы в Киргизии в 1917 году.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1962; ее же. Победа Октябрьской революции в Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1966; Семенков В. Н. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1962; Усенбаев К. Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции.—Фрунзе: Кыргызстан, 1965; Алтмышбаев А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). — Фрунзе: Илим, 1967.

[27] История Киргизской ССР.—Фрунзе: Кыргызстан, 1968; Очерки по истории Компартии Киргизии.—Фрунзе: Кыргызстан, 1-е изд., 1966; 2-е изд., 1979.

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

1. Следы древнейших поселений в районе города

Находки археологических памятников, отражающие пребывание издревле человека в благоприятных для жизни местах Чуйской долины, причем в относительной близости к городу, восходят к эпохе первобытно-общинного строя[1]. Археологически точно документируется обитание древних насельников края в ближайших окрестностях города и возможно даже в центре его территории в бронзовом веке[2]. Археологами обнаружены следы стоянки (поселения?) на северной городской окраине — на правом берегу рукава или старицы р. Аламедин, напротив Карагачевой рощи[3]. Известны также находки древних предметов эпохи бронзы на окраине города—в поселке Маевка[4], в пригородном селе Аламедин[5], около

---

[1] О неолитических находках см.: Тереножкин А. И. Археологические раскопки на р. Чу в 1929 г.—Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, с. 138—139; Окладников А. П. Археологические исследования в Киргизии. — Вестн. АН СССР, 1954, № 9, с. 53; Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана.—Фрунзе: Мектеп, 1970, с. 16, 22.

[2] См.: Маричек Б. Р. и Сафаргалиев Э. В помощь туристу. Методический сборник в помощь организатору похода.—Фрунзе, 1960, с. 75.

[3] См.: Виноградова. План местности и стоянка палеометаллической эпохи близ г. Фрунзе, 1930 г. Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР, инв. № 6, и другие источники.

[4] Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук, т. II, вып. 3 (история), 1960.

[5] Тереножкин А. И. Археологические раскопки..., с. 139.

Алаарчинского ущелья[6] и в других окрестностях[7]. Памятники ранних кочевников — саков, а затем и усуней — найдены в прилегающих к городу и других местах Чуйской долины[8], где они кочевали, «смотря по приволью в траве и воде».

Находки в древних курганах изделий византийского и восточного ремесла, а также кладов и монет[9] раннесредневекового времени в Чуйской долине, включая территорию города и его окрестности, отражают роль долины как трассы древнего торгово-караванного пути, связывавшего Среднюю Азию со странами и народами Запада и Востока. Одно из ответвлений этой караванной магистрали находилось у древнего города Джуль (по-тюркски—степь)[10], упоминаемого у арабских и персидских авторов IX—XII вв. в ряду других крупных городов и селений вдоль Чуйского отрезка «шелкового пути»[11]. Хотя вопрос о точном местоположении Джуля в историко-археологической литературе пока остается открытым[12], долговременная оседлость в тюркское время в

---

[6] Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии.—Фрунзе, 1944, с. 21.

[7] См.: Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы...., с. 102—105.

[8] На северной городской окраине (вблизи кирпичного завода) вскрыт могильник ранних кочевников. Погребальный инвентарь V—III вв. до н. э. хранится в музейном уголке ПСШ № 47 г. Фрунзе. Судя по погребальному инвентарю, к памятникам ранних кочевников относится и раскопанная в конце XIX в. Ф. В. Поярковым группа курганов южнее с. Аламедин. См.: Отчет Археологической комиссии за 1897 г.—СПб., 1900, с. 56—57.

[9] О находках илекских монет XI в. см.: Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. Изв. Средазкомстарис. Вып. I.—Ташкент, 1929, с. 288.

[10] О Джуле см.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья.—Соч., т. II, ч. 1, с. 37; его же. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей). Там же, ч. 2, с. 283.

[11] О древних караванных путях через Чуйскую долину см.: Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.—Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР.—Алма-Ата, 1958, с. 202—210; Бернштам А. Н. Чуйская долина. Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 14, с. 75.

[12] Для полного отождествления местонахождения Джуля и современной городской территории, как это иногда утверждается, пока нет веских историко-археологических данных. Так, излишне катего-

661288

этом районе подтверждается археологически. Примечательны и находки здесь тюркских каменных изваяний («баб»). Один из таких памятников найден в центре города (при строительстве здания ресторана «Сейил» на бульваре Дзержинского летом 1971 г.).

В VI—XII вв. одно из оседлых поселений располагалось на высоком глиняном холме в северо-восточной части города, где спустя много веков была заложена кокандская крепость Пишпек (ныне территория так называемой Кузнечной крепости)[13]. Невдалеке, в северной же части города (менее 1 км от Кузнечной крепости) по трассе современного Большого Чуйского канала (БЧК), по улице Карпинского, в районе Алмаатинской улицы и в центре с. Аламедин (б. Ворошиловское) располагался ряд сельских поселений IX—XII вв., возможно составлявших некогда единый комплекс[14]. Вообще в этот период вся Чуйская долина, включая территорию будущего города с окрестностями, представляла собой как бы цепь крупных торгово-земледельческих селений и городов. Но постепенно как следствие опустошительного монгольского нашествия городская жизнь здесь приходит в упадок. Вот почему столь интересны археологические находки и памятники этого времени — XIII—XIV вв. — на территории города и его округи[15].

Признаки жизни в послемонгольское время обнаружены на городище возле с. Кара-Джигач, расположенном у выхода из Аламединского ущелья. Рядом находился могильник христиан несторианского толка (XII—XIV вв.). Расшифровка древних сирийских и тюркских надписей на широко известном востоковедам при пишпекском христианско-несторианском кладбище показала, что существование древнехристианской колонии в Чуй-

рично мнение, что в «V—VII веках на месте города Фрунзе был древний город Джуль». См.: Исторические памятники города Фрунзе. Из опыта работы исторического кружка Фрунзенского дворца пионеров.—Фрунзе, 1963, с. 6.

[13] Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины.—Фрунзе, 1959, с. 153. Время показало ошибочность утверждения П. П. Иванова об отсутствии древней культурной подосновы у кокандского Пишпека. См. его «Заметки о древностях в районе Пишпека (Фрунзе)».—Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР. Вып. III.—Фрунзе, 1957, с. 100.

[14] Бернштам А. Н. Чуйская долина..., с. 91—92.

[15] Случайные находки.—Советская Киргизия, 1928, № 6; Иванов П. П. Указ. работа, с. 101—102.

ской долине — своеобразная страница в многовековой истории края[16].

Слабая изученность письменных источников истории края в последующие века не позволяет воссоздать события, происходившие в пределах нынешней городской территории и ее окрестностей в период от позднего средневековья до XIX в.

2. Кокандская крепость Пишпек (1825-1862 гг.)— оплот ханско-феодальной власти на севере Киргизии

Одним из последствий агрессивных устремлений Кокандского ханства явилось завоевание им Киргизии в первой трети XIX в. В 1825 г. ханскому военачальнику кушбеги Ляшкеру, воспользовавшемуся междоусобицами среди крупных северо-киргизских племен и их раздорами с казахами, удалось утвердиться в Чуйской долине. Кокандский хан направил четырехтысячный отряд к киргизам, кочевавшим по р. Чу, «чтобы покорить под свое владение с требованием с них подати», — так повествуется о начале установления здесь ханско-феодального гнета в одном из документов[17]. Из текста следует, что часть чуйских киргизов под угрозой военной силы кокандцев вынужденно (предалась им и на том разе внесла требуемую подать» а другая—«дети бия Атеке» (Атаке) — оказала пассивное сопротивление захватчикам, намеревавшимся с последующей постройкой укреплений остаться тут «навсегда», перекочевав поближе к иссык-кульским киргизам, посланцы которых «в недавнем времени... были в городе Омске»[18].

Эти события прервали дружественные киргизско-русские контакты, привели к возведению кокандскими феодалами в цепи их укреплений в Семиречье Пишпекской

[16] О несторианских древностях в Семиречье см.: Бартольд Б. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей)—Соч., т. II, ч. 2.

[17] Из объяснения татарина Файзуллы Сейфулина, бывшего «на Семи реках» с апреля по сентябрь 1825 г. и представленного генерал-губернатору Западной Сибири. 1825 г. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 569, л. 36 и последующие.

[18] Из объяснения татарина Файзуллы Сейфулина... ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 569, л. 36 и последующие.

крепости, сыгравшей важную роль в усилении их власти над северокиргизскими племенами, жившими к западу от оз. Иссык-Куль[19]. Крепость Пишпек[20] — один из наиболее мощных форпостов Коканда — была построена в одноименном урочище кушбеги Ляшкером в 1825 г. по приказу хана Мадали[21], что и отмечено в русских и восточных источниках. Венчая вершину высокого глиняного холма на левобережье р. Аламедин, она господствовала над окружающей местностью, находясь в самом средоточии киргизских пашен[22], на перекрестке скотопрогонных дорог и торгово-караванных путей[23].

По своему устройству глинобитная крепость была типичной для позднесредневековых среднеазиатских укреплений: она имела два ряда толстых и высоких стен, прорезанных бойницами и амбразурами, угловые башни и ворота, по внешнему обводу стен проходил глубокий ров с водой и т. п. По конфигурации Пишпек напоминал вытянутый с севера на юг четырехугольник. За первыми крепостными стенами располагались глинобитные пост-

---

[19] Венюков М. Кокандская линия на р. Чу. ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., 1859 г., оп. 263/916а, д. 95, л. 1.

[20] Термин Пишпек (Пшпек) — вероятно, искаженное древнетюркское слово с забытым и уже неясным смыслом. Позднейшие народные предания, зафиксированные в 70-х годах XIX в., связывают его этимологию с именем киргизского богатыря, похороненного будто бы в Пишпекском урочище, или с кумысомешалкой (по-киргизски— *бишкек),* якобы утерянной некогда на одном из киргизских зимовий в этой местности. Важен сам факт отражения в бытующих и доныне легендах того, что киргизский народ считает эту землю своей, искони им обжитой. См.: Вечерний Фрунзе, 1978, 16 декабря.

[21] Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с 85. Подробнее о датировке основания крепости см.: Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство.—Фрунзе: Илим, 1977, с. 139.

[22] Валиханов Ч. Ч. и Северцев Н. А. отмечали наличие киргизских посевов и зимних кочевых стойбищ в окрестностях Пишпека. Летние их кочевья располагались в верховьях рек Аламедин и Ала-Арча. См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах, т. I.—Алма-Ата, 1961, с. 544.

[23] Полторацкий. Описание страны на запад от Заилийского края до р. Сыр-Дарьи и на юг до Тянь-Шаня. ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., 1864 г., оп. 263/316а, д. 54, л. 24, и др.

О географическом местонахождении города и природных условиях его окрестностей подробнее см.: Киргизия. Советский Союз. Географическое описание в 22 томах (М.: Мысль, 1970, с. 129), а также работы С. Н. Рязанцева и других географов, указанные во введении.

ройки, солдатские казармы и склад боеприпасов, лавки и мазанки торговцев, сборщиков податей и семей военных. На небольшой насыпной площадке у пруда, обсаженного деревьями, комендант обычно принимал приезжих, творил неправедный суд и расправу. Символом его власти была виселица у самой крепости, здесь же, на холме[24]. Под контролем коменданта в Пишпеке происходили ежегодные съезды *(топ)* киргизских манапов и биев (судей) собиравшихся для решения спорных вопросов.

Внутри цитадели, занимавшей восточную часть укреплений, находились дом коменданта и других начальствующих лиц, караульное помещение, пороховой и оружейный склады, мастерская для починки оружия и отливки пуль, казначейство и различные хозяйственные постройки — продовольственный склад, бойня, а также колодец. Здесь же размещались мазанки и юрты для заложников из родовитых киргизских семей[25]. Наряду с мечетью, служившей для духовного порабощения киргизского населения, для устрашения наиболее непокорных в крепости имелся *зиндан* — тюрьма в подземелье[26].

Под защитой Пишпекской крепости, вблизи ее западной стены, в роще абрикосовых деревьев[27] постепен-

---

[24] См.: Абрамов Н. А. Алматы, или укрепление Верное с его окрестностями. — Зап. РГО, т. I.—СПб., 1867, с. 266.

[25] Подробные сведения о Пишпекской крепости в 1859—1862 гг. содержатся в записках переводчика Бардашева, военного инженера Каменногородского и капитана Венюкова. (ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., оп. 263/316а, 1859 г., д. 95; ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-75, оп. 1, д. 51). См. работы Б. Д. Джамгерчинова, К. У. Усенбаева и А. Х. Хасанова по истории Киргизии XIX в., указанные во введении, а также статью В. Плоских, В. Галицкого «Фортификационные укрепления на территории Киргизии первой половины XIX в.». В кн.: Памятники Киргизстана. Научно-популярный сборник. Вып. 2.—Фрунзе: Кыргызстан, 1973, с. 27—32.

[26] По фольклорным данным, не избежал зиндана даже манап Шабдан за переход на сторону русских его отца — Джантая, а сын манапа Байтика, известного своей прорусской ориентацией,— Байсал—подвергся издевательствам со стороны пишпекского коменданта Рахматуллы. Это усиливало недовольство кокандцами и со стороны киргизской феодально-родовой верхушки. См.: Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века.—Фрунзе: Мектеп, 1961, с. 15.

[27] Под садами и огородами всей кокандской колонии в Пишпеке было занято менее 10 десятин См.: Северцов Н. О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля. Материалы для статистики Туркестанского края, Вып. IV.—СПб., 1876, с. 105, примеч.

но возникло одно из самых значительных кокандских поселений в Чуйской долине. В нем насчитывалось не менее 120, а может быть и несколько сотен глинобитных мазанок[28], заселенных преимущественно «аркатскими сартами» — выходцами из Ташкента и Бухары, владевшими купленными или выменянными у киргизов баранами. Здесь же в небольшом количестве проживали узбеки земледельцы (огородники) и ремесленники, отчасти из бывших солдат, а также приезжие купцы и торговцы из Ташкента, Маргелана и Намангана.

После таможенного досмотра в припишпекских постоялых дворах *(караван-сараях)* останавливались на отдых следовавшие в ханство дальние караваны, а в лавочках на базаре в селении и в самой крепости на дому у узбекских торговцев велись торговля с гарнизоном и неэквивалентный обмен изделий кокандского ремесла на киргизский скот. Пишпек играл роль складского и торгово-перевалочного пункта для Чуйской долины, Сусамыра, Прииссыккулья и других районов Тянь-Шаня[29].

Однако заметного влияния на развитие экономики края кокандская колонизация и ее опорные пункты, подобные припишпекскому селению, не оказали. В источниках не отмечена также преемственность земледельческих занятий киргизов от кокандских колонистов в Чуйской долине. Зато по ним нетрудно увидеть, как надежно служила кокандцам Пишпекская крепость в качестве одного из оплотов ханско-феодального гнета над кочевым населением долины.

Во время нередких вспышек национально-освободительного движения киргизы уничтожали выезжавших из крепости сборщиков налогов и их охрану, нападали на Пишпек и другие ханские гнездовья в крае, разбивали на виду у них посланные на выручку осажденным войска из Коканда. Одно из крупных антикокандских выступлений припишпекских киргизов имело место при Мадали-

[28] ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., оп. 263/916а, 1859 г., д. 25, л. 2. Цифра «до 1000 дворов», приводимая А. Талызиным в его историческом очерке, по всей видимости, преувеличена, если исходить из сравнения количества домов в Пишпеке и Ауиле-Ате, а также из числа гражданских лиц, сдавшихся в плен после осады Пишпекской крепости в 1860 и 1862 годах.

[29] Джамгерчинов Б. Из истории господства Кокандского ханства в Киргизии.—Изв. АН Киргиз. ССР, вып. IV.—Фрунзе, 1958, с. 184.

хане (1822—1842 гг.), когда повстанцы уничтожили начальника зякетчей Худай-берди-Диван-беги с трехсотенным конным отрядом. Потребовалось два похода многочисленного войска ташкентского правителя кушбеги Ляшкера, внезапно объявившегося под Пишпеком, чтобы ненадолго усмирить восставших киргизов[30].

В 1842 г., когда весть о разгроме иссык-кульскими киргизами кокандских гарнизонов достигла аилов их чуйских соплеменников, последние фактически блокировали Пишпек, и, почувствовав себя вновь независимыми, отказались от уплаты налогов Коканду[31].

Ханские ставленники в крае, поощрявшие киргизско-казахские феодальные междоусобицы, при вторжении в 1847 г. десятитысячного войска казахского султана Кенесары Касымова оставили мирные киргизские аилы на произвол судьбы, укрывшись за толстыми стенами Пишпека и других кокандских крепостей[32].

Поскольку Пишпек являлся сильнейшим форпостом ханства в Северной Киргизии, коменданты его обычно облекались важным званием датхи или бека. Им были подведомственны коменданты Токмакской крепости и укрепления Ак-Су. Сами они подчинялись непосредственно правителю Ташкентского округа—вилайета. С его ведома по собственной инициативе пишпекские коменданты вступали в сношения с пограничными русскими властями в Заилийском крае, посылая к ним своих доверенных лиц и письма, зачастую полные угроз. Примечательно, что как силы крепостного гарнизона, так и его вооружение[33] наращивались в зависимости от обста-

[30] Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изв. АН Уз. ССР, серия общественных наук.—Ташкент, 1957, № 3, с. 34—35.

[31] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-75, оп. 1, д. 52, л. 31. О народно-освободительных выступлениях в крае против ханско-феодального гнета см.: Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства.—М.: Наука, 1977; а также труды Б. Д. Джамгерчинова, К. У. Усенбаева и В. М. Плоских, указанные во введении.

[32] На тщетные просьбы киргизов о помощи комендант Пишпека Алишер-датха снабдил киргизов, противостоящих натиску Кенесары Касымова, лишь двумя небольшими пушками. См.: Джамгерчинов Б. Из истории киргизов 1-й половины XIX века. Уч. зап. историч. фак-та КГУ, вып. VI.—Фрунзе, 1958, с. III.

[33] В середине XIX в. в крепости имелось несколько небольших медных пушек и свыше десятка ручных мортир (так называемые заплечьи) без всяких прицельных устройств.

новки, складывавшейся в Чу-Илийском междуречье, определяясь взаимоотношениями кокандцев с киргизско-казахским населением и русскими властями. Так, в разные годы гарнизон Пишпека насчитывал от 150—170 до 600—700 солдат — пехотинцев *(сарбазов)* и конников *(сипаев)*[34].

С конца 40-х годов XIX в. пишпекские коменданты, по-прежнему озабоченные фискально-карательными операциями против казахско-киргизского населения в долине р. Чу, начинают вместе с тем активно противодействовать усилиям царской России, продвигавшейся в Чу-Илийское междуречье[35]. Всякий раз вслед за основанием там русских опорных пунктов[36] в Пишпек прибывали усиленные отряды кокандских войск, готовые к нападению на русские укрепления и поселения, к очередному ограблению киргизско-казахских кочевников в крае, что не раз бывало в 1848—1859 гг.

Попытки русских пограничных властей установить непосредственные контакты с киргизами Чуйской долины (особенно участившиеся с середины 50-х годов XIX в.) способствовали, по-видимому, активизации здесь антикокандских выступлений. Так, летом 1850 г. чуйские киргизы, узнав о движении русского отряда против форпостного укрепления кокандцев Тойчубек на р. Или и восприняв это как помощь в их борьбе против Кокканда, совершили «смелый натиск» на Пишпек[37]. Тем са-

---

[34] Численность гарнизона, судя по документам конца 50-х — начала 60-х годов XIX в., составляла обычно свыше 500 чел., а в случае военной тревоги комендант Пишпека ставил под ружье и всех проживавших в крепости и около нее мужчин из гражданского узбекского населения. (ЦГА Уз. ССР, ф. И-715, оп. 1, д. 22, л. 168). Киргизы же в Пишпеке, кроме заложников, да и в других кокандских крепостях не проживали. Противоположные утверждения не документируются. См.: Такырбашев А. Столица Советского Киргизстана..., с. 9—11.

[35] Когда, например, в 1853 г. за р. Или был послан русский отряд для принятия подданства от прикочевавших в верховья р. Чу киргизских аилов, подвластных манапу Ормону Ниязбекову, комендант Пишпека Атабек-датха, направил манапу письмо, отговаривая его от этого шага и советуя лучше «приготовиться к сопротивлению русским войскам». (ГАОО, ф. 336, оп. 1, д. 249, л. 9).

[36] В 1847 г. Копальский пост преобразуется в укрепление, в 1854 г. основано укрепление Верное, а через пять лет — Кастекское.

[37] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-75, оп. 1, д. 51, л. 1; Бабков И. Ф. Воспоминание о моей службе в Сибири. 1859—1872 гг.—СПб., 1912, с. 20.

мым они заставили возвратиться сюда с полдороги кокандский отряд, выступивший на помощь гарнизону Тойчубека.

Остро враждебный, антирусский характер носили военные приготовления кокандцев в Пишпеке и других ханских крепостях в годы Крымской войны (1853—1856 гг.), когда устраивалось русское укрепление Верный, и в последующее время[38].

Кокандский Пишпек, довлея над чуйскими киргизами, являлся в то же время источником постоянной угрозы и для казахов, уже принявших подданство России[39], и для первых русских селений в Заилийском крае. Пишпекские коменданты, свирепо подавляя периодические антикокандские выступления киргизов и казахов в Чуйской долине, зачастую играли неприглядную роль подстрекателей киргизско-казахских феодальных междоусобиц и организаторов нападений кокандско-кипчакских отрядов на казахские племена, а сарыбагышей — на принявших в 1855 г. русское подданство иссык-кульских киргизов.

Так, в 1857 и 1858 годах в Пишпеке снова скопилось кокандское войско в несколько тысяч человек, намеревавшееся напасть на казахские волости за р. Или и на русских переселенцев и принудить русскоподданных казахов перекочевать за р. Чу. Исполнению этого замысла кокандских военачальников—коменданта Пишпека и стоявшего за его спиной правителя Ташкентского вилайета —в определенной мере помешало вспыхнувшее в 1857 г. одно из наиболее крупных антикокандских восстаний в Семиречье. Восставшие казахи и киргизы, выступив против притеснения и жестокостей правителя Ташкента Мирзы Ахмата, расправились с ненавистными

---

[38] Горячева А. А. Основание города Верного (1854—1860 гг.). Уч. зап. КазГУ, т. XXXI, серия историч. наук, вып. 3.—Алма-Ата, 1957, с. 69.

[39] Ч. Ч. Валиханов характеризовал кокандский Пишпек как «притон, низвергающий набеги и фатализм» (фанатизм ислама.—*В. Г.)*. См.: Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах.—Собр. соч. в пяти томах, т. 1.—Алма-Ата, 1961, с. 379). Другой современник также отмечал, что «в Пишпек прежде каждогодно весною и осенью приходил отряд кипчаков для сбора дани с киргизов Черной и Большой орды (т. е. киргизов и казахов.—*В. Г.)*, кочующих поблизости». (См.: Бардашев Г. Сведения о дикокаменных киргизах.—Туркестанские ведомости, 1870, № 15).

сборщиками податей, а затем прервали сообщение между кокандскими крепостями в Таласской и Чуйской долинах, осадив их гарнизоны и Чимкенте, Аулие-ата и Пишпеке. С подходом из внутренних районов ханства сильного отряда во главе с ташкентским правителем кокандцам удалось рассеять повстанцев около Аулие-Аты. Последние стали стягиваться в район Пишпекской крепости. Посланные против них отряды под командованием пяти кокандских пансатов (военачальников) были наголову разбиты под Пишпеком[40]. С новой силой восстание разгорелось весной 1858 г., охватив территорию от г. Чимкента до р. Чу[41].

Резюмируя вкратце изложенное, еще раз отметим, что в целом роль кокандского Пишпека в истории края была весьма неприглядной.

3. Взятие царскими войсками Пишпекской крепости (1860 и 1862 годы)

С конца 50-х годов, по мере дальнейшего продвижения царизма в глубь Семиречья, значение Пишпека как одного из наиболее сильных форпостных укреплений на северных границах кокандских владений все более возрастало[42]. Ханское правительство почти ежегодно принимало меры к усилению крепости и ее гарнизона, стараясь также сохранить влияние на казахов и киргизов, кочевавших поблизости.

В свою очередь, стремясь к овладению Киргизией и другими районами Средней Азии, царизм придавал большое значение прочному занятию Пишпека и других кокандских укреплений в Чуйской долине. Западносибирские власти ясно понимали, что это — единственное решительное средство ликвидации кокандского господства в Семиречье[43] и необходимое звено в осуществлении одобренного царским правительством плана соединения передовых пограничных линий — Оренбургской и Западносибирской. Именно потому Пишпек оказывался в фокусе военно-политических интересов Коканда и России, и назревавшее из-за него военное столкновение становилось неизбежным.

Между тем коменданты Пишпекской крепости и их повелители в Ташкенте и Коканде, не учитывая реального соотношения сил и симпатий коренного населения края, продолжали притязать от ханского имени не только на горы Ала-Тоо, но и на Прииссыккулье. Даже в 1860 г. они присылали сюда, хотя и безуспешно, отряды для возведения укреплений и сбора дани с иссык-кульских киргизов, принявших в 1855 г. подданство России.

Неудачные действия кокандцев весной 1860 г. против Заилийского отряда ускорили выступление из Верного в конце августа двухтысячного отряда под началом полковника Генерального штаба И. Э. Циммермана, имевшего целью овладеть Токмаком и по возможности Пишпеком (их завоевание было уже одобрено на совещаниях в военно-политических верхах империи, но планировалось оно позднее). Во время похода русские распространяли обращение к кочевавшим по р. Чу казахам и киргизам, разъясняя, что действия отряда направлены исключительно против кокандцев.

После взятия 26 августа 1860 г. Токмака отряд в два перехода, с ночевкой на р. Иссык-Ата, вскоре достиг Пишпека. При переправе через р. Аламедин, у восточной стороны крепости, кокандцы обстреляли его из пушек. Циммерман, ознакомившись с ближними подступами к крепости, решил отказаться от прямого штурма и и начал регулярную ее осаду. Оцепив Пишпек казачьими постами и разъездами, отряд занял новые позиции

---

[40] Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства.—Казань, 1886, с. 186.

[41] Историки Казахской ССР отмечают активное участие в восстании 1858 г. наряду с казахами Семиречья и алатауских киргизов, в частности из окрестностей Токмака и Пишпека. (См.: Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России.—М., 1957, с. 105; История Казахской ССР, т. I.—Алма-Ата, 1957, с. 348).

[42] «Главную точку линии (внешних укреплений.— *В. Г.*) составляет Аулие-Ата, — отмечал в 1860 г. М. И. Венюков. — но наиболее военное значение кокандцы в настоящее время придают Пишпеку, как самому передовому пункту в стороне русских владений» (ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч, оп: 269/916а, 1859, д. 95, л. 1).

[43] «Каждый год, наши киргизы (казахи.—*В. Г.*) более или менее подвергаются нападениям ташкентского отряда, находящегося в Пишпеке, — сообщал рапортом от 18.IV 1858 г. начальник Алатавского округа командиру Отдельного Сибирского корпуса.— и *до тех пор, пока Пишпек не будет в наших руках, Большая орда не будет спокойна* (выделено нами.—*В. Г.*)».

в двух верстах[44] западнее крепости, где к ней близко примыкала роща плодовых деревьев (с других сторон местность перед ней была открытой, а с севера находилось поросшее камышом болото). Артиллерийским огнем, продолжавшимся пять дней, осаждающие повредили наружную стену крепости и угловую юго-западную башню, где намечался прорыв обороны. Кокандцы потеряли почти десятую часть гарнизона — 20 убитых и около 50 раненых, русские — всего 7 человек. Вечером 4 сентября кокандцы запросили пощады[45]. В плен сдалось 627 человек во главе с датхами Атабеком и Алишером (в том числе 5 беглых русских солдат, а из гражданских лиц — 84 торговца с работниками, 63 женщины и 38 детей). Почти всех пленных вскоре отпустили. В Пишпеке были взяты большие трофеи[46]. Взорвав и основательно разрушив крепостные стены (при этом было израсходовано 217 пудов пороха и в течение недели трудились 600 человек), предав огню все военные постройки внутри крепости (гражданские строения вне стен Пишпека не были тронуты), отряд выступил в обратный путь на Верный.

Падение Пишпекской крепости — одной из сильнейших в крае после Аулие-Ата — поколебало представление о силе Коканда, показав действительную мощь России, позиции которой в Семиречье с этого времени стали значительно упрочиваться[47].

В начале октября 1860 г. к развалинам Пишпека прибыл полуторатысячный авангард многочисленного кокандского войска, посланного ханом под началом Ка-

---

[44] 1 верста=500 саженей=1,0668 км; 1 сажень=2,134 м.

[45] Описание военных действий в Заилийском крае и журнал осады Хоканской крепости Пишпек с 2-мя чертежами.—Инженерный журнал.—СПб., 1861, № 1, с. 41.

[46] В числе трофеев русскому отряду достались: секира—знак власти коменданта Атабека и три знамени — красное с бунчуком Атабека и белое — Алишера, 5 медных орудий (из них 4 на лафетах), 11 фальконетов, 49 крепостных и 367 кремневых и фитильных ружей, 6 пистолетов, 366 сабель и шашек, 206 пик, 16 щитов, 7 кольчуг, шлем с железной насечкой, военный оркестр (10 барабанов и литавр), более 100 пудов пороху, много ядер и картечи для крепостных ружей, 101 строевой конь. (См: Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. В сб.: Русский Туркестан.—СПб., 1868, с. 130—131).

[47] Джамгерчинов Б. Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века.—Фрунзе: Кыргызстан, 1966, с. 155—156.

наата-ша (с ним был и новый пишпекский комендант Рахматулла) для отвоевания потерянного Чу-Илийского междуречья. Двинувшись оттуда на Верный, Канаат-ша 21 октября 1860 г. в бою при Узун-Агаче потерпел поражение. Кокандцы поспешно отошли за р. Чу, расположившись лагерями у Токмака и Пишпека, они занялись восстановлением и усилением укреплений. В апреле 1861 г. Канаат-ша вновь прибыл с сильным отрядом и большим транспортом в Пишпек, готовясь к очередному выступлению на Верный. Однако оно не состоялось из-за очередных неурядиц в ханстве.

Весной 1862 г. у стен вновь отстроенного кокандцами Пишпека появился русский рекогносцировочный отряд из Верного под командованием полковника Г. А. Колпаковского.

Окончательное падение Пишпекской крепости было ускорено вспыхнувшим в начале сентября того же года восстанием чуйских киргизов против гнета кокандских феодалов. Им удалось завлечь в западню коменданта Рахматуллу, от насилий которого они более всего страдали. Джигиты, подвластные манапу Байтику, уничтожили коменданта и почти весь его конвой в 60 человек[48]. Взять же крепость без артиллерии восставшие не могли даже при поддержке соплеменников, которым удалось захватить неотстроенный еще кокандцами Токмак. Послав в Верный гонца за помощью, они осадили Пишпек.

Получив сведения о положении в Чуйской долине и указание из Омска овладеть Пишпеком и сравнять его с землей, начальник Алатавского округа Г. А. Колпаковский выступил из Верного 3 октября 1862 г. с отрядом в 1400 человек и артиллерией. Уже через 10 дней, переправившись через р. Чу в районе Пишпека, отряд занял позиции на р. Ала-Арче в двух верстах от западной стены крепости. По сравнению с 1860 годом Пишпек был более подготовлен к обороне, которую возглавили сын убитого коменданта и сотник Тюрекул-баша. Г. А. Колпаковский начал полную осаду крепости, разрушая ар-

---

[48] По фольклорным данным, события разыгрались в местности Акчий—невдалеке от самой крепости, около нынешнего совхоза «Майский». Подробнее см.: Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века, с. 21—23 и др.

тиллерийским огнем башни и укрепления, готовясь взорвать наружную стену.

Осажденные все время активно оборонялись, особенно в ночь на 24 октября, накануне предполагаемого штурма.

Видя, однако, бесполезность дальнейшего сопротивления, в полдень 24 октября 1862 г.[49] кокандцы сдались. Через два дня Г. А. Колпаковский приказал приступить к разрушению пишпекских укреплений. Помимо выделенных солдатских команд этим охотно занимались 300 киргизов. Вообще во время осады Пишпека окрестные киргизы оказывали всяческое содействие русским войскам, поставляя им скот, юрты и лошадей для разъездов. 2 ноября отряд (как и в 1860 г.), опасаясь закрытия снегом перевалов, покинул дымящиеся развалины Пишпекской крепости. Киргизы же в отмщение кокандцам начисто разрушили их селение около крепости.

Вторичным взятием Пишпека фактически было покончено с господством Коканда над киргизско-казахским населением Чуйской долины. Весной 1863 г. у полуразрушенных пишпекских укреплений вновь появился разведывательно-экспедиционный отряд из Верного под командованием Г. А. Колпаковского с целью совсем уничтожить остатки кокандского Пишпека[50]. С его уходом в июне в Верный возвратились в свои аилы сотни киргизов, помогавших русским. И снова нарушилась, как год назад, оседлая жизнь в районе Пишпека, на этот раз уже ненадолго...

Уже к осени 1863 г. было ликвидировано кокандское господство на севере Киргизии, где проживала большая

---

[49] На этот раз из крепости вышли 22 кокандских офицера и 554 солдата (помимо шести русских беглых солдат), а также 82 торговца и «разночинца» и 92 человека женщин и детей. Все пленные кокандцы, исключая двух старших начальников, оставленных для обмена на русских пленных, как и в прошлый раз, были отпущены. В качестве трофеев были захвачены: 3 знамени, 5 больших медных пушек, большая мортира, пушка и 2 гаубицы, 4 чугунные пушки, 19 фальконетов, 600 ружей и 100 сабель, около 2000 пудов пороху, до 7 тыс. ядер, бомбы и гранаты, значительное количество свинца и пуль. См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. I, с. 271—272. Описанные события отражены и в художественной литературе. См.: Смышляев Юрий. У стен Пишпека. Драматическая поэма.—Фрунзе: Мектеп, 1964.

[50] ЦГА Уз. ССР, ф. И-715, оп. 1, д. 26а, л. 89, 86.

часть киргизов, добровольно принявших подданство Российского государства. Это спасло киргизский народ от порабощения соседними отсталыми феодальными державами, устранило разорительные междоусобные родоплеменные войны, а также ускорило процесс его экономического, политического и культурного развития, не избавив, однако, трудящихся киргизов от эксплуатации баев и манапов, от колониального гнета царизма. И хотя самодержавие душило свободу не только киргизского, но и русского и других народов, вхождение края в состав России имело все же большое прогрессивное значение[51].

4. Пишпек—русский пикет и селение (1864—1878 гг.)

Возрождение Пишпека — сначала как опорного пункта русских войск, затем крестьянского поселения, а позднее и городского центра — произошло после окончательного закрепления России в Чуйской долине и нараставшего в конце 60-х — начале 70-х годов переселенческого движения из центральных губерний страны.

Пишпеку в планах штаба Отдельного Сибирского корпуса до экспедиций 1860—1863 гг. отводилась роль мощного форпоста (типа Верненской крепости) с казачьим поселением вблизи. Но затем, в связи с выяснившимся непрочным положением кокандцев в Южном Семиречье и общей слабостью ханства, в Пишпеке предполагалось организовать уже не передовой, а один из промежуточных военных постов на пути от Верного к Аулие-Ате[52], взятие которой намечалось в 1864 г. Правда, учитывая былое политическое значение кокандского Пишпека для окрестного коренного населения и его центральное положение между Верным и Аулие-Атой,

---

[51] См.: О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета КП Киргизии от 22 января 1974 года.—Фрунзе: Кыргызстан, 1974; Дружба народов СССР—источник силы и могущества нашей великой Родины..., с. 45—46.

[52] Серебренников А. Г. Туркестанский края. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864 г., т. 1.—Ташкент, 1914, с. 9.

начальник Алатавского округа советовал западносибирским властям оставить здесь бо́льший, чем в Токмаке и Мерке, гарнизон — роту пехоты с полусотней казаков при двух легких орудиях. Уже тогда все эти пункты намечалось превратить в поселения заилийских казаков: в Пишпеке поселить 50 семейств, в Токмаке и Мерке — по 25, в Аулие-Ате — 100.

Из документов 1864 г. о движении полковника М. Г. Черняева из Верного к Аулие-Ате видно, что во время этого похода было заложено русское укрепление Токмак вблизи развалин одноименной кокандской крепости, а в Меркенской крепости после ее взятия разместился русский гарнизон. По-видимому, сильное трехкратное разрушение Пишпека (в 1860, 1862 и 1863 гг.) и кратковременность стоянки у него перед выступлением к Мерке (где кокандцы незадолго перед тем выставили наблюдательный пост) и Аулие-Ате (которую кокандцы спешно готовили к обороне) не позволили экспедиционному отряду быстро приспособить пишпекские развалины под укрепление и тем более возвести новое. Быть может, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в лагере под Пишпеком к русскому отряду присоединились киргизские манапы Байтик и Корчу со своими джигитами, а также некоторые киргизские бии. Тем самым тыл отряда оказывался обеспеченным. По словам одного из участников похода, киргизы встретили русских и на этот раз доверчиво, дружелюбно, охотно поставляя им скот для продажи. Не исключено, что впоследствии небольшие оборонительные сооружения все же были возведены[53] вокруг оставленного в Пишпеке казачьего пикета[54] — одного из многих, учрежденных М. Г. Черняевым летом 1864 г. на линии между Аулие-Атой и Верным для обеспечения сообщения продвигавшихся пере-

[53] Пишпек назван в перечне русских крепостей в сочинении А. Сафронова «Туркестанская область» (1865, с. 7). Небезынтересно, что и в списках населения Семиреченской области к. 1.I. 1883 г. фигурирует «укрепление Пишпек» (ЦГА Каз. ССР, ф. И-44 ,оп. 12-Д, д. 22, л. 55. См. также: Хасанов А. О присоединении северных киргизов к России.—Вопросы истории, 1950, № 7, с. 129).

[54] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И.-1283, оп. 1, д. 27, л. 3. Факт временного пребывания в Пишпеке казачьего пикета (поста) не равнозначен образованию здесь «военного поселения», как о том пишет Е. Г. Писарской в брошюре «Город становится краше» (с. 5).

довых частей с их тыловыми базами[55]. В этой связи представляет интерес указание военного врача И. Зарубина (проезжавшего через Пишпекскую конно-почтовую станцию в 1877 г.) «...сначала мы из нее (разрушенной Пишпекской крепости. — *В. Г.*) сделали было укрепление, но потом оставили его, вследствие совершенной ненадобности, по замирании края»[56]. Поэтому если вопрос о наличии в те годы в Пишпеке военного укрепления, возможно, требует еще уточнения, то возникновение здесь оседлого поселения вполне документируется.

Под защитой Пишпекского пикета около него и у Ташкентской дороги вскоре поселилось несколько семейств так называемых чалоказаков, занявшихся огородничеством, хлебопашеством[57], возможно, содержавших скот. К ним стали присоединяться узбеки, отчасти из живших ранее в крепости торговцев, огородников и ремесленников (даже в середине 70-х годов XIX в. некоторые из них жили здесь, подобно киргизам, в юртах, не кочуя, однако)[58], а затем и татары. Эти первопоселенцы построили вдоль почтовой дороги глинобитные, с плоской заливной крышей восточного типа мазанки (сакли) и небольшие лавки, послужившие началом базара в Пишпеке.

С открытием регулярного почтового сообщения в 1867 г. между краевым центром Туркестанского генерал-губернаторства—Ташкентом—и областным городом Семиречья — Верным — на Пишпекской и других конно-почтовых станциях служили «вольнонаемные почтари» из киргизов, казахов и калмыков под надзором сохранявшихся еще казачьих пикетов. Постепенно рядом со многими почтовыми станциями Семиречья возникли крестьянские поселения, жители которых называли станции «пикетами» (упразднены впоследствии). Тогда и почтовую станцию в Пишпеке называли Пишпекским пикетом.

Образование русских крестьянских селений в Семи-

[55] Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, с. 302.

[56] Зарубин И. По горам и степям Средней Азии. — Русский вестник, 1879, № 11.

[57] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-1283, оп. 1, д. 27, л. 3 и следующие.

[58] Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда. — Туркестанские ведомости, 1873, № 10, часть неофициальная (далее — ч. неоф.).

речье вдоль трактовых дорог соответствовало новым колонизаторским целям семиреченской администрации, просившей в январе и сентябре 1868 г. разрешения у краевых властей на поселение в Пишпеке 50 крестьянских семейств, желавших осесть на жительство в Токмакском уезде[59]. Ими и подобными переселенцами, видимо, и были основаны на линии почтового тракта два крестьянских поселения (вблизи развалин кокандского Пишпека): большое село Аламедин (1868 г.), а затем, невдалеке от него, село поменьше — собственно Пишпек (не позднее 1870 г.), названные так по имени урочища и бывшей крепости (передавшей впоследствии свое наименование почтовой станции, селению и новому городу).

Пионерами русской крестьянской колонизации в Чуйской долине были выходцы из Пензенской, Самарской, Воронежской и Тамбовской губерний; часть из них прежде уже пыталась «найти свое счастье» на землях Сибири и Казахстана («шатуны», как пренебрежительно именовали их чиновники). Среди первых русских поселенцев Пишпека (причисленных здесь в 1870—1871 гг. распоряжением областной администрации) в источниках упоминаются братья Рыбьяновы, Кушаковы, затем Журавлевы, Малыхин и другие — всего до десятка дворов[60]. Облюбовав для себя усадебные участки, они сооружали на первых порах землянки и шалаши, «времянки», а окрепнув, — и постоянное жилье вдоль трактовой дороги, невдалеке от бывшей крепости и в пределах будущей городской черты. Благодаря упорно распространявшимся слухам о том, что новый населенный пункт должен стать уездным городом[61], к первопоселенцам Пишпека присоединились торговцы — узбеки из Ташкента, Намангана и других местностей Узбекистана.

Однако первые пять-шесть лет население Пишпека, намного уступая по численности населению с. Аламедин,

[59] ЦГА Уз. ССР, ф. И.-1, оп. 27, д. 467, л. 1, 4.

[60] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 3, л. 11.

[61] Летом 1871 г. копальский мещанин Раимкул Валиев, проживавший «при Пишпеке», обратился к властям с просьбой о перечислении его «мещанским званием» в предполагаемый город в Пишпеке. Администрация предписала старосте с. Аламедин (поскольку в Пишпеке представители даже низовой власти еще отсутствовали) объявить ему, что «приписка в Пишпеке, как преждевременная, не допускается». (ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-13, оп. 1, д. 1, л. 1, 2, 4).

росло довольно медленно[62]. По крайней мере количество русских семейств здесь до 1876 г. оставалось неизменным. Так, летом 1876 г., по данным осведомленного современника (скрывшегося под газетным псевдонимом «Н. П.»), в Пишпеке проживало всего 58 семейств—182 человека обоего пола, в том числе женщин — 94. По национальностям пишпекские жители подразделялись так: русских семей было 9, узбекских— 48 и татарская—1.

Большинство русских новоселов в Пишпеке составляли простые люди труда: 5 мещанских семейств выращивали хлеб, одна семья была солдатской, одна — казацкой и две семьи мелких торговцев. Из 49 нерусских семей сельским хозяйством занимались больше половины — 26 (главным образом узбекские и одна татарская). 20 узбекских семей промышляли торговлей и только 3 семьи — ремеслом.

В последующие годы население Пишпека и его торгово-промышленная прослойка постепенно увеличивались благодаря предоставляющимся в Семиречье льготам для русских крестьян-переселенцев, а также обещаниям администрации образовать здесь город. Новый приток жителей был отмечен во второй половине 70-х годов; подобно первопоселенцам, они размещались невдалеке от бывшей крепости, вдоль дорожных полотен, на линии будущих улиц Ташкентской (ныне ул. 50-летия Киргизской ССР) и Верненской (Алма-Атинская)[63].

Тогдашний Пишпек не отличался от вновь основанных русско-украинских селений в крае. Среди его малоприглядных мазанок выделялись 13 домов европейского

[62] Н. П. Пишпек и Аламедин.—Туркестанские ведомости, 1876, № 22, ч. неоф. (Цифровые данные о Пишпеке за 1876 г. взяты из этого источника, суммарные их подсчеты наши. — *В. Г.*). В справке телеграфного департамента, составленной летом 1871 г., указывается, что Пишпек, подобно Мерке и Лепсинску, находится в местности «совершенно ненаселенной» (что не совсем точно), где за исключением почтовых пикетов и пристраиваемых к ним телеграфных станций «нет других зданий», а кроме почтовых служащих «нет других жителей» (это, как видим, было не совсем так). А потому назначенным в Пишпек телеграфистам до обзаведения собственным хозяйством провиант выдавался натурой, а также разрешались ежемесячные поездки в ближайшие города или крупные селения (к примеру, в Отар), «по случаю крайней дороговизны и совершенного неимения на почтовых станциях жизненных припасов» (ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 1, д. 3070, л. 419—420).

[63] Из воспоминаний Лозовых С. Н.

типа, в том числе почтовая станция (из сырцового кирпича), кабак (позже временно закрытый до обзаведения хозяйством новопоселенцев), а также дома хозяйственно окрепших, зажиточных жителей. По словам одного из знатоков русского Туркестана[64], селение Пишпек было уже больше Чалдовара или Сокулука, насчитывавших по 20 дворов, и равнялось Беловодску, где имелось 80 дворов.

Таким был Пишпек накануне преобразования его в город — административный центр уезда, ставший позднее узловым пунктом сообщений и связи в крае. Здесь сходились почтовые дороги из Верного (Алма-Аты), Каракола (Пржевальска), Нарына и Ташкента, пересекались караванные пути из Кашгара, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, располагались почтовое отделение и телеграфная станция (1878 г.)[65].

В последующей истории уездного города Пишпека своеобразно отразилось историческое прошлое Киргизии и ее народов в конце XIX—начале XX вв. В нем коренное население всякий раз сталкивалось не только с «господами ташкентцами»—царскими колонизаторами и дельцами из России, но и с представителями лучшей прогрессивной ее части — русскими рабочими, трудовыми крестьянами-переселенцами и передовой интеллигенцией. В общении с сыновьями этой второй, не самодержавной, а демократической России, киргизский народ установил добрососедские, дружеские отношения, находя в их лице товарищей по борьбе против социального и национального угнетения. «В этой справедливой борьбе киргизский народ, связавший свою судьбу с судьбой великого русского народа, обрел в лице рабочего класса России верного друга, союзника и руководителя. Участие в едином общероссийском революционном движении под руководством партии большевиков стало главным фактором, определившим направления исторического прогресса киргизского народа, как и других народов страны»[66].

[64] Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, с. 303.

[65] См.: ЦГА Уз. ССР, ф. И.-4, оп. 27, д. 1011.

[66] О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета КП Киргизии от 22 января 1974 года.—Фрунзе: Кыргызстан, 1974, с. 37.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ г. ПИШПЕК И ЕГО НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ (1878—1895 гг.)

1. Перенесение уездного центра в Пишпек и управление городом

Дореволюционная история Пишпека как уездного города исчисляется лишь четырьмя десятилетиями (1878—1917 гг.). До 1878 г. центром Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда был в течение 11 лет Токмак (1864—1867 гг.—русское укрепление). Но уже с 1869 г. по настоянию начальника Токмакского уезда (образованного в 1867 г.), убедившегося в неблагоприятном расположении пункта уездного управления, семиреченские власти проектировали перенести его в более удобное место — к бывшей Пишпекской крепости, в Кочкорку или Кутемалды[1] (район нынешнего г. Рыбачье, у северо-западной оконечности оз. Иссык-Куль). Но все эти проекты не были тогда одобрены в Ташкенте[2].

В 1870 г. туркестанский генерал-губернатор во время поездки по Семиречью, ознакомившись с Токмаком и Пишпеком остановил свой выбор на Пишпеке. В 1872 г. начальнику Токмакского уезда были сообщены правила раздачи переселенцам земли у Пишпека[3]. Но вплоть до 1878 г. сдвигов в осуществлении проекта переноса уездного центра не было. В связи с тем, что дальнейшей застройке Токмака стали мешать окрестные болота, а во время сильного зимнего разлива р. Чу в 1877 г.

[1] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1011, л. 1.

[2] В административном отношении Семиреченская область, включая Токмакский (Пишпекский) уезд, входила в Туркестанское генерал-губернаторство, а в 1882—1899 гг.—в Степное. Затем Семиречье вновь подчинялось Туркестанскому краю (преобразованному в 1886 г. из генерал-губернаторства).

[3] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1011, л. 2.

он был вновь полузатоплен, военный губернатор Семиреченской области 3 декабря того же года снова просил краевого начальника разрешить перевести уездный центр весной будущего года в Пишпек. На этот раз согласие было получено.

29 апреля 1878 г. уездное управление было перенесено в Пишпек[4], а в мае 1878 г. сюда были переведены уездно-городские учреждения, в том числе уездный суд, касса и почтовая контора. Одновременно с чиновниками в Пишпек переехали уездный врач и акушерка. Передислоцировалась и часть Токмакской местной воинской команды, солдаты которой охраняли арестантов и уездную кассу[5]. До устройства казарм в Пишпеке силами самих солдат они временно разместились в с. Аламедин.

Описанные события предопределили образование города в Пишпеке[6].

Функционируя с 1878 г. как административно-политический центр северной части Киргизии, Пишпек постепенно становился городом и в социально-экономическом отношении.

Перевод уездного центра в Пишпек и признание за ним городского статуса, затянувшиеся почти на десятилетие, сыграли важную роль в жизни его первопоселенцев, повлекли изменения и в организации управления им.

В 1878—1895 гг. все административно-хозяйственные и другие вопросы местной жизни в Пишпеке, как ранее в Токмаке, находились в ведении уездных властей. На них возлагалось и заведование делами в городе до организации городского «самоуправления». Уездные начальники, облеченные всей полнотой власти в городе и уезде, хотя формально руководствовались в своих действиях общеимперским Уставом о городском хозяйстве, фактически, по образному выражению одного из них, управляли по принципу: «В своем уезде я — царь и бог!»[7]. Города Семиречья, в их числе и Пишпек, в результате такого военно-чиновничьего управления развивались весьма медленно, что вынуждена была признать сама администрация. Пытаясь оживить жизнь городов, улучшить их хозяйство, внешнее благоустройство семиреченские власти прибегли к созданию в них хозяйственных комитетов из состоятельных домовладельцев и торгово-промышленной городской верхушки, возглавляемых чиновниками уездной администрации.

В 1878 г. в Пишпеке был учрежден городской хозяйственный комитет под председательством старшего помощника уездного начальника. Комитет состоял из служащих так называемого военно-народного управления и зажиточных пишпекских обывателей, назначаемых главой уездной администрации[8]. На его членов возлагалось изыскание статей городского дохода и частных мер по благоустройству города, которые затем представлялись комитетом на утверждение уездного начальника. Однако завися во всем от уездной власти, комитет зачастую не проявлял интереса к общегородским делам и своим обязанностям. Горожане же смотрели на него как на бесправный придаток военно-колониального аппарата. Уездные начальники, не говоря о вышестоящих властях, единолично решали все городские дела, обычно обходясь без комитета, который, по их мнению, «не принося никакой пользы, лишь замедлял дело».

В связи с явно плачевным состоянием городского хозяйства в Семиреченской области генерал-губернатор Степного края в 1883 г. ходатайствовал перед министерством внутренних дел о введении в Пишпеке и других городах Семиречья общеимперского Городового положения в сокращенном виде и с некоторыми изменениями. Однако министр нашел переход от военно-полицейского управления к «самоуправлению» здесь преждевремен-

---

[4] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 1, д. 22, л. 2.

[5] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1011, л. 9—10.

[6] В большинстве научно-справочных изданий и в других литературных источниках дооктябрьского и советского периода, а также во многих отложившихся в архивах материалах, не исключая и дел Пишпекского городского общественного управления, за первоначальную дату образования города принимается 1878 год — время перевода в Пишпек уездно-городских органов власти. К тому же, по действовавшим в крае законоположениям пункты постоянного пребывания уездных властей официально признавались городами. Такова историко-юридическая сторона этого вопроса. Однако известны документы, исходящие от чиновников краевой канцелярии, не решавшихся еще несколько лет после 1878 г. формально причислять бывшее селение Пишпек к разряду городов.

[7] Из воспоминаний Терентьева М. И. о пишпекском уездном начальнике Грязнове, по фамилии которого была названа одна из пишпекских улиц—Грязновская (а не Грязная, как пишут В. В. Курбатов и Е. Г. Писарской в книге «Архитектура города Фрунзе».— Фрунзе: Кыргызстан, 1978, с. 12), ныне ул. им. Токтогула.

[8] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1011, л. 18—23.

ным. Старый порядок управления городом сохранялся вплоть до середины 90-х годов XIX в., что отнюдь не благоприятствовало развитию и благоустройству Пишпека.

2. Первоначальная планировка и застройка г. Пишпек

Планировка и начало застройки Пишпека как города велись уже после перенесения сюда центра управления уездом. Тогда же в Верном под руководством областного инженера была составлена первая проектная схема разбивки городских кварталов и площадей — важнейших частей нового города. Этот предпосланный к распланировке на месте «план проектного расположения вновь предполагаемого города Пишпека» был утвержден 31 августа 1878 г.[9] военным губернатором Семиреченской области генерал-лейтенантом Г. А. Колпаковским, а затем отправлен в Ташкент для окончательной санкции генерал-губернатора.

Особое место в плане помимо выделения объектов общегородского значения (базарной, гостиной и церковной площадей, парадного плаца и городского сада, госпиталя, кладбищ и мест для кузниц) занимали площади для городской тюрьмы и казарм местной военной команды. Последние, по указанию и. о. туркестанского генерал-губернатора, должны были располагаться так, чтобы «в случае каких-либо смут... быть опорным пунктом»[10] колонизаторов. Подобные градостроительные принципы и мотивы царских «устроителей» края, конечно, наложили свой отпечаток на первоначальную застройку и саму схему распланировки Пишпека. Но нельзя не отметить и того, что простая в своей основе планировка Пишпека удачно «вписывалась» в окружающую местность (наклонное с севера на юг междуречье), на которой располагалась заселенная часть города. Его уличная сетка, разбитая в шахматном порядке, благоприятствовала устройству арычной сети и естественной вентиляции улиц. Выгодно отличаясь от скученной и беспорядочной застройки среднеазиатских городов и селений с их лабиринтами кривых и узких улочек, переулков и тупиков, архитектурно-планировочная структура г. Пишпека—города европейского типа в горном киргизском крае — в целом отражала несравненно более высокую ступень развития русского градостроительного искусства.

Разбивка первых улиц и городских кварталов в соответствии с городским планом началась летом 1878 г. в южном направлении от Ташкентского тракта[11]. Кое-где на появившихся улицах среди молодой зелени стали возводиться дома европейского типа. По некоторым данным, их было всего 13, помимо глинобитных восточного типа мазанок (саклей) и землянок. За ними, несколько дальше к югу (в районе нынешнего колхозного рынка и центрального сквера), находились узбекские бахчи и табачные плантации.

Уже через три года город с отведенным ему выгоном занимал 3326 дес. 1110 кв. саж. земли[12]. Из них под городскими постройками находилось 156 дес. 600 кв. саж., под казенным (городским) садом (ныне часть его территории составляет парк им. И. В. Панфилова), разбитым еще в 1878 г., — 26 дес. и 74 дес. 300 кв. саж. отведено под закладку Карагачевой рощи, из них на 7 дес. уже имелось около 300 тыс. всходов андижанского карагача (1881 г.)[13].

В 1881 г. под руководством городского техника Иванова была произведена очередная нарезка участков для усадеб вновь прибывшим горожанам[14] далее к югу, в

---

[9] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 28, д. 1011 л. 1.
[10] Там же.

[11] Колоритное описание возникающего г. Пишпека оставил Ф. В. Поярков, проезжавший здесь летом 1878 г.: «Город этот тогда только что зарождался, — вспоминал он впоследствии,— в нем было всего несколько разбросанных там и сям домишек, и кое-где их окружали небольшие садики из тополей и молодого карагача..., а далее за ними на далекое пространство расстилалась голая, бесплодная, мертвая степь с раскаленными песками и камнями... На единственной тогда улице нарождавшегося города негде было усталому путнику укрыться от знойных лучей нестерпимо палящего солнца, и почва была страшно раскалена. Кругом — все безжизненно и мертво». (Поярков Ф. Алексей Михайлович Фетисов. (Некролог). — Туркестанские ведомости, 1894, № 39, ч. неоф.).

[12] 1 десятина=2400 кв. саженям=1,09 га; 1 кв. сажень=4,55 кв. м.

[13] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1011, л. 38—39.

[14] Из воспоминаний Лозовых С. Н.

сторону предгорий, и к западу, до разраставшегося в центре города сада. В этом году в Пишпеке насчитывалось уже 98 домов, из них 89 принадлежало «городским обывателям» (48 русским и 41 местным «мусульманским» жителям), а также 7 общественных и 2 казенных здания.

В начале 80-х годов в городе осуществлялись планировочно-благоустроительные работы — выравнивались улицы и площади, строилась арычная сеть, озеленялась Бульварная аллея (ныне бульвар им. Дзержинского), в которых участвовали киргизы-рабочие из окрестных волостей[15].

В 1882—1883 гг. обживается местность к западу от жилых и еще слабо населенных пишпекских кварталов. К осевшим здесь в 1882 г. 150 дунганским семьям (беженцам из Западного Китая, где потерпело поражение дунганское крестьянское восстание против гнета маньчжуро-цинской династии) в начале 1883 г. присоединилось еще 60 семейств дунган. Они-то и основали так называемую Дунганскую слободу[16] (Дунгановка, или Дунганка, в просторечье). Благодаря денежным субсидиям и данному властями разрешению на рубку леса для домообзаведения слобода интенсивно застраивалась низкими глинобитными мазанками и саклями из сырцового кирпича.

В те годы внешне Пишпек еще мало чем выделялся среди переселенческих деревень[17] в Таласской и Чуйской долинах. Главным его отличием были несколько больший размер и многолюдность, а также построенная в 1884 г. соборная Николаевская церковь (позже одно из старых зданий Музея изобразительных искусств Киргизской ССР, располагавшееся на бульваре Дзержинского).

---

[15] Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 17.

[16] Подробнее см.: Юсуров Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с. 50 и др.

[17] «В них ровно ничего нет,—резюмировал свои впечатления о с. Мерке и г. Пишпеке в 1883 г. один из проезжих офицеров, — кроме жалких саклей и не менее плачевных подобий европейских построек». (Александров В. Поездка в Кульджу.—Туркестанские ведомости, 1883, № 1, ч. неоф.).

В 1885 г. уездный центр со всеми жилыми кварталами, сельскохозяйственными угодьями, дорогами, зеркалом водоемов, болотами и неплодородными участками земли занимал 3792 дес. 100 кв. саж., причем свыше трети их приходилось на неудобные земли. Из 2817 дес. удобной земли усадебной (освоенной) было всего 99 дес., под садами — 73 дес. 2350 кв. саж., а более всего — под сельскохозяйственными угодьями (пашнями, перелогами, сенокосами и клеверниками) — 2101 дес. 4950 кв. сажен. Городские улицы и площади в Пишпеке составляли 104 дес.[18]. С их озеленением, расширением городского сада и разраставшейся Карагачевой рощей, обсадкой деревьями домов, городских арыков, базара и кладбища, проведением дренажных работ в нижней части города, где горожанам выделялись садовые участки, внешний облик Пишпека медленно менялся к лучшему[19].

Возросло число строений в городе. В 1891 г. здесь насчитывалось 532 частных дома (не считая 100 лавок), в том числе 168 — в Дунганской слободе, а в 1895 г. их было уже 817. Но тип построек и внутренней планировки усадеб все же больше напоминал поселковый, чем городской.

3. Хозяйственная жизнь города

Сельское хозяйство вместе с земледельческими промыслами для значительной части горожан являлось основным источником существования. Преобладание угодий над усадебной землей подтверждает полуаграрный характер хозяйства города в начальный период его истории.

Так как пахотопригодной земли в городском наделе было, естественно, мало, а выгона первые годы город

---

[18] ЦГА Уз. ССР, ф. И-129, оп. 1, д. 1430. (Из экспликации к плану города). Из неудобной земли большую территорию занимали «каменистая степь» и гальки—к предгорьям, а в южной части городского надела — неосушенные болота. На почтовый тракт и местные «малые дороги» приходилось 172 дес. 2700 кв. сажен, под реками в черте города, «озером» (прудом) и арычной сетью было 16 дес. 600 кв. сажен. Под кладбище отводилось 4 дес. 100 кв. сажен.

[19] Колпаковский Г. А. в 1887 г. отметил, что Пишпек за прошедшие годы превратился в «город, имеющий правильную распланировку и богатую древесную растительность». (Акмолинские областные ведомости, 1887, № 34).

не имел, то многие горожане, следуя примеру первопоселенцев Пишпека, стали прибегать к аренде для сельскохозяйственных нужд земли у киргизов, устраивая хутора и заимки на территории ближайших к городу Аламединской и Толкановской волостей, в основном в Алаарчинской долине. К примеру, в 1883 г. под зерновыми культурами было занято 148 дес., в том числе 108 дес. — под яровой пшеницей, 5 дес. — под яровой рожью, 31 дес. — под овсом и лишь 4 дес. — под ячменем. Посевной клин пишпекских земледельцев на арендованной под хлебопашество у киргизов названных волостей земле составил к 1895 г. 1079 дес., расположенных за первыми предгорьями хребта Киргизский Ала-Тоо.

Набор зерновых культур оставался прежним, добавилось лишь просо. Впрочем его, как и ячменя, сеяли сравнительно немного (для себя и для продажи). Излишек зерна сбывался богатыми горожанами-земледельцами отчасти в виде муки на местном рынке и на почтовых станциях, куда также поступал «в изрядном количестве» овес. Процесс товаризации земледелия сопровождался появлением среди пишпекских хлеборобов торгово-предпринимательской верхушки.

Сельхозинвентарь мещан, занимавшихся сельским хозяйством, и крестьян из переселенческих селений Чуйской долины был тот же, что и у земледельцев Центральной России и Украины, но лучше, чем у киргизских земледельцев. Последние постепенно заимствовали более совершенные орудия европейских новоселов края. Ученый садовод А. М. Фетисов на склоне лет приобрел для своей фермы на выставке в Ташкенте (1890 г.) плуги, бороны и другие сельскохозяйственные орудия новейшей для того времени конструкции. При этом он всячески старался ознакомить с ними коренное население.

Животноводство играло в сельском хозяйстве пишпекских жителей подсобную роль. Скот служил как тягловая сила, а также для получения мяса, молока и других продуктов. Попытки улучшения породности скота и условий его рационального содержания предпринимались лишь отдельными горожанами, в том числе А. М. Фетисовым. Так, на его ферме в предгорьях Киргизского Ала-Тоо довольно успешно проводилось скре-

щивание крупного рогатого скота киргизской породы с голландской породой и овцы русской — с местной. Быки-производители голландской породы и помеси ее с русской были предусмотрительно приобретены им на Туркестанской выставке 1890 г. в Ташкенте у немецких колонистов из Таласа[20]. При этом он охотно и безвозмездно предоставлял возможность окрестному населению улучшать породность скота. В 1862 г. в Пишпеке был открыт конный завод К. Н. Купленникова[21].

В отдельные годы при всех изменениях среди разных видов скота первое и второе места по численности занимали лошади и крупный рогатый скот, третье — овцы (вместе с козами), четвертое — свиньи, пятое — ослы и мулы и шестое — верблюды. Общее поголовье всех видов скота в 1882—1895 гг. ежегодно не превышало 1,5—2 тыс. голов[22]. К сожалению, нет данных о наличии лошадей и скота у отдельных социальных групп горожан[23].

Домашним огородничеством до поселения в Пишпеке дунган занималось русско-украинское население (в основном женщины), бахчеводством — узбекское. Ассортимент овоще-бахчевых культур не был разнообразным. У русских огородничество было «весьма ограничено»[24]. Они разводили белокочанную капусту, огурцы, свеклу, картофель, лук, укроп, горох, украинцы — кроме того еще и помидоры. В большом количестве сеялись арбузы

---

[20] Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1889). — Верный, 1900, с. 130.

[21] Мамедов А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии.—Ташкент: Узбекистан, 1965, с. 66.

[22] По данным «Обзоров Семиреченской области...» за соответствующие годы.

[23] В этой связи представляют интерес данные о процессе дифференциации дунганских хозяйств в Пишпеке по числу скота и лошадей за 1885 и 1890 годы, приводимые одним из знатоков аграрных отношений в Семиречье П. Г. Галузо. Так, в 1885 г. из 264 дунганских хозяйств не имели скота 97 и 7 хозяйств были безлошадные; в 1890 г. число бесскотных хозяйств у дунган составляло уже 161, зато 2 богача-дунганина владели 350 лошадьми, 50 головами рогатого скота и 200 баранами. (См.: Галузо П. Г. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье. Вопросы истории Казахстана XIX—нач. XX в.—Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. II, 1961, с. 92.

[24] ЦГА Киргиз. ССР, ф. 1283, оп. 1, д. 27, л. 4.

и дыни — «для себя и для продажи»[25]. На бахчах выращивали также подсолнухи и коноплю (последнюю — чаще украинцы). Дунгане — искусные и трудолюбивые огородники — разводили превосходные огурцы, морковь, различные сорта лука (лук-порей и др.), капусту кольраби и цветную, бобы и фасоль, синие баклажаны, салат, укроп, петрушку, пастернак, щавель[26] и т. д., из масличных — кунжут и лен. В 1890 г. в Пишпеке из 547 дворов 242 (преимущественно дунганские хозяйства) производили огородные овощи[27]. В 1893 г. с пишпекских огородов и бахчей было собрано: картофеля — 90 четвертей (10 лет назад высаживалось лишь 7 четвертей на двух десятинах земли[28]), капусты — 5 тыс. кочанов, свеклы — 100 пудов, огурцов — 200 тыс. штук, моркови — 800 пудов, редьки — 400 пудов, лука и перца стручкового — по 45 пудов, арбузов — 15 тыс. и дынь — 12,5 тыс. штук[29]. Приведенные данные достаточно ярко характеризуют степень развития огородничества у жителей города.

В условиях Пишпека широкое распространение получило садоводство. Почти в каждой усадьбе для собственных нужд выращивалось хотя бы несколько плодовых деревьев. Состоятельные горожане помимо приусадебных садов имели фруктовые насаждения на арендуемых у города садовых участках, а отдельные садоводы-промышленники — также на заимках в окрестностях города. Одним из лучших садоводов-любителей был выходец из Намангана Селим Раимбаев, поселившийся еще в 40-х годах XIX в. в Аламединском урочище, где и развел обширный сад. Он стал снабжать аламединских и пишпекских новопоселенцев традиционными для узбекских садоводов породами фруктовых деревьев и талом[30].

Пионером культурного садоводства и искусственного лесоразведения в крае был пишпекский ученый садовод

25 ЦГА Киргиз. ССР, ф. 1283, оп. 1, д. 27, л. 4.
26 Обзор Семиреченской области за 1890 г.—Верный, 1891, с. 14; Обзор Семиреченской области за 1891 г.—Верный, 1892, с. 12; Обзор Семиреченской области за 1893 г.—Верный, 1894, с. 16.
27 Обзор Семиреченской области за 1890 г.—Верный, 1891, с. 14.
28 ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12-Д, д. 27, л. 30—31.
29 Обзор Семиреченской области за 1893 г.—Верный, 1894, с. 17.
30 Н. П. Пишпек и Аламедин.—Туркестанские ведомости, 1876, № 22, ч. неоф.

А. М. Фетисов — создатель обширных плодо- и лесопитомников в городском («казенном») саду и основанной им в 1881 г. Карагачевой роще[31]. Благодаря его неустанным трудам они стали рассадниками фруктовых и декоративных деревьев в городе и уезде.

Наиболее распространенными в садах у горожан-европейцев были яблоня и груша, дававшие некрупные, жестковатые и малосладкие плоды; в усадьбах же восточных выходцев — алыча (вид сливы), урюк и персик. Во многих дворах имелось по 2—3 грядки земляники или другой ягоды, а у некоторых садоводов из числа русских, украинцев и узбеков — виноград. С появлением в городских питомниках западноевропейских и южнорусских сортов фруктовых деревьев пишпекцы, крестьяне и даже оседавшие киргизы стали разводить улучшенные их сорта. Вскоре вполне акклиматизировавшиеся в Чуйской долине садовые «переселенцы» — пишпекские яблоки и груши — получили широкую известность в Туркестане и Западной Сибири, где они находили успешный сбыт.

С основанием в Чуйской долине оседлых селений здесь наряду с зерновыми стали выращивать и технические культуры, в том числе хмель, произраставший в диком виде в горах Тянь-Шаня. А. М. Фетисовым была предпринята первая попытка культивирования его в промысловых целях. В 1884 г. он выписал из-за границы черенки жатицкого и швецингенского хмеля, устроил хмельник на полутора десятинах в северной части города, ниже Ташкентской улицы. Несмотря на удачный опыт пишпекского хмелевода, не только московские, но и туркестанские пивовары продолжали отдавать предпочтение привозному хмелю. Получая новые сорта и улучшая способы сушки и упаковки хмеля-продукта, постепенно расширяя плантацию, Фетисов в конце концов заставил предубежденных заводчиков признать, что пишпекский хмель нисколько не уступает лучшим сортам заграничного, более того, последний был целиком вытеснен на среднеазиатском рынке. Так, благодаря хозяйственным начинаниям А. М. Фетисова рас-

31 Подробнее см.: Денисов К. А. История Фрунзенской карагачевой рощи.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1933.

ширялись торгово-экономические связи Пишпека. Семиреченские же власти, не заботясь о развитии производительных сил края, почти не оказывали ему необходимой поддержки, повторяя лишь в официальных изданиях из года в год, что пока хмелеводством «занимается только одно лицо — ученый садовник Фетисов в г. Пишпеке»[32].

Некоторые жители Пишпека и пригородного села Аламедин занимались табаководством. Сеяли табак преимущественно для себя и лишь отчасти — для продажи (хотя и в бо́льшем размере, чем, например, в г. Джаркенте), причем он был низшего сорта, из которого местные жители приготовляли жевательный табак (насвай). Так, в 1890 г. в Пишпеке находилось 7 из 13 табачных плантаций в уезде, а в 1891—1892г. — 8 из 14. В засушливое лето 1893 г. здесь было продано 35 пудов махорочного табака. Несмотря на то, что высшие его сорта (американский, персидский, турецкий и албанский) успешно культивировались в Пишпекской школе садоводства под руководством А. М. Фетисова, местные табаководы и после его смерти выращивали низкосортный табак.

Предпринимались небезуспешные попытки к распространению в Пишпеке шелководства. Инициатива разведения тутового шелкопряда в Пишпекском городском саду в начале 80-х годов исходила также от поистине неутомимого в полезных хозяйственных начинаниях А. М. Фетисова. В 1884 г. шелковичных червей стали содержать учащиеся приходского училища в Пишпеке[33]. Для поддержки этого начинания купец А. Степанов посадил в 1887 г. при училище тутовую рощу в 870 корней[34], но уже на следующий год занятия шелководством были прекращены из-за отсутствия при школе специального помещения (червоводни). Они были возобновлены лишь в 90-х годах XIX в. в Пишпекской низшей школе садоводства и продолжены затем учащимися городской сельскохозяйственной школы. Ряд лет — до 1890 г. —

[32] Обзор Семиреченской области за 1890 г. — Верный, 1891, с. 16—17.

[33] Обзор Семиреченской области за 1884 г.—Верный, 1885, с. 10.

[34] Обзор Семиреченской области за 1887 г.—Верный, 1888, с. 6.

шелководством занимались несколько человек, в их числе пишпекский мещанин М. Абушахметов и житель с. Аламедин С. Раимбаев. Они сбывали коконы и полученный из них шелк-сырец местным торговцам[35].

Опытное хлопкосеяние в районе Пишпека началось с 1891 г. В этом году выходец из Ташкента Мирхамед Ахметбаев, посеяв на арендованной земле 4 пуда семян хлопчатника, снял урожай в 40 пудов. На следующий год при расходе 5 пудов хлопка получил урожай в 60 пудов, а в 1893 г. с той же площади он собрал 200 пудов хлопка-сырца. Среди его земляков узбеков нашлось несколько последователей, заявивших пишпекской администрации, которая поощряла занятия хлопководством, о желании заняться этим выгодным делом.

Правильно поставленное пчеловодство в городе и уезде начало развиваться со второй половины 80-х годов, более ранние попытки разводить пчел в ульях-дуплянках успеха не имели. Большую роль при этом сыграла образцово-показательная пасека, устроенная в 1886 г. в Пишпекском городском саду. Заведывание ею было поручено пчеловоду-любителю Кирьянову. Здесь до 1889 г. все желающие могли получить пчелиные семьи, ознакомиться с различными приемами пчеловодства и т. д. Велико значение пасеки в распространении новейших приемов и усовершенствованных ульев систем Зубарева, Джерзона и англо-американской среди местных пчеловодов в городе и уезде. Одними из первых зачинателей рационального пчеловодства были уже упоминавшийся пишпекский житель М. Абущахметов и учитель Валентин Никольский (пасека его существовала с 1887 г.). В 1892 г. в Пишпеке имелось уже 118 колод пчел. Окрестные крестьяне и киргизы также начали проявлять интерес к пчеловодству, заводя у себя небольшие пасеки.

Таким образом, уже в начальный период истории города, когда сельское хозяйство (наряду с торговлей) играло особо важную роль в его производственно-экономической базе, сложились все основные виды сельскохозяйственных занятий населения Пишпека. Они определялись как местными природно-климатическими ус-

[35] Обзор Семиреченской области за 1889 г.—Верный, 1890, с. 11.

ловиями, так и хозяйственными навыками его жителей — представителей разных национальностей, приспосабливавшихся к запросам зарождающегося внутреннего рынка в крае.

Торговля. С основанием переселенческих деревень и городов в Чуйской долине, в том числе с. Аламедин и г. Пишпека, наряду с преобладавшей ранее в крае разъездно-меновой формой торговли, стала развиваться базарная и лавочная. Одним из центров стационарной торговли постепенно становился Пишпек. Впрочем некоторые торговцы из Пишпека промышляли и разъездной торговлей, а многие богатые купцы участвовали в ярмарочной торговле Семиречья и России.

Развитию торговли, всегда занимавшей важное место в экономике города, способствовало помимо ряда социально-экономических факторов его географическое расположение в крае. С годами сказывалось тяготение к Пишпеку как торговому центру нескольких десятков окрестных и более дальних киргизских аилов и крестьянских селений. Правда, до оседания в городе дунган и, при слабых еще торгово-экономических связях города с окрестной сельскохозяйственной округой пишпекский рынок не был богатым и разнообразным. В 1882 г. проезжий офицер отмечал, что здесь «достать ничего нельзя, кроме плохого хлеба, баранины и водки»[36]. Кстати, торговля вином процветала в новом городе, к которому жадно тянулись крупные среднеазиатские виноторговцы и купеческие воротилы. В 1881 г. в Пишпеке имелось три винных (ренсковых) погреба, принадлежавших казалинскому купцу Н. Иванову, ташкентскому купцу Н. Пугасову и купчихе С. Клименко, которая в 1882 г. открыла еще и питейное заведение, годом позже разрешение на это получил также Н. Иванов.

В целом общий торговый оборот Пишпека в 1881 г., составляя всего 50 тыс. руб. (с равными долями сумм ввоза и вывоза)[37], был меньше, чем оборот с. Большой Токмак и в 7 с лишним раз меньше оборота г. Каракол. Но, заметно возрастая год от году, он в 1883 г. достиг

[36] Александров В. Поездка в Кульджу. — Туркестанские ведомости, 1883, № 1, ч. неоф.

[37] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12-Д, д. 27, л. 17—18.

248 тыс.[38], а через 3 года—284 тыс. руб. В конце 80-х—начале 90-х годов XIX в. на базаре и в городских лавках товарной продукции стало намного больше и была она значительно более разнообразной.

Пишпекские и чуйские дунгане, занимавшиеся торговым огородничеством, доставляли на базар ранние и сравнительно дешевые овощи. Они же являлись главными поставщиками риса, кукурузы, красного перца, чеснока. Растительное масло, бахчевые культуры, отчасти овощи и свежие фрукты продавались богатыми и зажиточными мещанами и жителями окрестных переселенческих деревень.

Главные предметы торговли на вывоз — хлеб (зерно и лишь частично мука), живой скот и продукты животноводства — поставлялись на рынок как самими пишпекцами, так и преимущественно русскими крестьянами и киргизами из пригородных и дальних сел и аилов Чуйской долины. В уезд вывозились и нереализованные в городе привозные товары русской промышленности; они развозились пишпекскими и приезжими торговцами в горные аилы и селения, расположенные в стороне от трактовой дороги.

Как видно из документов тех лет, городская торговля велась на гостином дворе, мелочном и сенном базарах. Здесь торговали со столов, ларей и даже с рук, приезжие — с возов. Лавок только на мелочном базаре было до сотни. Они принадлежали как самим торговцам, так и городскому управлению, построившему в 1882—1883 гг. новые торговые корпуса. «Отцы города», проявляя заботу о торговцах, в 1881 г. поставили на базаре весы и крытый навес. Пишпекские власти сдавали в аренду как весы, так и базарную площадь и лавки, а частные лавки облагали сбором в пользу города.

Мануфактура и галантерея, большая часть бакалейных товаров, сахар и вина, керосин и спички, чугун, кровельное железо и металлические изделия поступали из Ташкента и Верного. Торговали ими местные лавочники. Число лавок, торговавших мануфактурой в городе, в 1886 г. составило 95[39]. В 1893 г. общий торговый обо-

[38] Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии конца XIX—начала XX веков.—Фрунзе: Илим, 1965, с. 67.

[39] ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 2, д. 1608, л. 47.

рот Пишпека достигал уже 348081 руб., что почти в 7 раз больше, чем в 1881 г. В 1893 г. в Пишпек было завезено товаров на 207276 руб., а продано — на 140805 руб. Излишек, непроданная в городе продукция, сбывался в сельской округе представителями торгово-ростовщического капитала. Последний явно преобладал над промышленным, например, общий объем производства пяти заводов Пишпека в 1893 г. составлял около 5600 руб. Такое соотношение сумм торгового оборота и стоимости валовой продукции городской промышленности являлось свидетельством опережающего развития пишпекской торговли по сравнению с промышленным производством.

Ремесло и промышленность. При попытке выявить первые промышленные предприятия Пишпека в 70-х — начале 80-х годов XIX в. можно найти примечательные сведения, что «в Токмакском и Иссык-Кульском уездах фабрик и заводов не существует» или что там «подобных заведений нет»[40]. При этом не учитывались не только пять узбекских мельниц примитивного устройства около Пишпека, но и небольшие мукомольные мельницы горожан. В смете же городских доходов за 1880 г. зафиксирован сбор с одной мельницы, а в следующем году—уже с двух. В дальнейшем возрастают сборы с торгово-промысловых заведений, вновь построенных мельниц и ремесленных мастерских.

В первой половине 80-х годов XIX в., когда Пишпек вырастал в один из пунктов средоточия ремесла в уезде, в нем появились мелкие кустарно-промышленные заведения: кожевенный завод (1883 г.)[41] и первое в крае сыродельное производство (1885 г.)[42]. Первое из них принадлежало отставному титулярному советнику И. Шалабанову, второе — энтузиасту различных хозяйственных начинаний А. М. Фетисову. На них работало всего по два рабочих (кроме временно нанятых киргизок доильщиц на сыроварне). Завод располагался к северу от городского выгона, а сыроварня — к югу от города,

[40] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12, д. 3, л. 24.
[41] Там же, оп. 3, д. 32, л. 31—34.
[42] Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1899).—Верный, 1900, с. 185—186.

в горном урочище Чонкурчак хребта Киргизский Ала-Тоо.

В первый же год существования сыроварни землетрясение разрушило ее постройки в горах, но осталось целым ее городское отделение со складом. Несмотря на успех сыроделия, Фетисов еще долгое время добивался материальной помощи от бездеятельных областных властей в своих начинаниях по переработке животноводческой продукции. С его смертью (1894 г.) полезное для края новое производство надолго заглохло. Этот пример — лишь одна из иллюстраций «забот» царизма о промышленном развитии своей колонии.

Что касается судьбы первого кожевенного завода, то уже на второй год он перешел в руки пишпекского купца Ш. Мамашева, а после его смерти (1887 г.) — его наследников. Купец несколько расширил «дело»: число рабочих и мастеров увеличилось до четырех человек, возросла производительность завода (число выработанных кож увеличилось с нескольких сотен до 1400 штук). Благодаря обилию сырья и дешевизне рабочей силы (рабочий-кожевенник при неопределенной продолжительности рабочего дня получал несколько рублей в месяц, а мастер — 10—15 руб.), несложности оборудования и производственного процесса, обеспеченности сбыта в уезде и в Семиречье кожевенное производство получило дальнейшее развитие и играло важную роль в экономике города и уезда, став одной из главных отраслей обрабатывающей промышленности дореволюционной Киргизии.

С 1891 г. в числе промышленных заведений Пишпека в «Обзорах Семиреченской области» фигурируют пивной и маслобойный заводы, с 1892 г. — лесопилка (помимо водяных мельниц). Кроме того, за 1892 г. имеются данные о двух кожевенных заводах, а также об аренде для постройки мыловаренного завода трех десятин земли мещанином С. Кожановым, а за следующий, 1893 г., — об аренде для постройки маслобойного и кожевенного заводов участков по две десятины земли в восточной части города аламединским крестьянином Н. Чернецовым и ташкентским мещанином В. Тезиковым.

Пишпекские предприятия, как правило, действовали лишь несколько месяцев в году. Обслуживались они одним-двумя, редко бо́льшим числом рабочих. В период

спроса на их продукцию предприниматель временно использовал бо́льшую рабочую силу. Среднегодовая выработка на одного рабочего была невелика: 20 руб. на лесопилке, в 2—3 раза больше—на мельницах, еще на 50 руб. больше—на рисорушках, от 100 до 1—2 тыс. руб. — на прочих предприятиях. Столь же незначительным был и объем общегодового производства предприятий, не превышавший 4,5 тыс. руб. на самом крупном из них — кожевенном заводе (да и то в редкие годы повышенного спроса на кожи, когда на нем работало четверо рабочих).

Пишпекские «заводы» — мелкие частнокапиталистические предприятия — по своему оборудованию и технологии производства недалеко ушли от кустарно-ремесленных мастерских, число которых было заметно бо́льшим. Так, в первой полови́не 90-х гдов XIX в. в городе имелось 14 кузниц (8 из них принадлежали двум богатым узбекам), 2 столярные и 1 колесная мастерские. Кроме них в источниках упоминаются также 28 рисоочистительных, 7 маслобойных, 1 крахмалоочистительный заводы, 5 пекарен. Стоимость каждого из таких производств вместе с прочими хозяйственными и жилыми строениями их владельцев оценивалась в 200—500 руб.

Немногие богатые их владельцы — пишпекские и приезжие мещане, купцы и зажиточные крестьяне из с. Аламедин и других окрестных селений — концентрировали у себя различные средства производства. К примеру, 28 богатых и зажиточных жителей Дунганской слободы имели 35 рисорушек, 6 маслобоен и 1 крахмалодельное производство; 6 из них были владельцами 13 из названных заведений, а у 7 было 12 работников — киргизов, дунган и уйгур. Видимо, и остальные хозяева (по крайней мере, часть из них) не обходились без наемного труда, используя поденных или сезонных рабочих.

В начальный период истории города ремесло и мелкотоварное производство явно преобладали над зарождавшейся мелкой промышленностью, а количество наемных рабочих уступало числу ремесленников, возросшему за 1883—1893 гг. почти вдвое. В 1883 г., при появлении в Пишпеке первого кожевенного завода, в городе уже насчитывалось 36 ремесленников одиннадцати специальностей[43]. Во второй половине 80-х годов XIX в. их стало более 40, а в 1892 г. (наряду с немногими рабочими) среди 69 ремесленников (42 русских и 27 восточных национальностей) было 30 плотников, 18 кузнецов, 11 портных и 10 сапожников[44]. Так, с развитием ремесла и появлением первых ростков промышленности в Пишпеке постепенно накапливался слой производительного промышленного населения.

4. Население

В первые годы после перенесения уездного центра в Пишпек (1878 г.) численность его жителей стала быстро увеличиваться, достигнув в 1882 г. уже 2135 чел.[45] Столь заметный рост населения города, ранее уступавшего по числу жителей даже соседнему селению Аламедин, объяснялся как притоком крестьян-переселенцев и отчасти среднеазиатских торговцев и ремесленников, тянувшихся сюда из Токмака и других мест края, так и оседанием в Пишпеке в 1882 г. дунган, направлявшихся в Сокулук. Последние поселились компактно в Дунганской слободе, а также в центре города.

Естественный прирост населения был мал, к тому же женщин в те годы здесь было заметно меньше, чем мужчин. Так, за три года (1883—1885) численность горожан вместе с прибывшими новопоселенцами увеличилась на 92 чел., составив к 1885 г. 2227 чел.[46] За последующие пять лет прирост населения составил 651 чел.[47] Первоначально ядро пишпекских горожан составляли узбеки (отчасти татары) и русские, а с 1882 г.—также дунгане (и несколько уйгурских семейств). В 1882г. лица нерусской национальности, включая узбеков, татар и шесть с половиной сотен дунган, составляли основную часть горожан. Большинство из 386 европейцев были русские и украинцы. Киргизы (6 чел.) в

---

[43] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 22 (подсчет наш. — *В. Г.*).

[44] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12-Д, д. 27, л. 16.

[45] Обзор Семиреченской области за 1882 г.—Верный, 1883. Приложение.

[46] Обзор Семиреченской области за 1885 г. — Верный, 1886. Приложение.

[47] Средние данные из «Обзора Семиреченской области, за 1890 г.». — Верный, 1891. Приложение.

составе жителей города отмечаются в официальных статистических изданиях впервые в 1889 г.[48] Но их численность увеличивалась год от года, преимущественно за счет селившихся в окрестностях города бесскотных бедняков из джатаков. В 1892 г. на окраинах Пишпека располагалось 100 юрт киргизов — джатаков[49].

Количество жителей Пишпека заметно возросло за 1890—1895 гг., увеличившись почти вдвое — с 2878 до 5725 чел.[50] Это объяснялось наплывом крестьянских переселенцев из Европейской России и Северо-Западного Казахстана (Акмолинской области) после неурожайных 1891—1892 годов.

Таким образом, в первый период существования Пишпека главной причиной роста городского населения являлись механическое его движение или урбанизация. В данном случае она обуславливалась развитием капитализма и расслоением крестьянства в России и только отчасти — действием этого фактора в крае, а в определенной мере и притяжением, вызванным развитием пишпекской торговли, ремесла и промышленности.

Как известно, национальный состав населения города, являющегося экономическим или административно-политическим центром, обычно намного сложнее, чем примыкающей к нему сельской округи. В этом отношении Пишпек, отличавшийся подобно другим среднеазиатским городам пестротой национального состава жителей, не составлял исключения.

Процесс формирования населения Пишпека характеризует его сословный состав. Сравнительные данные из «Обзоров Семиреченской области» за 1882—1895 гг. показывают рост численности городских жителей, в том числе городских сословий (купцы, почетные граждане, мещане), составлявших основную массу населения Пишпека. Заметной прослойкой среди горожан являлись также военные и близкие к ним сословия (отставные и запасные солдаты, казаки) и, наконец, крестьяне, не приписанные к мещанскому обществу города.

[48] Не исключено, что в их числе были и казахи, которых официальная статистика часто не отделяла от киргизов. (Обзор Семиреченской области за 1889 г.—Верный, 1890. Приложение).

[49] Обзор Семиреченской области за 1892 г.—Верный, 1893. Приложение.

[50] Данные из «Обзоров Семиреченской области» за соответствующие годы.

Анализ динамики населения Пишпека и изменения таких важных демографических показателей, как национальная и сословная принадлежность, показывает, что на эти процессы в начальный период истории города влиял ряд факторов: прежде всего перенесение уездного центра в Пишпек, внешнеполитические события (переселение дунган и уйгур в Россию в результате поражения антицинского восстания в Синьцзяне), а также переселенческая политика царизма и появление крестьян-самовольцев (увеличение массы «сельских обывателей» и отчасти мещан за счет причисления к их среде крестьян-новоселов). Меньшую роль играли здесь внутренние условия: естественный прирост городского населения и влияние зарождавшихся капиталистических отношений в городе и близлежащей сельской округе.

Культурная и общественная жизнь

Большое значение для Киргизии имело приобщение к передовой культуре великого русского народа. «И как бы тому ни противился царизм, но через немногие русскотуземные школы, медицинские и ветеринарные пункты, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения в жизнь киргизских трудящихся, хотя и редко, но проникали светлые лучи научных знаний»[51]. Появление в киргизском крае первых светских школ и ячеек здравоохранения, сначала в уездных центрах, а затем и в крупных русских селениях Чуйской долины, приходится на 70-е годы XIX в. Но при этом царизм, конечно, менее всего заботился об охране здоровья или просвещении трудового народа, особенно коренного населения. Колониальные власти принуждали киргизов к сбору немалых сумм, предназначавшихся якобы на цели их образования, на самом же деле эти средства использовались для различных надобностей администрации, расхищались ее чиновниками (только малая часть этих сборов покрывала школьные нужды переселенцев из России).

Весьма показательна история со школой для киргизских детей, которую предполагалось открыть в Токмаке или Пишпеке. Для этого с 1870 г. по кочевым волостям

[51] Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой родины...., с. 47.

Токмакского уезда повсеместно производился ежегодный 10-копеечный сбор с каждой киргизской юрты (хозяйства). Устройством такой школы власти преследовали как будто столь благие намерения, как «распространить между киргизами грамотность, ознакомить их с сельским хозяйством, ремеслами», обучить русскому языку и тем «сблизить народности края». Но длительная волокита с изменением проекта школьного устава (трижды обсуждавшегося в 1873—1876 гг. Семиреченским по областным делам присутствием) и его утверждением отражала скрытые цели царских «просветителей» — сделать школу местом подготовки послушных им проводников идей колонизаторской политики на местах, среди киргизского населения. Когда же, наконец, в 1876 г. было получено разрешение краевого начальства на создание в Пишпеке «киргизской воспитательной школы», оказалось, что для нее... нет необходимого здания. Затем эта идея и вовсе была предана забвению.

Открытие первого учебного заведения в Пишпеке — приходского училища для совместного обучения детей обоего пола — последовало намного позднее — 31 октября 1879 г. в присутствии представителей города и родителей учеников[52], уже с переводом сюда уездно-городских учреждений. Это оказалось возможным лишь благодаря энергичным усилиям первого его заведующего. И. Приваловского при сочувственном отношении горожан и крестьян селения Аламедин, обязавшихся возить детей в школу в ненастную погоду по очереди. В числе первых учеников, записавшихся в училище, было 42 мальчика (среди них лишь один киргиз) и 12 девочек[53]. Только 11 школьников являлись детьми горожан, остальные были из крестьянских семей.

Для Пишпекского и других приходских училищ тех лет показательно отсутствие единых учебных программ (до 1881 г.), неприспособленность для занятий школьного помещения и классной мебели, почти полное отсутствие учебников у учащихся и наглядных пособий в классах, бедность библиотек и т. п. Все это, понятно, отрицательно влияло на постановку учебного процесса в школе, уровень знаний и успеваемость учащихся при всем старании учителей[54].

Впоследствии, с увеличением числа детей школьного возраста в городе, первое Пишпекское приходское училище было переименовано в Городское одноклассное мужское приходское училище (заведовал им учитель Балховитяннинов), открылось также женское приходское училище 2-го разряда (его заведующая Александра Никандровна Зауэр оставила о себе добрую память среди пишпекских старожилов). Долгие хлопоты Балховитяннинова о преобразовании мужского приходского одноклассного училища в двухклассное и о назначении второго учителя увенчались успехом только в 1890 г.

В 1892 г., когда училище работало уже по шестилетней программе (вместо прежней трехлетней), в него поступил Михаил Фрунзе [55]. Учителем городского училища, а впоследствии его заведующим, был тогда К. Ф. Свирчевский — питомец Петербургского учительского института, талантливый педагог и редких душевных качеств человек, инициатор многих культурно-просветительных начинаний в городе.

Отрадным событием в культурной жизни Пишпека стало основание в конце 1889 г. в Пишпеке киргизской школы садоводства, учащиеся которой находились на полном обеспечении школы за счет средств, собранных с киргизского населения. Заведование ею было поручено ученому садоводу А. М. Фетисову, имевшему опыт педагогической деятельности в такой же школе в Быт-ность его в Верном. Занятия в школе начались в 1890 г. Главной целью, ставившейся перед учащимися, было

---

[52] Известия и заметки. —Туркестанские ведомости, 1879, № 47.

[53] Видимо, не все из записавшихся в училище девочек смогли учиться в нем. По статистическим данным, в 1879 г. в училище было 43 мальчика и всего 8 девочек. (См.: Хомутов П. И. Проект всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства. 7-го ноября 1867—25 марта 1881.—СПб., 1885. Приложение).

[54] Приваловский И. Положение школьного дела в Семиреченской области. — Русский начальный учитель, 1881, № 11, с. 12; Турк. сб., т. 272, с. 74—80.

[55] Фрунзе К. В. Детские и юношеские годы М. В. Фрунзе. Труды военной академии им. М. В. Фрунзе, сб. 4.—М., 1941, с. 231. «Получивши начальное образование в школе, я поступил в гимназию в Верном, которую и окончил в 1904 г.», — вспоминал впоследствии в своей автобиографии М. В. Фрунзе. (Фрунзе М. В. Избранные произведения, т. 1.—М.: Воениздат, 1957, с. 69).

практическое овладение навыками садоводства, огородничества, а впоследствии и шелководства. Школа размещалась в казенном (городском) саду, так как не имела своего земельного участка.

Под руководством А. М. Фетисова дети бывших кочевников выращивали фруктовые деревья, виноград, овощи, высшие сорта табака, занимались разведением тутового шелкопряда. Зимой, в свободное от полевых занятий время, ученики получали элементарные сведения по природоведению — зоологии, ботанике, а также по физике с сельскохозяйственным уклоном, общеобразовательным предметам — русскому языку, географии и истории.

Школа стала любимым детищем А. М. Фетисова, видевшего в ее учениках возможных продолжателей дорогого ему дела — преобразования природы и улучшения хозяйства Киргизии. Судя по отзывам современников, обучение в Пишпекской школе садоводства было поставлено во многих отношениях даже лучше, чем в Верненской. «Со смертью Фетисова, — писал в 1894 г. Ф. В. Поярков, — школа эта потеряла опытного руководителя, а ученики—киргизские мальчики—лишились доброго и прекрасного наставника»[56]. В том же 1894 г. она была преобразована в низшую сельскохозяйственную школу.

Таким образом, уже в середине 90-х годов XIX в. положение школьного дела в Пишпеке благодаря усилиям передовых учителей и поддержке общественности несколько улучшилось. «Заботы» же местной власти (уездные начальники являлись попечителями некоторых городских школ), как и ранее, сводились не столько к развитию образования горожан, сколько к неусыпному контролю над духовным миром подрастающего поколения и к «охранительным» функциям в проведении школьной политики царизма.

Во все время, предшествовавшее вхождению Киргизии в состав России, население горного края оставалось фактически беззащитным перед лицом нередких вспышек эпидемий холеры, сыпного тифа, натуральной оспы, детской инфекции, а также туберкулеза, венерических и других социальных болезней. Киргизы же, не имея

---

[56] Поярков Ф. Алексей Михайлович Фетисов (Некролог).— Туркестанские ведомости, 1894, № 59, ч. неоф.

представления о научной медицине (приемы и средства народной медицины им были, конечно, хорошо известны), лишенные правильной врачебной помощи, вынужденно уповали на врачевательное искусство полуневежественных знахарей — табибов и шаманов — бакшы.

Появление первых лечебных учреждений (первоначально амбулаторно-лечебного типа) и медицинского персонала, проведение некоторых санитарно-профилактических мероприятий (оспопрививание) в крае относится ко второй половине XIX—началу XX вв., а собственно в Пишпеке—к лету 1878 г. В Пишпеке это было связано с переводом из Токмака (в числе других уездно-городских учреждений)приемного покоя с аптекой. То были первые ячейки здравоохранения в городе.

Скудные средства, отпускаемые семиреченскими властями на нужды здравоохранения (в отличие от крупных ассигнований на административно-фискальный аппарат), как нельзя лучше характеризуют истинную «заботу» колонизаторов об охране народного здоровья. Так, приобретение необходимого инструментария и оборудования для приемного покоя или выписка лекарств для аптеки, в которой иной раз не было даже самых нужных из них, представляло ежегодно трудноразрешимую проблему для уездного врача. Никаких сумм на продовольствие и белье для больных горожан, нуждавшихся в стационарном лечении, приемному покою не полагалось[57]. Тяжелобольных приходилось обычно перевозить на неприспособленных для транспортировки средствах передвижения по плохой дороге в Токмакский военный лазарет или еще дальше — в Верненскую больницу, единственную в те времена на всю Семиреченскую область.

Больные, вынужденные по состоянию здоровья оставаться для лечения в Пишпекском приемное покое, должны были во всем полагаться на себя или заботы своих близких[58]. Для безродных горожан, заболевших в дороге лиц[59] и киргизов, кочевавших иногда за сотни верст от Пишпека, стационарное лечение практически исключа-

---

[57] Обзор Семиреченской области за 1889 г.—Верный, 1890, с. 68.

[58] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12-Д, д. 27, л. 38.

[59] Случалось, что уездный врач отказывал в помощи проезжавшим больным. (Из Сыр-Дарьинской области. (Корресп.).—Восточное обозрение, 1885, № 33).

лось[60]. К тому же, те несколько коек, которые считались отведенными для них в приемном покое (на собранные среди киргизского населения средства), были растащены городскими чиновниками по своим квартирам[61]. Правда, впоследствии, с устройством в Пишпеке военного лазарета для чинов местной военной команды, в него изредка направляли на излечение и гражданских лиц, при этом плата была высокой, непосильная для городских низов.

При такой постановке дела народного здравоохранения эффективность медицинского обслуживания даже горожан, не говоря о массе сельских жителей уезда, а особенно киргизского населения, была крайне низкой.

Одним из прогрессивных последствий вхождения Киргизии в состав России являлось начало разносторонних естественно-исторических и других исследований края видными отечественными путешественниками и передовыми учеными. «Значительный вклад внесли в это дело такие выдающиеся представители русской науки, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. М. Пржевальский, Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, Б. В. Радлов, В. В. Бартольд и другие. Благодаря их научным исследованиям, проникнутым глубоким гуманизмом, народы России, как и народы многих стран мира, получили яркое представление об истории и самобытной культуре киргизского народа»[62].

В 70-х — первой половине 90-х годов XIX в. в Пишпеке и Пишпекском уезде побывали, в частности, Г. Д. Романовский, И. В. Мушкетов, А. Э. Регель, Н. Л. Зеланд и др., занимаясь изучением природы и населения Киргизстана, а также сопредельных районов и

[60] «Единственный пункт, где киргиз может получить помощь врача, — уездный приемный покой. На каждый покой приходится 80000—100000 кочевников, рассеянных на огромном расстоянии, поэтому они обращаются в него лишь в крайних случаях и притом лечение бывает амбулаторным». (Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк.—Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, 1885, кн. VII, вып. II, с. 61).

[61] Пишпек (Корресп.).—Восточное обозрение, 1885, № 38.

[62] Дружба народов СССР—источник силы и могущества нашей Великой Родины..., с. 47—48. Обзор литературы и сведения о путешественниках по северу Киргизии см.: Галицкий В. Я. Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение прошлого киргизского народа. В кн.: Русские путешественники и исследователи о киргизах.—Фрунзе: Илим, 1973, с. 6—75.

стран Центральной Азии. Посетили Пишпек и участники зарубежных научных экспедиций, а также путешественники-иностранцы Дельмар Морган, Капю, Бонвало, Бланк и др.[63]

Знаменательным событием для жителей Пишпека явилось пребывание здесь первого исследователя природы Центральной Азии Н. М. Пржевальского, слава о научных подвигах которого опережала официальные предписания о содействии его экспедиции. Пишпекцы дважды, в 1885 и 1888 гг., радушно встречали и провожали Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, В. И. Роборовского и др.

В 1894 г. шведский путешественник по Азии Свен Гедин, побывав на могиле Н. М. Пржевальского (сочинения которого он перевел на родной язык), проезжал через Пишпек на обратном пути в Ташкент и Самарканд[64]. Весною того же года в городе останавливался во время своей первой поездки в Среднюю Азию с целью ее историко-археологического изучения известный отечественный востоковед В. В. Бартольд. Здесь он посетил доктора Ф. В. Пояркова и вместе с ним осмотрел несторианское кладбище вблизи города, а также ряд других интересных памятников древности и остатки кокандских укреплений в долине р. Чу[65].

Пребывание в Пишпеке отечественных исследователей (в отличие от наездов областного и краевого начальства) несколько оживляло его общественно-культурную жизнь.

Общественные и духовные запросы зажиточных пишпекских мещан, военнослужилой и купеческой верхушки, чиновной интеллигенции были крайне ограничены. Их интересы, по меткому наблюдению одного из авторов путевых очерков по краю, дважды посетившего в 70—80-х годах Пишпек, были «по необходимости зак-

[63] Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края.—Ташкент: Узбекгосиздат, 1925; Вайнштейн О. Л. Иностранные путешественники о Киргизии 60—70 гг. XIX в.—Ученые записки исторического ф-та КГУ, вып. 5.—Фрунзе, с. 68—69.

[64] Баньковский В. Свен Людвикович Хедин.—Туркестанские ведомости, 1894, № 24.

[65] Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.—Зап. Академии наук, VIII серия по историко-филологическому отд., т. 1, № 4.—СПб., 1897, с. 25. (Соч., т. IV.—М., 1966, с. 43).

лючены в тесную рамку только абсолютно практической жизни. Все идеалы населения ограничиваются постоянною мечтою усидеть на месте и справиться с теми экономическими условиями, в которые облечено его существование»[66]. Все разнообразие серой, лишенной интеллектуальных побуждений жизни ограничивалось «неустанным трудом, нравственными щелчками свыше, криками больного ребенка, изредка маленькой пулькой да ожиданием нового землетрясения. Бывали, правда, и другие «развлечения» не лучше землетрясения — неожиданный приезд начальства»[67] — военного губернатора или архиерея из Верного.

Кроме религиозных праздников в 70—80-х годах XIX в. пишпекцы почти не знали общественных развлечений. Только изредка к великой радости городской детворы появлялись здесь заезжие индийские фокусники со змеями, обезьянами и попугаями, да узбекские канатоходцы[68].

В начале 90-х годов прошлого столетия с прибытием в Пишпек двух новых учителей городского училища — воспитанников Петербургского учительского института — «несколько освежилась и затхлая жизнь нашего города», — вспоминал впоследствии К. В. Фрунзе. «Кроме хождения друг к другу „в гости" и празднования всяких семейных торжеств, как крестины, именины и т. д., с обязательным истреблением спиртных напитков и пирогов,—отмечал он далее, — появились у обитателей городка новые, доселе неведомые интересы»[69]. В лексикон горожан стали входить новые слова: «кружок хорового пения», «спектакль» и т. п. В доме В. М. Фрунзе, под руководством одного из новых учителей — Константина Флоровича Свирчевского (жившего здесь на квартире) — раз в неделю устраивались спевки молодежи, на которых исполнялись уже не духовные, а светские песни. Благодаря его инициативе в 1889 г. в Пишпеке образовался небольшой кружок любителей драматического искусства, ставивший пьесы с благотворительными целями. Так,

[66] Шрейдер П. И. По окраине. Путевые очерки.—СПб., 1893, с. 58.

[67] Там же, с. 58.

[68] Фрунзе К. В. Указ. работа, с. 230.

[69] Там же, с. 231.

в 1891 г. в Пишпеке были удачно поставлены любительские спектакли — комедии А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» и Н. В. Гоголя «Женитьба», на которые многие горожане приходили всей семьей[70].

На фоне глубоко провинциального, задавленного скукой будничной жизни «образованного общества» в Пишпеке заметно выделялись яркие личности местных культурных деятелей — В. М. Фрунзе, А. М. Фетисов, Ф. В. Поярков, К. Ф. Свирчевский, Р. И. Метелицын[71]. Связывали их не только знакомство — личное или служебное, случайная привязанность или мужская дружба. Их личные симпатии, общение друг с другом вытекали из общего для них гуманного отношения к простому человеку из народа — русскому, киргизу или дунганину, из желания нести обездоленным людям труда свет знаний, правду и добро. Объединяли их и разносторонние научно-краеведческие устремления, уважение к самобытной культуре народов Востока, в том числе киргизов, истинная интеллигентность[72]. Представляется логичным выделить названных лиц в группу, или кружок, прогрессивно настроенных пишпекских интеллигентов, назвав его по имени наиболее видной, в то время фигуры «поярковским кружком» (примерно в том сугубо условном смысле, какой получил признание в литературе «хомутовский кружок» в Ташкенте)[73].

Одним из неутомимых тружеников русской медицины в крае, оставившим памятный след в культурной жизни старого Пишпека, был Василий Михайлович Фрунзе (1856—1897). Служба военного фельдшера привела его в 1875 г. в Семиречье. С переводом через три года уезд-

[70] Фрунзе К. В. Указ. работа, с. 232; Пишпек.—Окраина, 1891, № 141.

[71] Ростислав Иванович Метелицын (1833—1900) — представитель «людей сороковых годов» — был лично знаком в молодости с Некрасовым, Достоевским и другими писателями их круга. В Киргизии он служил и занимался сбором сведений о юридическом быте киргизов, составив об этом интереснейшую записку. (См.: Метелицын Р. И. (Некролог). — Туркестанские ведомости, 1900, № 16; Воспоминания М. Р. Преображенской).

[72] В литературе уже отмечалась дружба Ф. В. Пояркова и В. М. Фрунзе, но без акцента на ее мотивы и указания на более широкий круг их связей.

[73] См.: Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX вв.—Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1962, с. 33—71.

но-городских учреждений из Токмака в Пишпек он также переселяется в новый уездный центр. К этому времени В. М. Фрунзе сменил свой военный мундир на гражданский фрак и уже занимал должность фельдшера при пишпекской аптеке[74]. 3 марта 1879 г. он подал прошение начальнику Токмакского уезда о разрешении занять в Пишпеке место для постройки дома. Здесь, в небольшом домике под камышовой крышей 21 января (2 февраля по новому стилю) 1885 г. родился его второй сын—Михаил[75]. Матерью его была местная жительница Мавра (Мария) Ефимовна Бочкарева, из воронежских крестьян-переселенцев, осевших первоначально в Токмаке, а затем перебравшихся в Пишпек.

Дорога к дому В. М. Фрунзе и расположенному рядом флигелю, в котором размещалась аптека и амбулатория (на углу б. Васильевской и Судейской улиц — ныне ул. Фрунзе и Первомайской) была хорошо известна горожанам, жителям окрестных сел, особенно с. Ламедин, где Василий Михайлович лечил людей и скот (от сибирской язвы), и ближних аилов. За редкую доброту, душевность и профессиональный гуманизм, бескорыстную помощь бедняку и больному киргизы называли его «орус атам» («русский отец»). По воспоминаниям его старшего сына Константина, киргизы ежедневно наведывались к ним во двор, а в дни амбулаторного приема вся улица нередко бывала запружена их лошадьми[76]. Не менее популярен был В. М. Фрунзе и среди дунган благодаря самоотверженной помощи, оказанной им и уезд-

---

[74] ЦГА Киргиз. ССР, ф. 959, оп. 1, д. 4, л. 24. Как отмечено в архивном документе, «Фрунзе действительно служил в Пишпеке в качестве фельдшера, и в некоторых случаях со ответствием врача заменял последнего, в особенности первое время при основании Пишпека; и деятельность его была в высшей степени полезна, как для русского, так и мусульманского населения».

[75] «Я родился в 1885 г. в г. Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края,—писал в автобиографии М. В. Фрунзе.—Отец мой—по происхождению крестьянин Захарьевской волости Тираспольского уезда Херсонской губернии. По национальности — молдаванин. При поступлении на военную службу был отправлен в состав туркестанских войск. По окончании военной службы остался в Семиречье, где служил фельдшером. Мать моя — из крестьян Воронежской губернии, переселившихся в 70-х годах в Семиречье» (Фрунзе М. В. Избр. произведения, т. 1.—М.: Воениздат, 1957, с. 62).

[76] Фрунзе К. В. Указ. работа, с. 229.

ным врачом Адамом Пржегодским в Токмаке зимой 1877 г. раненым и обмороженным дунганским беженцам, а также последующей пропаганде научной медицины и санитарии.

В 1890 г., прослужив «честно и беспорочно» полтора десятка лет военным и гражданским фельдшером и снискав любовь и уважение простого люда, Василий Михайлович Фрунзе, отмеченный единственной дорогой для него наградой — медалью за оспопрививание[77] — оставляет любимый им род занятий. Причиной этого, как свидетельствуют биографы М. В. Фрунзе, послужило гуманное отношение его отца к «инородцам», что, понятно, не одобрялось начальством. Еще три года было отдано службе присяжного счетчика в уездном казначействе, которая не приносила ему ни морального удовлетворения, ни материального благополучия. Правда, к нему по-прежнему обращались совершенно незнакомые люди за врачебной помощью, в оказании которой, как и в приготовлении несложных лекарств, помогали сыновья — Константин, унаследовавший любовь отца к медицине, и Михаил.

В 1893 г. «уволенный по прошению от службы канцелярский служитель Василий Михайлович Фрунзе, 37 лет», причисленный со всей семьей к пишпекскому мещанскому обществу[78], вынужден был, расставшись с семьей и друзьями в Пишпеке, переехать в с. Мерке Аулие-Атинского уезда, где он смог вновь занять место фельдшера. Здесь через 4 года он умер в одиночестве, оставив по себе добрую память среди местных жителей[79].

---

[77] По некоторым данным, одним из его учеников-оспопрививателей («оспенников») в бытность В. М. Фрунзе в Токмаке был знаменитый впоследствии киргизский акын-демократ Тоголок Молдо.

[78] ЦГА Киргиз. ССР, ф. 959, оп. 2, д. 2, л. 1.

[79] Теплые, проникновенные строки посвятил В. М. Фрунзе близко знавший его семью Ф. В. Поярков: «По своему природному уму и знаниям он стоял выше многих из окружавших—и занимавших более высокое, чем он, общественное и служебное положение... Но времена и люди меняются... Прежде друзья и приятели, раньше заискивавшие в нем, а теперь дослужившиеся всякими правдами и неправдами до титулярного и даже надворного советника, отвернулись... Разбитый нравственно и материально разоренный, переживая страшные душевные мучения, он умер». (Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания.—Верный, 1901, с. 69—70).

Незаурядной личностью в среде малочисленной пишпекской интеллигенции являлся Федор Владимирович Поярков (1851—1910), чья научно-практическая и культурно-просветительная деятельность была многие годы связана с Киргизией и ее населением. В Среднюю Азию он попал еще молодым военным врачом в конце 70-х годов XIX в. Сначала Поярков служил в Кульджинском госпитале, затем в Токмакском лазарете, а впоследствии почти 15 лет занимал должность старшего врача Пишпекского лазарета.

Питомец медицинского факультета Московского университета, Ф. В. Поярков был глубоко гуманным человеком, поддерживавшим прогрессивные устремления в окружающей его среде и своих детях[80]. Способный врач, известный в народе как «бессребреник», простой и прямой в обхождении со всеми, он был хорошо известен токмакским и пишпекским горожанам — русским и дунганам, а также крестьянам-переселенцам (особенно жителям с. Аламедин) и киргизам, среди которых у него было много знакомых. Беднота шла к нему со своими горестями и недугами днем и ночью, он помогал, чем мог[81].

Считая бескорыстное служение народу, его просвещение своим нравственным долгом, Ф. В. Поярков не одобрял тунеядство дворян и духовенства, обличал всякий произвол местных властей. В Пишпеке он особенно близко сошелся на почве историко-археологических интересов с А. М. Фетисовым, известным ему еще по Кульдже, и с В. М. Фрунзе, которого он знал, по-видимому, по службе в Токмакском лазарете. Общение с представителями многих народов Востока, близкое знакомство с их жизнью и нравами предопределяли и глубокий интерес Ф. В. Пояркова к их древней и самобытной культуре. В его лице удачно сочетались квалифицированный антрополог, исследователь жизни и быта киргизов и

[80] Ф. В. Поярков внушал им уважение к В. Г. Белинскому и А. Н. Добролюбову, любовь к поэзии А.С. Пушкина и А. Н. Некрасова. В его личной библиотеке хранился «Капитал» Маркса (СПб., 1872), которым предположительно мог пользоваться М. Фрунзе в бытность его в Верном. (См.: У истоков Коммунистической партии Казахстана (Летопись важнейших событий), ч. I (Конец XIX века—февраль 1917 года).—Алма-Ата: Казахстан, 1966, с. 39).

[81] Ровнягин В. П. Ф. В. Поярков (Некролог).—Семиреченские областные ведомости, 1911, № 21.

дунган, энтузиаст-археолог, известный своими открытиями и изысканиями в Пишпекском уезде[82]. Считая себя солдатом отечественной науки, он изыскивал все доступные возможности для бескорыстного служения русскому востоковедению.

В «поярковском кружке» в Пишпеке был и Алексей Михайлович Фетисов (1842—1894)[83] — ученый садовод, один из пионеров геоботанического и археолого-этнографического изучения Киргизии[84]. Не чужды ему были и культурные интересы горожан. Он, например, участвовал в любительских спектаклях. Светлую память о себе А. М. Фетисов оставил посадкой Карагачевой рощи, расширением городского сада и другой полезной для киргизского края и населения деятельностью. Хоронили его, скорбя, почти все жители города.

Однако круг таких интеллигентов был, конечно, невелик, а влияние их на общественно-культурную жизнь Пишпека определялось доступными им средствами и ближайшей средой.

[82] См.: статью Юсупова И. И. Рукописные материалы Ф. В. Пояркова о киргизах. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. 6, вып. 1.—Фрунзе, 1964, с. 73—75; Плоских В.М., Галицкий В. Я. Тропою первопроходцев. — Фрунзе: Кыргызстан, 1973, с. 77—87.

[83] Дата рождения А. М. Фетисова установлена В. Мышинским (См.: Мышинский В. Шуми, шуми роща...—Литературный Киргизстан, 1969, № 2, с. 99.

[84] Подробнее о вкладе А. М. Фетисова в киргизоведение см.: Галицкий В., Умурзаков С. Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии. — Тр. геогр. фак-та КГУ, вып. 4.—Фрунзе, 1964, с. 21—34.

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ г. ПИШПЕК В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.

1. Система городского управления

Организация управления городом несколько изменилась в 1895 г., когда в Пишпеке и ряде других городов Семиречья было введено так называемое упрощенное городское «самоуправление»[1]. К участию в управлении административно-хозяйственными делами города под контролем военно-полицейского аппарата допускались представители городской буржуазной верхушки.

Основным отличием упрощенного «самоуправления» от управления городов, где оно действовало в полном объеме (например, в Ташкенте и Верном), была замена городской думы особым собранием уполномоченных, а городской управы, возглавляемой городским головой, — выборным городским старостой с одним или двумя помощниками. Городские депутаты, или уполномоченные (гласные), избирались на сходе состоятельных домохозяев города. Избирателями являлись лишь горожане русского подданства в возрасте не моложе 25 лет и владевшие недвижимым имуществом, по крайней мере на 100 руб., по оценке особой комиссии. Число уполномоченных (избираемых простой баллотировкой, но утверждаемых затем губернатором) составляло 12—15 человек, «не христиане» могли составлять лишь одну пятую часть их, независимо от общего их количества в населении города. Выбывшие до истечения срока уполномоченные замещались кандидатами по большинству полученных голосов. Собрания уполномоченных бывали чрезвычайные и очередные (последние не менее 4 и не свыше 24 раз в году), на них могли приглашаться «сведущие лица» из горожан. Постановления собрания уполномоченных считались законными при наличии двух третей его членов; решения записывались в особую книгу и в копии представлялись губернатору для утверждения. Если он признавал их неугодными, то передавал на обсуждение Областного по городским делам присутствия[2].

Городское «самоуправление» ведало лишь вопросами благоустройства города (транспортом, освещением, водоснабжением и т. п.), а также школьными, медицинскими и благотворительными делами, торговлей и т. д.[3] Военно-полицейский надзор, постоянно довлевший над горожанами, оставался вплоть до победы революции в руках уездных властей, почти бесконтрольных в своих действиях на местах.

С избранием в 1895 г. пишпекского городского старосты и назначением большого оклада из городских сумм ему передавались все дела прежнего пишпекского мещанского управления.

Уполномоченные городского общественного «самоуправления» рассматривали свое избрание как источник дохода, стремясь к личному благополучию и мало беспокоились о нуждах городского благоустройства и основной массы трудящихся горожан. Так, уже в первом составе городских депутатов один из них получил должность базарного старосты, другой стал арычным старостой, третий был назначен заведовать сиротскими делами и тотчас же роздал «сиротские деньги» под векселя знакомым; наконец, еще один гласный с удобством для себя расположил на арендованном от города участке свой кожевенный завод, отравляющий воду в речке, которую использовали все горожане, жившие ниже. Даже писцы городского управления набирались зачастую из полуграмотных людей, прошлое которых было далеко небезупречно.

---

[1] Последнее вводилось по «высочайше» утвержденному 11 июля 1892 г. Городовому положению для «городских поселений», которые, подобно Пишпеку, хотя и считались городскими, но по характеру занятий горожан, степени развития промышленности и торговли, незначительности городского бюджета недалеко отошли от сел.

[2] Татаржинский М. Упрощенное общественное городское управление.—Степной край, 1894, № 45.

[3] Там же.

Городской староста, назначая уполномоченных на платные должности по городскому управлению или отдавая им и их близким выгодные подряды, всегда имел на своей стороне послушное большинство гласных. Так сообща «отцы города» делили общественный «городской пирог», беззастенчиво распоряжались городской кассой, выходя почти всегда «сухими из воды» при попустительстве областных властей в случае подачи жалоб горожанами или судебного преследования. Справедливо отмечая характер деятельности (точнее бездеятельности) первого состава городских уполномоченных на поприще благоустройства и коммунального хозяйства Пишпека, корреспондент одной из среднеазиатских газет писал, что она напоминает работу кладбищенского сторожа: «темно, безжизненно и мертво»[4]. Впрочем и в последующем дела городских избранников не отличались большой результативностью.

2. Общее описание города

В конце XIX—начале XX вв. для градостроительства Пишпека характерен довольно значительный прирост застройки. Городское же благоустройство и коммунальное хозяйство заметно отставали. По внешнему облику Пишпек, кроме своей центральной части, по-прежнему выглядел не столько городом, сколько большим правильно распланированным селением или раскинувшейся в зелени тополей и карагача станицей. В теплое время года обильная зелень скрывала убогий вид многих его строений, особенно в Дунганской слободе и на других окраинах, где стояло немало киргизских юрт.

Площадь зеленых насаждений общественного пользования заметно увеличилась с посадкой Дубового сада (1896 г.) и дальнейшим озеленением силами городской общественности Бульварной аллеи: в конце XIX в.—ее нижней части, в начале XX в.—верхнего продолжения бульвара в сторону гор, после пересечения его с Купеческой улицей (ныне Ленинский проспект).

Сравнительно с предшествующим периодом истории города хозяйственное использование городского земельного надела и, в частности, усадебного фонда, возросло за счет освоения так называемых неудобных земель. Со времени образования города увеличились на 400 с лишним десятин городские садовые участки, огороды (508 дес. 147 кв. сажен в 1899 г.) и разные сельскохозяйственные угодья — сенокосы и луга, общегородской выгон и пастбища (2066 дес. 2459 кв. сажен в 1899 г.). Эта особенность внешнего облика города также сближала его с селом.

Одним из показателей довольно активной застройки и заселения Пишпека во второй половине 90-х годов XIX в. является увеличение территории, занимаемой его улицами и общественными площадями, на 84 дес. 2415 кв. сажен. В 1899 г. все пишпекские улицы, переулки и проходы общей длиной в 54 версты составляли 161 дес. 1670 кв. сажен, а вместе с площадями — 190 дес. 2415 кв. сажен.

Некоторое представление о соотношении усадебной застройки в основной и западной (Дунганской слободе) частях города дают приводимые ниже данные. Из немногим более 86 дес., приходящихся на улицы и переулки в Пишпеке, на последние падало более трети этой площади — 28 с лишним десятин; в Дунгановке, с ее узкими и кривыми улицами, переулков и тупиков было еще больше, их общая площадь составляла свыше 75 десятин.

Во всем городе имелось 5 площадей, составлявших 29 дес. 745 кв. сажен. Из 17 дес. 2650 кв. сажен собственно пишпекских площадей наибольшей являлась казарменная — 12 дес. 1000 кв. сажен, предназначенная для воинских построений и учений местной команды; базарная площадь занимала 3 дес. 750 кв. сажен; немногим меньше была церковная — 2 дес. 900 кв. сажен, здесь устраивались праздничные гулянья и парады. Еще две большие, 11 дес. 395 кв. сажен, но столь же неблагоустроенные площади, находились в Дунганской слободе.

Раскинувшись на довольно значительной территории, Пишпек вместе с тем отличался низкой плотностью застройки. Над массой сплошь одноэтажных жилых домов, мазанок и землянок, окруженных заборами и глинобитной оградой (дувалами), возвышались культовые здания. Среди неказистых домишек пишпекской бедноты

---

[4] Пишпек (корр. «Русск. Турк.»). — Русский Туркестан, 1899, № 56.

выделялись добротностью купеческие дома и магазины, большие казармы и немногие здания казенных учреждений. В 1898 г. в городе насчитывалось 752 дома. Преобладающее большинство их (728)—дома из сырцового кирпича («каменные») и глинобитные, с глиняной облицовкой стен и без нее, крытые камышом. На фоне этих серо-желтых домишек городских низов выделялись 24 каменных и деревянных здания наиболее состоятельных домовладельцев и помещения уездно-городских органов власти. Из 9 каменных домов 6 были крыты железом, и 3 — тесом, а из 15 деревянных домов 7 были под железной крышей, остальные, как и вся масса построек и домов, — под камышовой. В начале 900-х годов несколько увеличилось общее число зданий, по некоторым данным, их насчитывалось теперь 761 (в том числе 18 деревянных)[5], но тип городской стройки остался прежним.

Заметного улучшения во внешнем благоустройстве и общественном городском хозяйстве после введения нового порядка городского управления (как ожидали многие горожане) однако не наступило. На первых порах «отцы города» занимались не столько городскими, сколько своими делами, и устройством личного благополучия. Лишь кое-где были выпрямлены улицы, даны им названия, наведен относительный порядок на базаре и т. п. В 1895 г. под давлением общественности на собрании городских уполномоченных рассматривались два насущных вопроса — об устройстве новых колодцев[6] и освещении города; решение первого городские депутаты отложили на неопределенное время, а второго — прямо отвергли.

Таким было начало четырехлетней деятельности городского «самоуправления». Каким был финал его, видно из заметки пишпекского корреспондента одной из

---

[5] Терентьев И. Сведения о городе Пишпеке. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II.—Верный, 1898, с. 23.

[6] Пишпек (Корр.)—Туркестанские ведомости, 1895, № 93. (Так как двух колодцев на весь город было недостаточно, то большинство горожан пользовалось арычной водой, запасаясь ею ранним утром. Но зимой, когда главный арык замерзал, им приходилось выстаивать почти полсуток у колодцев, чтобы получить несколько ведер воды).

среднеазиатских газет. Он отмечал, что в городе, ежегодно жестоко страдавшем от пожаров, не было пожарной команды, да и не только ее, «фонарей нет, мостовых нет, даже поливка улиц не производится»[7]. Улицы, как и мосты, содержались в безобразном состоянии. Весной проезд по ним был почти невозможен днем, не говоря уже о ночном времени. После многочисленных жалоб горожан «отцы города» распорядились отремонтировать некоторые мосты, привезя на них несколько возов гальки и песка. Весной 1899 г. была очищена, посыпана песком Бульварная аллея, в ней было поставлено несколько скамеек. И только! «Видимо, крепкую думу дума (городское управление.—*В. Г.*) думает, если не замечает указанных недостатков»[8],—с горечью отмечал все это корреспондент из Пишпека. Не более утешительны для горожан были и итоги второго четырехлетия существования городского «самоуправления».

3. Хозяйственная жизнь горожан

Торговля. Возросшее торгово-экономическое значение Пишпека в конце XIX—начале XX вв. во многом определялось ростом его базарной и постоянной торговли. Последняя с годами развивалась быстрее. В 1897 г. торговый оборот города определялся уже в 1 млн. руб.[9] Увеличению спроса на различные продукты питания, особенно на хлеб и мясо, оживлению базарно-лавочной торговли способствовал рост населения Пишпека, особенно его торгово-промыслового слоя.

По мере того как Пишпек становился крупным торговым пунктом по продаже и вывозу зернопродуктов, на пишпекском рынке со второй половины 90-х годов XIX в. появляется зловещая фигура скупщика, в зависимость от которого попадают непосредственные производители-крестьяне и дыйкане, а также покупатели — горожане. Перекупщики—прасолы, скупая по дешевке у крестьян

---

[7] Пишпек (корр. «Русск. Турк.»). —Русский Туркестан, 1899, № 56.

[8] Там же.

[9] Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—нач. XX вв., с. 67.

сельхозпродукты и фураж, наживались на перепродаже их по повышенным ценам, поднимая их год от году. Не имея постоянных помещений, перекупщики вели торговлю с возов, устанавливая их ночью поближе к весам и на видных местах базара. Приезжим крестьянам приходилось останавливаться в стороне, зачастую сбывая за полцены муку, рыбу, овец и т. п. тем же прасолам.

В 90-х годах XIX в. перекупщиков на городском базаре развелось столько, что жалобы жителей на их спекуляции заставили собрание городских уполномоченных вынести 12 декабря 1896 г. постановление, запрещавшее прасолам оставлять в ночное время подводы на пишпекском базаре и обязавшее базарного смотрителя устраивать приезжих продавцов с продуктами «по мере прибывания и по роду торговли»[10]. Среди множества перекупщиков, постепенно монополизировавших оптовые закупки хлеба на рынке в Пишпеке (как правило, оптовая скупка муки и зерна велась осенью по низким ценам, а распродажа их весной — по значительно завышенным), были не только местные богатые мещане и крестьяне из старожильческих сел, но и приезжие из Ферганы и Казахстана. По настоянию недовольных скупщиками горожан то же собрание городских уполномоченных вынуждено было принять специальное постановление о запрещении оптовой купли-продажи хлеба на пишпекском рынке в первую половину дня[11]. Увеличение вывоза на городской базар хлеба в зерне и муке, а также проданного скота и продукции животноводства стимулировалось расширением хлебопашества, усилением товарности земледелия и скотоводства в переселенческом и киргизском хозяйствах Чуйской долины в конце XIX — начале XX вв.

Пишпекский скотный рынок (на скотопригонной площади) был крупным центром торговли в крае. В конце 90-х годов XIX в. здесь продавалось более 125 тыс. голов скота. Немало проданного в Пишпеке на скотном базаре крупного и мелкого рогатого скота переправлялось скотопромышленниками в другие уезды Семиреченской

---

[10] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 3, л. 125—127.

[11] Знаком свободной оптовой скупки хлеба служил спуск специального флага, вывешиваемого на базаре с 9 до 13 часов дня. (ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 7, д. 37, л. 1—3; Джаманкараев А. Б. Указ. работа, с. 93).

области, в Акмолинскую, Ферганскую и Сыр-Дарьинскую области. Лошадей перегоняли даже в Оренбург, реже — в Ташкент, где киргизские лошади особенно ценились. Но и на скотном базаре, как и на пишпекском мучном, где развелось множество скупщиков и прасолов, редкая сделка обходилась без вмешательства маклера и барышника — представителей местного торгово-ростовщического капитала, эксплуатировавших в равной мере трудящихся горожан, киргизских дыйкан и крестьян.

На расширении ассортимента поступавшей на пишпекский рынок продукции благоприятно сказывались развитие товарности местного сельского хозяйства, ремесла и промыслов, увеличение товарообмена между городом и его сельской округой и особенно упрочение межобластных рыночных связей. Обширный пишпекский базар, на котором можно было встретить не только горожан, но и массу жителей окрестных селений и киргизских аилов, а нередко и приезжих торговцев и перекупщиков из городов Ферганской долины и всего Семиречья, производил на приезжих незабываемое впечатление.

О характере и степени развития стационарной торговли в Пишпеке в конце XIX — начале XX вв. можно судить по росту числа лавок и магазинов в городе, увеличению их торговых оборотов, а также по специализации торговых заведений. Так, в 1903 г. из 406 торговых точек в Пишпеке розничная торговля хлебом и мясом, а также бакалейными товарами и табаком велась в 35 торговых заведениях, продажа горячих блюд — в 27, алкогольных напитков — в 20, животноводческого сырья (черного товара) — в 13, мехов — в 8, галантереи — в 4, мануфактуры в розницу — в 42, железо-скобяного товара — в 1, смешанных товаров — в 16, мелочных товаров — в 238 лавках и лавочках.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в городской стационарной торговле преобладал мелкий капитал. Представители среднего, а тем более крупного торгового капитала — купцы-оптовики — в Пишпеке были немногочисленны, но они занимали ключевые позиции в пишпекской торговле, контролируя даже торговлю в уезде. В числе крупных торговых фирм Пишпека, закупавших в конце 90-х годов XIX в. товары непосредственно на крупнейших российских ярмарках — Ниже-

городской, Ирбитской и Крестовской — были торговые заведения Исхака Даулбаева, Шагия Мамашева, Сеид-Акрема Мурзабаева, а из чаеторговцев выделялись наследники купца А. Степанова, А. Пушников и Мамут Мулла Бабинов[12].

В 900-х годах наиболее состоятельные пишпекские купцы устанавливают связи с агентами крупнейших фирм центральной России, производя оптовые закупки мануфактурных, галантерейных и других промышленных товаров (нередко в кредит), минуя ярмарки. Агенты петербургских, лодзинских, московских и других фирм заключали контракты с пишпекскими купцами. Пишпек славился не только рынком в прилегающей к нему округе, но и постепенно становился крупным торговым центром в масштабах северной части Киргизстана и Семиречья в целом, товарно-перевалочной базой, где встречались местные и туркестанско-семиреченские грузопотоки.

О возросшем объеме пишпекской торговли, характере ее структуры к концу XIX в. свидетельствуют, в частности, данные сведущих в местной экономике И. Терентьева и П. Гурдэ. В Пишпек к 1898 г. прибывало около 749 тыс. пудов и вывозилось 1438 тыс. пудов различного рода товаров. Рассмотрим статьи привоза и вывоза товаров. Из Ташкента привозилось 150 тыс. пудов мануфактуры, ковров и железа, а также сахара и сухофруктов, 500 пудов вина и прочих товаров; из Акмолинска — 100 тыс. пудов бакалейных, мануфактурных, скобяных изделий и железа; из Каркаралинска — 150 тыс. пудов соли; из Верного — 15 тыс. пудов мануфактуры, а также чая, сахара и столько же водки, 30 тыс. пудов строевого леса—досок[13]. Лес, впрочем, доставлялся также из Прииссыккулья.

В начале XX в. среди привозной промышленной продукции большое место занимает торговля различными сельскохозяйственными машинами и инвентарем[14]. Первыми их распродажу стали вести частные предприниматели. Так, в 1902 г. купец Ш. Мамашев и агенты С. Петербургской К° «Надежда» Гущин и Кандауров, составившие компанию, с большой выгодой продали завезенную ими крупную партию плугов[15]. Они даже объявили о своем намерении организовать постоянный склад сельскохозяйственной техники. В числе поступивших в продажу сельскохозяйственных орудий были как дорогостоящие заграничные и российские (однолемешные плуги «Аксай», двухлемешные плуги американского типа, лобогрейки и др.), доступные лишь зажиточным и богатым переселенческим и киргизским хозяйствам, так и самый простой хозяйственный инвентарь.

Горожане Пишпека, крестьяне и дыйкане окрестных мест Пишпекского уезда, конечно, не покупали все привозившиеся в город промышленные товары и продукцию торгового земледелия края. Их излишки, составлявшие, пожалуй, половину обращавшейся на пишпекском рынке товарной продукции, шли далее на вывоз — в уезд, соседние районы Средней Азии и Казахстана и отчасти в Россию. Местом крупного сбыта отправлявшейся из Пишпека или транзитом через него товарной сельскохозяйственной и ремесленной продукции северной части Киргизии в конце XIX — начале XX вв. был Ташкент. Сюда вывозилось (к 1898 г.): хлеба — 500 тыс. пудов, риса — 230 тыс., масла растительного (льняного, макового, подсолнечного) — 3 тыс., сала — 2 тыс., колбасы — 200, меду — 600 пудов. Транзитом через Пишпек в Ташкент везли коней, овец, мерлушек, а также изделия киргизского ремесла — кошмы, капы, арканы, кроме 50 тыс. пудов привозной маты.

Значительное место в географии пишпекского вывоза занимал казахстанский рынок: в Каркаралинск отправлялось 200 тыс. пудов хлеба и 50 тыс. пудов риса; в Акмолинск — 100 тыс. пудов риса и 70 тыс. пудов животноводческого сырья (кожа, овчина, шерсть, волос, кошма); в Верный — 75 тыс. пудов риса и хмеля, порожней посуды — 7700 шт. и даже веников — 500 шт.

---

[12] Терентьев И. Сведения о городе Пишпеке. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II. — Верный, 1898, с. 23.

[13] Гурдэ П. Некоторые данные по торговле в Семиреченской области...—Семиреченские областные ведомости, 1898, № 24, ч. неоф.

[14] Этому в определенной мере, видимо, способствовало проведение железных дорог — Закаспийской (1899 г.) и Сибирской (1901 г.), оказавших стимулирующее влияние на торгово-экономическую жизнь всей Средней Азии и Казахстана.

[15] Корр. из Пишпека.—Русский Туркестан, 1902, № 76.

Намного меньше по объему был вывоз товаров из Пишпека и через него в другие города и села Киргизии. В Токмак, например, переправлялось: чугуна и железа — 10 тыс. пудов, мануфактуры — 100 тыс. пудов[16]. Местом сбыта пишпекских арбузов и дынь служили Пржевальск и Нарын.

Развитие торговли в Пишпеке и товарно-денежных отношений в крае привело к возникновению здесь капиталистического кредита. В 1899 г. Пишпекское городское управление, учитывая потребность в дешевом кредите местного купечества, промышленников и состоятельных домовладельцев, попыталось учредить городской общественный банк. Пишпекская городская управа намеревалась выделить для него 10 тыс. руб. из запасного капитала. Но этим чаяниям торгово-промышленных кругов города и уезда, постоянно нуждавшихся в мелких и особенно краткосрочных кредитах, получавших их под большие проценты у местных ростовщиков, не суждено было сбыться. Краевые власти сочли открытие городского общественного банка в Пишпеке преждевременным, тем более, что даже областной город Верный тогда не имел еще подобного финансово-кредитного учреждения[17].

Изложенный материал о торговле Пишпека в конце XIX — начале XX вв. позволяет резюмировать следующее. При заметном росте оборотов пишпекской торговли по сравнению с предшествующим периодом доля собственно городской продукции промышленности, ремесла и сельского хозяйства в обращавшейся на рынке товарной массе намного уступала привозной; развитие торговли в Пишпеке тормозилось отсутствием организованного на капиталистических началах кредита; отчасти возросшие торгово-экономические связи между Пишпеком и другими городами и селениями киргизского края оставались малоразветвленными, зато расширилась межобластная торговля Пишпека со среднеазиатскими и казахстанскими городами, а также с Россией. Последнее свидетельствовало об усиленном втягивании Киргизии в общероссийский внутренний рынок.

---

[16] Гурдэ П. Указ. работа.
[17] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 18, д. 26, л. 2, 7.

Ремесло и промышленность. В конце прошлого и начале нынешнего столетия складывались и получали дальнейшее развитие те немногие отрасли мелкой обрабатывающей промышленности (преимущественно пищевой, отчасти легкой и местной), которые характеризовали промышленный облик дореволюционного Пишпека в целом. Так, несколько увеличилось количество предприятий, обрабатывавших продукцию сельского хозяйства, как животноводческую (наряду с кожевенными и мыловаренными появляются салотопенные и свечносальные заведения), так и особенно земледельческую (быстро растет число рисоочистительных, маслобойных заводов, мукомольных мельниц), а также работавших на ископаемом сырье (кирпичные и другие производства строительных материалов).

К примеру промышленное производство Пишпека в 1898 г. характеризуется такими данными: на 19 предприятиях работало всего 38 рабочих, а сумма их производства составляла лишь 24050 руб. Из этих предприятий перерабатывали животноводческое сырье 6, земледельческую продукцию — 10, а ископаемые продукты — всего 3. Их валовая продукция оценивалась соответственно в 6000, 17000 и 1050 руб., а количество рабочих составляло 19; 12 и 7 человек[18].

В последующем число предприятий, занимавшихся обработкой земледельческой продукции и прежде всего зернового хозяйства, также росло быстрее всех других производств. Особенно заметно увеличивалось количество мукомольных мельниц, что было связано как с установкой на них сравнительно несложного и недорогого оборудования, так и постоянным избытком товарного зернового хлеба на рынке. С конца 90-х годов XIX в. собрание городских уполномоченных удовлетворяло просьбы уже далеко не всех желающих арендовать или приобрести место для постройки мельниц, так как стал ощущаться недостаток воды для орошения[19]. А в 1904 г. оно приняло особое постановление о распределении городской воды между владельцами пишпекских мельниц и кожевенных предприятий[20].

---

[18] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп 12, д. 75-а, л 67; Обзор Семиреченской области за 1898 г.—Верный, 1899. Приложение.
[19] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 2, л. 32.
[20] Там же, л. 14.

В начале нашего столетия Пишпек, еще лет 10—15 тому назад отставший в промышленном отношении от бывшего уездного центра—Токмака и тем более от Пржевальска или Оша,опережает Токмак и Ош и почти сравнивается с Пржевальском по количеству предприятий, сумме их производства и числу рабочих. В отличие от пржевальских рабочих, среди которых в 1902 г. преобладали местные обездоленные бедняки, нередко обремененные семьей, в Пишпеке из 29 рабочих на 15 промышленных заведениях (в основном кожевенных, маслобойных заводах и мельницах) иногородних рабочих было 22, из них только трое семейных, а из семи местных рабочих лишь один имел семью. Причем, если в 1896 г. в официальном документе отмечалось, что в городе и уезде фабрик и заводов, «при которых живут постоянные рабочие, нет», то теперь иногородние рабочие жили в казармах и бараках при более крупных заведениях. Заработная плата их в 1902 г. в среднем составила всего 58 руб. 85 коп. в год, но на мыловаренном и свечном заводах Ташбаевых рабочие получали и того меньше—50 и даже 40 руб. и только на одном из кожевенных заводов — 80 руб. (на двух других — 50—60 руб.)[21]. Вот такими были состав и условия жизни и быта наемных рабочих Пишпека.

Что касается динамики численности рабочих, то она росла медленно, намного уступая численности ремесленников. Если в 1898 г. рабочих насчитывалось всего 38 человек, а в 1904 г. — не более 50, то ремесленников—соответственно 114 и около 200[22]. Число ремесленных и кустарных мелкотоварных заведений заметно превышало общее количество предприятий мелкой частнокапиталистической промышленности в Пишпеке. Следовательно, ремесленное и мелкотоварное производство, имевшее тенденцию к возрастанию, продолжало играть заметную роль в экономике города.

Таковы были промышленно-производственная база Пишпека в конце прошлого и начале нынешнего века и те сдвиги, которые она претерпела сравнительно с начальным периодом истории города, становившегося

[21] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12, д. 182, л. 27.
[22] Большая энциклопедия, т. XV/Под ред. С. Н. Южакова.—СПб., 1904, с. 211.

важным торгово-промышленным центром Пишпекского уезда и всего киргизского края.

Сельское хозяйство. Для жителей Пишпека, особенно связанных непосредственно с сельским хозяйством или земледельческими промыслами, вопросы владения и пользования землей и водой всегда имели важное значение. Из-за земли и воды нередко происходили острые и длительные конфликты «власть имущей» верхушки в лице городской управы с горожанами (и последних между собой), с казной и представителями ее на местах, а также с ближайшими соседями города — киргизами Толкановской и Аламединской волостей и крестьянами пригородного селения Аламедин. Их насущные интересы в сфере земле- и водопользования переплетались самым тесным образом.

По форме владения земли в Пишпеке, в зависимости от их принадлежности, подразделялись на две основные категории — государственные и частновладельческие. Первые в свою очередь делились на два вида: собственно государственные (казенные) и городские, бывшие в непосредственном ведении города. Наиболее крупным земельным собственником в Пишпеке являлся сам город, во владении которого 1 января 1899 г. состояло 230 дес. 287 кв. сажен; частновладельческие земли составляли немногим меньше—224 дес. 2355 кв. сажен, и, наконец, государству (казне) в городской черте принадлежало 36 дес. 1800 кв. сажен[23] (городской сад, земли под казармами и, видимо, под летними военными лагерями).

В конце XIX—начале XX вв. пахотнопригодные земли среди обширных сельскохозяйственных угодий города составляли сравнительно небольшую площадь. Между тем мужчин, которые занимались в городе земледелием, в 1897 г. было 2025; число их, правда, судя по данным переписи, уже уступало численности горожан, втянутых в торгово-промысловую сферу деятельности.

Недостаток пригодных для хлебопашества земель у города пишпекские жители возмещали арендой земли у соседних киргизских волостей. На аренде киргизской общинной земли наживались не только киргизские баймanапы, но и городская управа во главе со старостой. С

[23] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 59, л. 2.

1 января 1896 г. она заарендовала на 12 лет с ежегодной платой 150 руб. у киргизов Толкановской волости 750 дес. земли, примыкавшей к северо-западной стороне городского выгона, чтобы «дать обывателям г. Пишпека возможность заниматься сельским хозяйством, садоводством и скотоводством». При этом «отцы города» безошибочно рассчитали, что расход с избытком покроется доходами от арендованной земли[24].

С 1895 по 1903 г. арендуемая площадь возросла почти в 20 раз, составляя, по некоторым данным, свыше 20 тыс. десятин[25]. Столь значительное увеличение сельскохозяйственой аренды пишпекцев (с явным ущербом для земледелия оседающих киргизских хозяйств) объяснялось не столько возрастанием числа лиц, для которых хлеборобство являло единственный источник существования, сколько выделением из их среды кулаков и богатых мещан — земледельцев, арендовавших десятки и сотни десятин на единоличное хозяйство. Некоторые из них (Попенков и др.) с большой выгодой для себя переуступали права аренды вновь прибывшим неустроенным переселенцам (субарендаторам).

С конца XIX в. в Пишпеке землепашество, принимавшее у зажиточных горожан торговый характер, опережало в своем развитии животноводство, хотя одно страдало от саранчи, а другое — от эпизоотий. Животноводством (по данным переписи 1897 г.) в Пишпеке занимались лишь 22 самодеятельных мужчины. По-видимому, это были только те, для кого животноводство составляло главный источник доходов, так как число горожан, содержавших скот, было намного больше. Так, в 1900 г. на 8130 жителей города имелось 5760 голов мелкого и крупного рогатого скота, а в 1902 г. на 9656 горожан приходилось 7682 головы скота[26].

В конце 90-х годов XIX в. (до появления эпизоотии среди рогатого скота) пишпекские сельские хозяева держали 9 крупных табунов рогатого скота, кроме отгонного в степи. В отличие от многих бесскотных и безлошадных, а также малоскотных хозяйств зажиточные дворы в городе нередко имели по десятку голов скота, богатые — по полсотни.

В 1904 г. вблизи Пишпека (на Аламединской даче) возникло скотоводческое хозяйство — «Товарищество наследников купца Н. И. Иванова». Оно имело вначале лишь одного быка-производителя симментальской породы и четыре коровы той же и голландской породы. Увеличение поголовья достигалось путем скрещивания с коровами киргизской породы. Молоко поступало для изготовления сыров на сыродельный завод «Товарищества»[27].

В перечнях сельскохозяйственных занятий горожан Пишпека на рубеже XIX—XX вв. огородничество, имевшее преимущественно подсобное значение в их домашнем хозяйстве, нередко, однако, стоит сразу за земледелием. Общая площадь под огородами и обширными садовыми участками в черте города в 1899 г. составляла свыше 500 дес[28]. Развитие торгового огородничества в городе тормозилось усилением притока на рынок крестьян из окрестных селений, в том числе из дунганского села Александровки. Конкурировать с ними могли в основном только огородники из Дунганской слободы, собиравшие в конце 90-х годов XIX в. одной кукурузы до 1000 пудов, чеснока и красного перца—по 100 пудов, выручая за все около 570 руб.[29]

Во второй половине 90-х годов прошлого и начале нынешнего века в Пишпеке получили довольно значительное распространение садоводство и виноградарство. Но для большинства садов в городе и уезде, как домашнего пользования, так и приносивших некоторый доход владельцам (до 150 руб. в год), были характерны скученная посадка деревьев и неправильный уход. «Фруктовые деревья есть — садоводства нет», — так образно

---

[24] Разбитая на участки от двух до пяти и более десятин, арендованная земля переуступалась за плату горожанам «для хлебопашества, огородничества, сенокошения, садоводства, устройства заимок или какого-либо заведения». Первоначально участки отдавали с торгов, а затем непосредственное заведование этой землей было возложено на помощника городского старосты (ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 3, л. 33, 88, 52, 57, 69 и др.).

[25] Пишпек. — Русский Туркестан, 1904, № 52.

[26] См. «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы.

[27] Из уездов. Пишпек.—Семиреченские областные ведомости, 1908, № 13, ч. неоф.

[28] Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России.—Томск, 1903—1904, с. 444.

[29] Терентьев И. Указ. работа, с. 22. (Суммарный подсчет наш.—*В. Г.*).

характеризовал его состояние по уезду в целом знаток садоводства и агрономии И. П. Иванов[30].

Ассортимент плодов и ягод, произраставших в садах г. Пишпека, стал богаче благодаря получению из плодовых питомников сельхозшколы черенков и саженцев улучшенных пород. Из плодопитомников Пишпекского городского сада, находившегося в ведении сельхозшколы, к началу XX в. на приусадебные и садовые участки горожан было высажено 17 сортов яблок и 16 сортов груш[31]. Излюбленными деревьями садоводов были также вишни и сливы, абрикосы и персики. Многие выращивали клубнику, малину и смородину, реже — крыжовник.

Городские садоводы стали чаще практиковать обмазку деревьев глиной и известью, бороться с вредителями сада новыми эффективными средствами. В начале XX в. в городе и его окрестностях как у любителей-садоводов, так и у садоводов-промышленников появились уже правильно посаженные сады на площади от 0,5 до 2 дес. и более. Последние торговали фруктами и саженцами улучшенных пород плодовых деревьев не только на местном рынке, но и сбывали их в широком округе — от Пржевальска до Ташкента[32].

Из технических культур в конце XIX—начале XX вв. пишпекцы возделывали в небольшом количестве хмель и хлопок, а также масличные и прядильные — подсолнечник, коноплю и лен, но данных о размерах их посевов нет.

После смерти Фетисова промышленным хмелеводством в Пишпеке занимались отставные чиновники Дубинин и Терентьев, к ним и перешла его хмелевая плантация. Рядом с ней имелся еще отдельный хмельник. Эти две плантации в 7 десятин могли давать до 300 пудов жатицкого хмеля. На его уборке ежегодно было занято несколько десятков человек из городской рабочей молодежи и подростков. Однако в связи с падением цен на отечественный хмель его производство развивалось очень слабо. В 1897 г., например, обрабатывалось всего

[30] Иванов И. П. Садоводство в Пишпекском уезде. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II. — Верный, 1899, с. 13.

[31] Там же, с. 12—13.

[32] ЦГА Уз. ССР, ф. И-129, оп. 1, д. 1430, л. 63.

около 2 десятин, с которых собирали до 80 пудов хмеля-сырца[33]. В начале 900-х годов возделыванием хмеля занимался только И. Ф. Терентьев, получивший за пишпекский хмель серебряную медаль и диплом на Парижской всемирной выставке 1900 г.[34] Тем не менее из-за падения спроса на местный хмель (и, вероятно, конкуренции Н. И. Иванова, имевшего свои большие хмелевые плантации) он собирался в 1902 г. ликвидировать свои хмельники[35].

В 1900—1904 гг. в Пишпеке вновь производились успешные опыты с посевами американского хлопка[36], семена которого были выписаны городской управой и раздавались всем посевщикам.

Некоторое развитие получило в этот период и пчеловодство[37]. В урожайные годы меда в Пишпеке собиралось 320 пудов, воска — 3 пуда, в неурожайные — вполовину меньше.

Завершая обзор сельскохозяйственных занятий жителей Пишпека в конце XIX — начале XX вв., отметим, что при относительном падении удельного веса сельского хозяйства в экономике города (за счет некоторого возрастания доли промышленности, ремесла и особенно торговли) оно продолжало играть в его производственной базе заметную роль. Наряду с земледелием и скотоводством некоторое развитие в этот период получило садоводство, в отличие от выращивания различных технических культур и пчеловодства.

4. Население

Рассмотрим вопросы численности, состава и движения населения г. Пишпека в конце прошлого—начале нынешнего столетия, опираясь на демографические данные «Обзоров Семиреченской области», документы уездно-городских властей и материалы первой всеобщей пе-

[33] Терентьев И. Ф. Указ. работа, с. 22.

[34] См. фонды Исторического музея г. Фрунзе.

[35] Обзор Семиреченской области за 1902 г.—Верный, 1903, с. 17.

[36] Обзор Семиреченской области за 1906 г.—Верный, 1907, с. 49; Соколов П. И. Население, культура, колонизация районов Туркестано-Сибирской железной дороги. — СПб., 1908, с. 75.

[37] В частности, пасека М. Абушахметова в 1898 г. насчитывала 63 улья. В 1900 г. в городе имелось 4, в 1902 г.—11 пасек (См.: «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы).

реписи населения России 1897 г., хотя по точности и достоверности они оставляют желать лучшего.

Ежегодный и причем довольно заметный прирост численности горожан являлся одной из характерных черт движения населения Пишпека в рассматриваемый период. Так, в 1895 г. здесь проживало 5725 человек (по данным уездного начальника), а в 1897 г. — уже 6615[38].

Продолжавшийся процесс формирования населения города хорошо прослеживается по данным переписи 1897 г. о составе жителей Пишпека по месту их рождения. Местных уроженцев (т. е. родившихся в городе и Пишпекском уезде) из указанного выше числа было 2550, а из других уездов Семиреченской области — 267. Родившихся в других губерниях России среди пишпекцев было 2709, а в других государствах — 1089 человек[39]. При наличии в 1897 г. в Пишпеке 120 иностранных подданных столь большой контингент зарубежных уроженцев объяснялся в основном поселением в Пишпеке дунган. Приведенные данные о превалировании уроженцев других губерний над местными (включая и уроженцев Пишпекского уезда) среди горожан Пишпека отражают общую тенденцию роста городского населения за счет пришлых, преимущественно сельских жителей.

Остановимся вкратце на размерах прироста пишпекского населения и его источниках. Если взять за исходную дату 1895 или 1897 год, а за конечную — 1903 и 1904 год, когда общая численность жителей Пишпека выросла соответственно до 9733 (к 1903 г.) и до 10441 человека (к 1 января 1905 г.)[40], то общее увеличение численности жителей города за 8—10 лет представляло заметную для Пишпека цифру — свыше 3—4 тыс. человек, а ежегодный прирост городского населения составлял 400—500 человек, т. е. в несколько раз больше, чем в 80-х — начале 90-х годов.

Естественный прирост намного уступал механическому движению населения, непосредственно связанному с развитием капитализма в России и отчасти на ее восточ-

[38] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. LXXXV. Семиреченская область [б. м.], 1905, с. 29.

[39] Там же, с. 2.

[40] См. «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы.

ных окраинах. Разорявшаяся русская деревня «выталкивала» в Сибирь и Среднюю Азию все новые волны переселенцев, доходивших и до Пишпека. Многие из них, устремляясь в «благодатный», по упорно ходившим слухам, Пишпек (особенно после голода 1901 г.), оседали в самом городе или в окрестностях — в старожильческих селениях и на арендованной у киргизов земле. Так, из прибывших в 1902 г. в Семиречье 2782 переселенческих семей в Пишпекском уезде остановились (к 1904 г.) 1205, а более половины из них — 671 семья — остались в уездном центре и в ближайших старожильческих селах. Относительно состоятельные 135 дворов приобрели жилье в Пишпеке, причислившись к мещанам или оставшись в крестьянском сословии, а другие 192 двора поселились хуторами на земле, арендованной у пишпекских мещан (на их заимках) и пригородных киргизских волостей[41].

Преимущественный рост городского населения за счет сельского являлся здесь в свое время выражением «исторической миссии» российского капитализма, а относительно слабые темпы этого роста по сравнению с городами европейской части России отражали замедленное социально-экономическое развитие города и колониальной Киргизии в целом.

Пишпек, как и всякий другой город, будучи местом средоточия орудий и средств производства, торгового капитала и удовлетворения хозяйственных и других потребностей (в том числе духовных), продолжал притягивать к себе как окрестное сельское население — русское и киргизское, так и более отдаленное—узбеков из Ферганы, русских переселенцев из северо-западного Казахстана и даже восточнотуркестанских выходцев — кашгарцев и других. Из-за наплыва в Пишпек крестьян-переселенцев русско-украинское и отчасти белорусское население города, в начале второй половины 90-х годов XIX в. составлявшее свыше одной трети всех горожан, в начале XX в. составляло уже более половины их.

Прямым следствием разложения патриархально-феодальных и зарождения новых, капиталистических отношений в киргизском обществе явилось увеличение числа

[41] Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Вопросы колонизации.—СПб., 1907, № 1, с. 21, 24.

киргизов-горожан, занявших теперь по численности третье место (вместе с казахами) после дунган и узбеков. Так, в 1897 г. из 6615 жителей города русских насчитывалось 2870, т. е. менее половины, а дунган, узбеков, татар и представителей других национальностей — 3745. Иная картина получается по данным 1903 г. вследствие притока крестьян-переселенцев. Из 9733 жителей обоего пола русские составляли 5679 человек, т. е. свыше половины пишпекцев, а из нерусских горожан киргизов (вместе с казахами) насчитывалось 518 — больше, чем татар и уйгур вместе.

Изменения, происшедшие в социальном составе жителей г. Пишпека, в некоторой мере характеризуются показателями распределения населения по сословиям. Сравнивая данные переписи 1897 г. и «Обзоров Семиреченской области» в последующие годы (к сожалению, ни те, ни другие не позволяют судить о классовом составе горожан), можно отметить значительный рост двух сословий — мещан и крестьян, которые, конечно, в социальном отношении не были однородными. Каждое из этих сословий в конце XIX—начале XX вв. абсолютно преобладало над всеми другими сословиями пишпекцев, вместе взятыми. Судя по демографическим данным, заметный процент среди горожан приходился на самые низы их (поденные черно- и разнорабочие, прислуга, батраки,нищие и пауперизованные элементы). Среди привилегированных сословий заметен рост купечества (как и лиц, вовлеченных в торговлю) и особенно духовенства. Последнее говорит о возросшем значении Пишпека как религиозного центра.

Итак, характеризуя динамику населения Пишпека и сдвиги в его национальном и сословном составе в конце XIX—начале XX вв., следует отметить, что в отличие от 70—80 годов XIX в. внешнеполитический фактор уже не играл здесь почти никакой роли (появление восточнотуркестанских выходцев в поисках работы в Пишпеке не идет в сравнение с переселением дунган в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в.). Продолжалось возрастание удельного веса пришлого населения (в основном крестьянского), сказывалось несколько большее влияние на численность и состав собственно городских сословий (мещанства и других) процесса разложения патриархально-феодальных и зарождение капиталистических от-

ношений в крае. Примечательно, что уже с конца XIX в., судя по подсчетам данных переписи 1897 г., торгово-промысловое население Пишпека преобладало над горожанами, занятыми в сельском хозяйстве.

5. Культурная и общественно-политическая жизнь

Политические, экономические и социальные изменения, происходившие в России в связи с переходом ее к империализму, сопровождались новыми явлениями в культурной и общественно-политической жизни страны, городов и селений, ее национальных окраин.

В конце XIX—начале XX вв. новых учебных заведений в Пишпеке почти не открывалось, хотя масса городского населения значительно возросла и увеличилась численность детей школьного возраста, многие из них оставались за стенами школы. И, конечно же, это были дети несостоятельных родителей.

В начале XX в. в городе имелось всего 4 официальных низших учебных заведения: мужское двухклассное городское училище (по Положению 1872 г.), женское начальное народное училище (по Положению 1874 г.), церковная школа грамоты (открыта в 1899 г. в Дунгановке)[42] и сельскохозяйственная школа. При мечетях существовало несколько мусульманских школ — мектебов для детей коренного населения; сведения о них весьма скудны. По некоторым данным, в 1901—1902 гг. в Пишпеке были открыты две новометодные школы[43].

Все городские школы, особенно их младшие классы, были переполнены учащимися, численность которых возрастала год от года. Например, в мужском городском училище в 1896 г. числилось 102 ученика, через год там обучалось уже 147, в 1899 г. — 172, а в 1903 г. — 216 человек. При этом, однако, учащихся в нем дунган и киргизов в 1899 г. было всего 22, а через четыре года стало лишь 30 киргизов. Далеко не все дети школьного возраста имели возможность посещать школу, а еще менее попавшие в нее, особенно из бедных семей, могли ее окончить.

---

[42] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 10, л. 68.

[43] Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. — Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961, с. 39.

Отсев учащихся старших классов городских школ был столь же велик, как и наплыв желающих попасть в начальные. Об этом свидетельствуют данные о распределении учеников по классам в мужском городском училище. Так, в 1899 г. в четырех отделениях первого класса обучалось 160 мальчиков, а в двух отделениях второго класса — лишь 12[44]. Выпускниками же становились буквально единицы. Причины столь большого количества недоучившихся школьников (в их числе были, конечно, не только неуспевающие) крылись отнюдь не в трудностях программы училища, предусматривавшей изучение всего нескольких предметов — закона божьего, чтения и письма на русском языке, арифметики и практической геометрии, черчения и рисования, отечественной истории и географии; с 1897 г. при училище были организованы классы ручного труда[45].

Ознакомление с сословным составом учащихся этого училища и других городских школ дает возможность выяснить, кому было доступно получение образования и кто был вынужден оставить до срока школу, чтобы уже подростком начать свою трудовую деятельность. Так, среди учащихся училища только 8 происходили из дворян и чиновников, а 113 учеников были выходцами из низших городских и сельских сословий (мещан, крестьян и т. п.). Закончить училище могли лишь дети привилегированных сословий, купеческие и кулацкие сынки, ученики же из бедных и малосостоятельных семей города и села вынуждены были вместо окончания школьного образования думать о заработке хлеба насущного.

Подобная картина наблюдалась и в других пишпекских школах, хотя учебный курс там был еще более урезан. К примеру, в женском начальном училище в 1899 г. насчитывалось 60 учениц[46], а в 1903 г. — 87; но киргизок среди них не было совсем, а ученицы из привилегированных сословий (дворян, чиновников и духовенства), составлявшие около 11%, имели полную возможность окончить училище.

Детям пишпекского простонародья трудно было попасть даже в церковную школу грамоты и осилить ее

[44] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И.-7, оп. 1, д. 52, л. 5.
[45] Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства, с. 276.
[46] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 28, д. 756, л. 49.

куцую программу обучения (чтение книг церковной и гражданской печати, начальные правила арифметики и закон божий). В первый же год после ее организации многим ребятам, пожелавшим поступить в школу, отказали из-за тесноты помещения. В 1902 г. ее посещало 39 учеников, в их числе лишь 10 девочек.

Немногие выходцы из трудовых слоев населения попадали в Пишпекскую низшую сельскохозяйственную школу, где они находились на казенном обеспечении. Видимо, этим последним обстоятельством объясняется то, что сравнительно с другими городскими школами в ней всегда было меньше всего учеников: например, в 1896 г. — 18[47], а в 1902 г. — 21. Все они происходили из низших сословий — крестьян и мещан, солдат и казаков. После преобразования школы садоводства в сельскохозяйственную заметно изменился и национальный состав ее учеников. Киргизские дети составили теперь меньшинство: в 1906 г. их было только 6 (в 1902 г. — 5 учеников). Правда, для них был открыт приготовительный класс, так как в отличие от своих русских товарищей, которые пришли сюда из городских училищ и сельских приходских школ, киргизские ребята ранее нигде не учились.

Основными специальными предметами считались, как и ранее, садоводство и огородничество, а в начале XIX в. и лесоводство, дополнительными — пчеловодство (школа имела 5 ульев системы Джерзона) и шелководство (в 1896 г. путем выкормки шелковичных червей было получено 20 фунтов коконов). Киргизские мальчики первоначально знакомились с практикой садоводства и огородничества, а затем усваивали теоретическую часть дисциплин. На школьном огороде учащиеся 1-го класса имели индивидуальные участки, выращенными овощами они распоряжались по своему усмотрению; урожай с фруктовых деревьев (на стадии сбора) частично сдавался в аренду, благодаря чему с избытком окупались расходы по содержанию сада.

Об успехах практического обучения в школе, бес-

[47] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 1, д. 714, л. 13. К концу года с вновь принятыми было 16 учеников. (Обзор Семиреченской области за 1896 г.—Верный, 1897, с. 60).

сменно возглавляемой И. П. Ивановым[48] — достойным преемником А. М. Фетисова, свидетельствуют ее участие на различных выставках и полученные награды. Например, в 1896 г. Пишпекская сельскохозяйственная школа была отмечена дипломом II степени за экспонированную на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде продукцию в сыром и консервированном виде, в 1902 г. она с успехом участвовала на 1-ой областной Семиреченской выставке в Верном. Но в целом положение народного образования в городе в конце XIX — начале XX вв. оставляло желать лучшего, несмотря на все усилия прогрессивной учительской общественности.

Грамотность — один из показателей культурного уровня населения. У пишпекцев она была крайне низкой, хотя и несколько выше, чем у сельских жителей в уезде, а среди мужчин—сравнительно выше, чем среди женщин[49].

Остановимся также на положении здравоохранения в Пишпеке в рассматриваемый период. Царские власти считали, что в получивших в 1895 г. «самоуправление» городах Семиречья, включая и Пишпек, всякая дальнейшая забота о здоровье и продолжительности жизни их жителей должна целиком лежать на самом населении. И новоявленные «отцы города» вынуждены были предпринять неотложные меры по части здравоохранения.

Для приемного покоя и аптеки было снято семикомнатное помещение. Одна из комнат была приспособлена для лечения тяжелобольных (3 койки), которых прежде отправляли в местный лазарет (при наличии там свободных мест), другая — для амбулаторного приема посетителей, третья — отведена под аптеку, а в остальных жили уездный и городской фельдшеры. За лечение горожан и заведование аптекой уездному врачу выплачивалось скромное вознаграждение; кроме того, городское управление стало содержать за счет городского бюдже-

[48] О его жизненном пути и служении трудовому народу в годы Советской власти см.: И. П. Иванов ,старейший агроном Киргизии.— Дехканин, 1929, № 8, с. 35.

[49] В 1897 г. грамотные в Пишпеке составляли всего 17,7%. Среди мужчин горожан грамотность достигала 25,1%, среди женщин — только 7,6%. (Грамотность в Семиреченской области. — Семиреченские областные ведомости, 1913, № 88, ч. неоф.).

та и фельдшера[50]. С 1899 г. врачу при приемном покое выделялось 350 руб., чтобы городским жителям лекарства отпускались бесплатно, а прочим — по таксе[51].

В связи с реорганизацией в 1897—1898 гг. врачебно-сельской части в Пишпекском уезде были созданы 3 врачебных участка. Пишпек стал местом пребывания первого из них — Пишпекского, к нему помимо города относились еще 3 селения (Лебединское, Дмитриевское и Георгиевское), а также 12 киргизских волостей[52]. Обслуживали многотысячное население этого большого по территории участка всего три человека: участковый врач, фельдшер и фельдшерица-акушерка, на которой лежала вся забота об охране здесь материнства и младенчества. Как ни деятельны и человеколюбивы были назначенный пишпекским участковым врачом доктор медицины Паллоп Оскар Гансович и его помощники, они не в состоянии были успевать лечить даже городское население, не говоря уже о сельских жителях. К тому же на участкового врача помимо непосредственно врачебных обязанностей возлагались еще и другие: оспопрививание и обучение этому учеников из местного населения (русских, киргизов и дунган), медико-полицейская и судебно-медицинская экспертиза и т. п. Отпуск медикаментов населению производился из аптек при участковом приемном покое и военном лазарете[53]. Нуждавшиеся в помощи врачей-окулистов (как впрочем и других специалистов) получить ее на месте не могли. Лишь изредка, например, в 1903 г., Попечительство о слепых в Петербурге присылало в край летучие медицинские отряды для устранения распространенных здесь различных глазных заболеваний. За месяц заведующая отрядом, видный петербургский окулист О. П. Левитская и врач М. А. Алмазова приняли 800 больных и сделали 500 операций[54]. Их помощью пользовались наряду с русскими, татары, киргизы, узбеки и дунгане, первоначально мужчины, а потом и женщины восточных националь-

[50] Пишпек (Корр.)—Туркестанские ведомости, 1895, № 93, неоф. ч. Ветеринару также платили за осмотр мяса на рынке и лечение больных животных (Там же).

[51] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 1, л. 41.

[52] Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1898 г., ч. II.—Верный, 1898, с. 116.

[53] Обзор Семиреченской области за 1902 г.—Верный, 1903, с. 47.

[54] А с в о в. Пишпек.—Русский Туркестан, 1903, № 219.

ностей. Теплыми проводами этих врачей население города и его окрестностей выразили им свою признательность.

Итак, во второй половине 90-х годов XIX в. и начале 900-х годов в области здравоохранения в Пишпеке (в отличие от положения, сложившегося в области народного образования) наметилось некоторое упорядочение в медико-санитарном обслуживании населения города и отчасти уезда.

* *
*

Как и ранее, в конце прошлого и начале нынешнего столетия Чуйская долина и Пишпек, являясь наиболее значительным в ней пунктом, продолжали привлекать внимание отечественных и зарубежных ученых-путешественников[55].

Наиболее памятной для горожан в этот период стала комплексная научная экспедиция (Белинского), покровительствуемая РГО. Она продолжительное время находилась в Пишпеке; ее участники — студенты В. А. Абрамов, А. Г. Бегак, В. К. Ковалева — экскурсировали для сбора ботанических и зоологических коллекций в малоисследованных районах хр. Киргизский Ала-Тоо и в долине р. Кокомерен. Экспедиционный художник Б. В. Смирнов составил альбом зарисовок Пишпека и его окрестностей, типов местных жителей, преимущественно из городской бедноты[56]. Им также записан на фонографе отрывок из киргизского сказания «Семетей» в исполнении известного среди чуйских киргизов сказителя Кенже-Кара. Эта экспедиция явилась как бы предшественницей будущих стационарных научных исследований, развернувшихся в последующий период истории города, который стал одной из их баз.

Некоторое разнообразие в жизнь пишпекцев с середины 90-х годов XIX в. вносили повторяющиеся через каждое четырехлетие выборы депутатов общественного

---

55 В Пишпеке и его окрестностях в этот период побывали, в частности, А. И. Ингеницкий, В. И. Липский, доктор Шанфранжон (француз) и Г. Альмаши (венгр) со спутниками и другие исследователи.

56 Подробнее см.: Галицкий В. Я. Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений начала XX столетия.—Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3.—Фрунзе, 1960, с. 163—169.

городского «самоуправления» с последующей сменой их состава во главе со старостой. Проявлявшееся при этом общественное мнение основной массы городских жителей в известной степени отражало их классовое самосознание, выявляло полярность интересов городских низов или даже средних слоев городского населения — с одной стороны, и сравнительно немногочисленной торгово-промышленной верхушки Пишпека — с другой.

Памятными событиями для горожан явились первая всеобщая перепись населения (1897 г.)[57], а также празднование юбилеев классиков русской литературы. Время от времени по инициативе интеллигентной общественности устраивались любительские спектакли и литературно-музыкальные вечера, а также благотворительные мероприятия. 28 декабря 1895 г. в Пишпеке впервые состоялась общественная новогодняя елка, устроенная на средства местных интеллигентов для учащихся мужского и женского городских училищ. На новогоднем празднике присутствовало около 200 детей и родителей, в большинстве своем не видевших ранее таких развлечений. А вечером любители драматического искусства с успехом показали пьесу А. Н. Островского «Женитьба Белугина» и водевиль «Беда от сердца и горе от ума». Вырученные деньги (85 руб.) пошли на оказание помощи бедным ученикам и на создание предполагавшейся народной библиотеки-читальни с абонементом. Стараниями К. Ф. Свирчевского, М. С. Аносовой и других на выписку книг для библиотеки было собрано свыше 100 руб. и получено «дозволение начальства» на ее открытие. Устроители библиотеки хотели организовать в Пишпеке и воскресные чтения для народа[58]. Правда, открылась библиотека, видимо, только в начале XX в. и просуществовала всего несколько лет[59].

Празднование в Пишпеке 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина вылилось в одно из наиболее значительных общественно-культурных событий в городе на рубеже двух веков. Юбилей (торжественный акт) отме-

---

57 Активные ее участники—представители местной интеллигенции, в том числе М. И. Терентьев, были отмечены бронзовой медалью «За труды по переписи населения».

58 Пишпек (Корр. «Турк. вед.»).—Туркестанские ведомости, 1895, № 8, неоф. отд.

59 Пишпек—Русский Туркестан, 1905, № 59.

чался 30 мая 1899 г. в городском училище. О жизненном и творческом пути основоположника русской литературы собравшимся рассказал один из учителей[60]. О значении юбилея и характере творчества Пушкина как национального поэта прочувствованную речь произнес врач О. Г. Паллоп. Увековечить память великого сына земли русской открытием в городе Общества вспомоществования учащимся и народной читальни им. А. С. Пушкина предложил Ф. В. Поярков. Сочувственно было встречено и его предложение устроить в юбилейные пушкинские дни в Пишпеке народные чтения. В тот же день состоялся пушкинский вечер с декламацией учащимися городских школ стихотворений поэта и живо разыгранными ими сценками «В келье Чудова монастыря» и «Кочубей в темнице».

Тогда же или в канун самого юбилея поэта собрание городских уполномоченных назвало один из городских садов Пушкинским, а также учредило стипендию в честь этого события (ее получал до окончания Верненской гимназии М. В. Фрунзе).

4 сентября 1900 г. было создано Общество вспомоществования нуждающимся учащимся им. А. С. Пушкина в русских учебных заведениях г. Пишпека. На его открытии в здании городского училища пишпекская интеллигенция устроила литературный вечер, на котором читались произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова и других классиков русской литературы, пел самодеятельный хор. Перед собравшимися выступил Ф. В. Поярков[61], объявивший об открытии Общества, цель которого — содействие распространению грамотности среди молодежи.

Вслед за пушкинским юбилеем, в 1902 г. в городе отмечалась годовщина со дня рождения Н. В. Гоголя. Собравшейся в мужском училище публике учитель кратко рассказал биографию великого русского писателя, охарактеризовал значение его творчества. А вечером любителями драматического искусства была показана

---

[60] Некто «К», как назван он в корреспонденции. (Нам пишут Из Пишпека.—Русский Туркестан, 1899, № 66).

[61] Поярков Ф. Открытие в г. Пишпеке Общества вспомоществования нуждающимся учащимся имени А. С. Пушкина. Отд. оттиск из «Семиреченских областных ведомостей», 1901, № 3, ч. неоф.

гоголевская «Женитьба». Сбор со спектакля пошел в пользу организующегося Пишпекского детского приюта[62]. В этом же году праздновался юбилей поэта В. А. Жуковского, в проведении которого наряду с учащимися общеобразовательных школ города приняли участие и ученики сельхозшколы[63].

Оживление в культурной жизни имело место и в 1903 г.[64] В начале февраля 1904 г. в пользу Красного Креста в помещении женского приходского училища были поставлены драма «Грех да беда на ком не живет» и водевиль Ларина «Я помню чудное мгновенье»[65]. Кроме пишпекцев на спектакле присутствовали приезжие из сел Токмак, Беловодское и Кара-Балта[66]. Эти события общественно-культурной жизни в городе в конце XIX—начале XX вв. надолго запомнились горожанам и окрестному сельскому населению.

* * *

Открывшаяся петербургскими стачками 1895—1896 гг. новая полоса в истории России — подготовка народной революции — на рубеже XIX и XX вв. захватила не только провинцию, но и национальные окраины.

Пишпек, служивший с 80-х годов XIX в. местом высылки неугодных правительству по политическим мотивам лиц, с началом XX столетия становится одним из центров распространения в колониальной Киргизии марксистско-ленинских идей и нелегальной антиправительственной литературы, деятельности революционной социал-демократии[67].

---

[62] Пишпек (Корр. «Турк. вед.»). — Туркестанские ведомости, 1902, № 18, ч. неоф.

[63] Обзор Семиреченской области за 1902 г.—Верный, 1903, с. 61.

[64] Беляев И. Пишпек (Корр. «Русск. Турк.»).—Русский Туркестан, 1903, № 278.

[65] Пишпек (Корр. «Турк. вед.»).—Туркестанские ведомости, 1904, № 20.

[66] По краю. Из Пишпека.—Русский Туркестан, 1904, № 40.

[67] Причастность сосланного в 1879 г. в Ташкент социалиста Г. А. Лопатина к «созданию революционных кружков в Пишпеке» (см. указ. брошюру А. Такырбашева, с. 27) документально не подтверждается.

В начале пропагандистами революционной «крамолы» были поднадзорные лица и ссыльные поселенцы, высылаемые царскими властями в глухие дали Семиречья и Сибири. Нередко следовавшие по этапу через Пишпек по Ташкентско-Верненскому тракту революционеры привлекали внимание простого люда, который сочувствовал борцам за народную долю и выступал против самодержавных порядков. Пишпекская тюрьма, куда доставляли под охраной «государственных политических преступников», была местом временной остановки в пути при конвоировании их в тюрьмы Ташкента, Верного или сибирских городов.

Несмотря на полицейский надзор, политические находили возможности для распространения антиправительственных идей среди местных жителей—туркестанцев[68], пользуясь встречами в пути, остановками на этапе и мимолетным общением с народом, а то и с арестантами в тюрьмах. О «вредных плодах» деятельности «захожих агитаторов» (административно высланных из столицы и других мест центральной России революционеров) в населенных пунктах вдоль Ташкентского тракта на Верный доносил, в частности, краевым властям в июле 1903 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области[69].

Усилению пропаганды марксизма-ленинизма и подъему классовой борьбы на среднеазиатских окраинах России, в том числе и в Киргизии, способствовали рост революционного движения в России и создание в 1903 г. на II съезде РСДРП марксистской партии рабочего класса. Съезд закрепил деятельность ленинской «Искры» по строительству партии нового типа, вооружил

---

[68] Власти, в частности, отмечали влияние социал-демократов на воспитанников Верненской мужской гимназии. М. В. Фрунзе признавал: «Первое знакомство с революционными идеями я получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования» (Автобиография М. В. Фрунзе, с. 69). Биографы М. В. Фрунзе указывают на связи юных кружковцев с ссыльными и революционно настроенными студентами в Верном: П. Затинщиковым, С. Никифоровым, П. Петровым, Г. Тихомировым. В частности, см.: Жирков А. Десять шагов до рубикона. — Фрунзе: Мектеп, 1971, с. 40—42.

[69] Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане.—М., 1958, с. 83.

большевиков марксистско-ленинской программой «борьбы за свержение самодержавия, власти помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата как орудия социалистического преобразования общества»[70]. Программа определила линию партии на союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и угнетенных национальностей, на гегемонию пролетариата в развертывавшемся освободительном движении.

Впервые о появлении в Пишпеке прокламаций антиправительственного содержания городской пристав Ураевский узнал 3 декабря 1903 г.[71] Вскоре встревоженной полиции стали известны обстоятельства их распространения и личность главного распространителя — Виктора Ивановича Лойцнера. Он, будучи еще ранее изобличен в революционной деятельности в г. Саратове, вынужден был уехать летом 1903 г. в Пржевальск, где находился под надзором полиции. Но и здесь В. И. Лойцнер сумел установить связи с социал-демократами Ташкента, куда тайно выезжал в октябре 1903 г. за нелегальной литературой. На обратном пути в Пржевальск в ноябре того же года он остановился в Пишпеке и, имея у себя несколько подпольных изданий, распространил их среди знакомых — служащих разъездного цирка Назарова. Вскоре при обыске у И. И. Пономарева полиция обнаружила нелегальную листовку, изданную от имени Российской социал-демократической партии под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в типографии Бакинского комитета Кавказского социал-демократического союза 17 октября 1903 г. В ней были напечатаны статья В. Либкнехта «Пауки и мухи», содержавшая «призыв рабочих к насильственной борьбе против капиталистов и правящего класса», известная революционная песня «Варшавянка» и стихотворение «Мирской ходок».

По возвращении в Пржевальск В. И. Лойцнер пытался пересылать в Пишпек знакомым и другие нелегальные партийные издания, за что был арестован и

---

[70] О 70-летии II съезда РСДРП. Постановление Центрального Комитета КПСС от 4 апреля 1973 г.—В кн.: Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1973, с. 4. См. также: Очерки истории Коммунистической партии Киргизии.—Фрунзе: Кыргызстан, 1966, с. 12.

[71] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 31, д. 268, л. 2—4.

выслан в Олонецкую губернию[72]. Вскоре после начала русско-японской войны, в марте 1904 г., под особый надзор за распространение в Пишпеке антиправительственной литературы был взят также И. И. Пономарев.

Приведенные сведения показывают, что существовавшие комитеты партии (Бакинский и другие) помогали вновь возникающим ячейкам социал-демократии: снабжали их нелегальными пропагандистскими материалами, знакомили с задачами РСДРП в освободительном движении пролетариата и т. д.[73]

«Великая ленинская партия, выступившая на заре века как могучая интернациональная сила, сплотила вокруг российского пролетариата все угнетенные народы и направила их на борьбу за социальное и национальное освобождение. Она противопоставила политике классового, национального неравенства и угнетения ленинскую программу единства трудящихся во имя создания нового мира, четкую интернациональную позицию рабочего класса, социалистическую идеологию равенства, дружбы и братства народов»[74].

С началом 1904 г. в революционную пропаганду среди горожан Пишпека, а затем и крестьян из окрестных сел включается передовая часть пишпекской интеллигенции, в частности учитель Иван Матвеевич Глебов и его единомышленники. В качестве одного из опорных пунктов пропаганды социал-демократических идей они избрали Пишпекское общество трезвости[75], и зимой 1904 г. развернули в нем активную работу. И это лишь один из многих примеров того, как уже в конце XIX — начале XX вв. светлые «идеи Коммунистической партии, принципы пролетарского интернационализма распространялись в Киргизии русскими ссыльными рабочими и передовыми представителями интеллигенции. Их неутомимая деятельность стала мощным фактором мобилизации и организации трудящихся края на борьбу против эксплуататорского строя»[76].

Таковы были первые предвестники надвигавшейся революционной бури, охватившей в 1905—1907 гг. вместе со всей страной и г. Пишпек с его уездом.

---

72 Революционная деятельность В. И. Лойцнера в Киргизии, в Пржевальске в частности, освещена в работах А. В. Лачко, А. Г. Зимы, В. Н. Семенкова и К. У. Усенбаева. См. также: Взят на поруки.—В кн.: Плоских В. М., Галицкий В. Я. Тропою первопроходцев.—Фрунзе: Кыргызстан, 1973, с. 88—90.

73 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 89—90.

74 О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета КП Киргизии от 22 января 1974 г. — Фрунзе: Кыргызстан, 1974, с. 37.

75 ЦГАОР СССР, ф. МО, оп. 44, д. 213/1906, л. 6; История Киргизской ССР, т. 1.—Фрунзе: Кыргызстан, 1968, с. 619.

76 Пятидесятилетие Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии (Отдел пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии. Институт истории партии при ЦК КП Киргизии—филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)—Фрунзе: Кыргызстан, 1974, с. 5.

ГЛАВА IV

ГОРОД ПИШПЕК В 1905—МАРТЕ 1917 гг.

1. Городское «самоуправление»

В 1905—1917 гг. по сравнению с концом XIX—началом XX вв. порядок управления городом не претерпел существенных изменений, несмотря на определенные сдвиги, происшедшие в жизни города и края в эпоху империализма. Городское «самоуправление» в Пишпеке оставалось, как и по всей стране, простым придатком уездной областной администрации. Фактическая сила военно-полицейской власти на колониальных окраинах, особенно ее карательных органов, возросла в период между двумя буржуазно-демократическими революциями в России. «Капитализм, — как отмечал В. И. Ленин, — *неизбежно* ведет к централизации государственной власти, и *всякое* местное самоуправление *безусловно* будет побеждено при реакционной государственной власти»[1].

Городскими старостами Пишпека в эти годы избирались Терентьев — крупный собственник и домовладелец, Калинин — лесоторговец, и Васильев — «приказная строка». Городское управление тех лет по своему составу было преимущественно буржуазно-чиновничьим. Интересы торгово-предпринимательской верхушки города свято соблюдали депутаты городского «самоуправления». Это находило выражение как в перечне разбираемых там вопросов, так и в характере обсуждения и принимаемых гласными постановлений, санкционируемых затем военным губернатором. Рассмотрение условий сдачи земельных городских участков, садовых и арендуемых у киргизов земель, торгов на оброчные городские статьи и имущества, содержание пишпекского пристава, увеличение штата и вознаграждение полицейским[2] («Вермишель», как метко окрестили туркестанские горожане обсуждаемые «отцами города» на их собраниях и в думах вопросы) всегда превалировали над жизненно важными для пишпекцев вопросами благоустройства, коммунального хозяйства и разными общественными нуждами в области просвещения, здравоохранения. Во всем этом сказывался дух частнособственнических интересов гласных. Конечно, ни о каком наблюдении, а тем более контроле их деятельности со стороны трудящихся налогоплательщиков не могло быть и речи, поскольку по «Городовому положению» 1892 г. они-то и не попадали в избирательные списки. Да и по самому характеру городское общественное «самоуправление» в Семиречье (как, впрочем, и по всей стране), вся работа сидящих там «избранников народа» ставились в полную зависимость от чиновничье-бюрократического государственного аппарата, а не от массы городского населения или даже избирателей.

Классовый характер носил и бюджет города, который заметно возрос по сравнению с предшествующими периодами истории Пишпека. Если в 1881 г. городской бюджет составлял 10937 руб. 55 коп.[3], а в 1896 г. — 28039 руб.[4], то в 1902 г. — 56822 руб. 03 коп.[5], а в 1907 г. — 121612 руб.[6] По мере роста городского бюджета нарастали и распри между торгово-промысловой и чиновной верхушкой города. Неблаговидные деяния «отцов города» нередко становились достоянием гласности благодаря обличительным заметкам в прессе.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 164.

[2] Столь трогательная забота о полиции со стороны городского управления и уездных властей показывает общность их эксплуататорских интересов и отражает возрастание роли Пишпека как военно-колониального оплота царизма в крае в период империализма. После ленских событий 1912 г. казна взяла на себя половину расходов на содержание полиции.

[3] ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., 1882 г., оп. 263/916а, д. 137, л. 16.

[4] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 г.—Томск, 1901, с. 127.

[5] Обзор Семиреченской области за 1902 г.—Верный, 1903, с. 35.

[6] По краю.—Туркестанские ведомости, 1908, № 92, ч. неоф. Здесь и далее цифровые данные о бюджете г. Пишпек за 1907 г. взяты из этого источника (суммарные подсчеты наши.—*В. Г.*).

При рассмотрении главных приходо-расходных статей бюджета также выявляется классово-ограниченный характер городского общественного «самоуправления». Основную часть дохода составляли сборы с городских имуществ и оброчных статей, а также недвижимых имуществ горожан; росли и разного рода налоги и поборы с трудящейся части жителей. Но сборы с торговли и промыслов были сравнительно малы. Так, в 1907 г. из 60806 руб. дохода главные поступления составляли сборы с городских и арендуемых городом земель и имуществ — 40083 руб.

Из 60806 руб. расходной части бюджета на содержание городского управления и полиции уходило 9762 руб., а вместе с расходами на приобретение зданий и недвижимого имущества (самая крупная статья расходов) — 24975 руб. В то же время на противопожарные мероприятия выделялось всего 590 руб., хотя город ежегодно страдал от пожаров. На благоустройство Пишпека (разумеется его центральной части, а не окраин, где обитали городские низы) в том же 1907 году расходовалось лишь 3381 руб., хотя, как отмечалось в одном из справочных изданий, даже к 1913 г. «вообще благоустройством город не отличается»[7]. На освещение перед казенными и «городскими» зданиями в Пишпеке выделялось 2000 руб. и чуть более — 2024 руб. — на «общественное призрение» (подачка нищавшей массе трудящейся части горожан). На народное образование вместе с медицинским, ветеринарным и санитарным обслуживанием города отпускалась сумма, немногим больше, чем на обеспечение двух десятков человек из управленческо-полицейского аппарата Пишпека — 10132 руб. В расчете же на каждого городского жителя (численность их составляла к 1.I. 1907 г. 11814 чел.) приходилось менее 1 рубля! Зная, какие городские слои и в какой мере могли пользоваться «благами просвещения» и насколько они были доступны им, нетрудно понять, что на образование и санитарно-медицинское обслуживание трудящегося горожанина даже в среднем шли жалкие гроши. К тому же «отцы города» нередко уменьшали и эту сумму, особенно если в отдельные годы общегородской

[7] Массальский В. И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX. — СПб., 1913, с. 1.

бюджет сокращался (в 1914 г. он составлял 109704 руб., т. е. меньше, чем в 1907 г.).

Не удивительно, что такой порядок управления городом и такая «забота» пишпекских градоправителей о коммунальном хозяйстве, культурно-просветительных и других насущных нуждах трудящейся массы горожан вызывали справедливое недовольство последних, особенно резко проявившееся в 1905—1907 и 1917 годах.

2. Общее описание города

Расширение заселенной части городской территории, уплотнение ее застройки, появление полутора- и двухэтажных зданий, некоторое упорядочение благоустройства города составляли характерные черты менявшегося внешнего облика Пишпека в 1905—1917 гг.

В 1907 г. городу принадлежало 3506 дес. 2300 кв. сажен земли. По сравнению с концом XIX — началом XX вв. выросла его заселенная часть, составив 823 дес. 630 кв. сажен, и заметно уменьшилась выгонная — до 2683 дес. 1680 кв. сажен, из которых собственно под выгоном было 284 дес. 910 кв. сажен, а остальные 1261 дес. 170 кв. сажен приходились на неудобные земли. Однако под промышленные заведения отводилось уже 45 дес. 630 кв. сажен.

В связи с застройкой свободных мест несколько сократились размеры открытых площадей около казарм, базара, культовых и общественных зданий. Теперь казармы с площадью перед ними занимали 8 дес. 755 кв. сажен, кладбищенская площадь — 4 дес. 1957 кв. сажен, больничная — 3 дес. 1645 кв. сажен, базарная — 2 дес. 481 кв. сажен, церковная — 1 дес. 481 кв. сажен, а мечеть с площадью — всего 2500 кв. сажен. Все эти площади оставались, однако, неблагоустроенными, были грязными, особенно базарная и ярмарочная. Даже главная—церковная площадь представляла собой неровный пустырь, густо заросший сорняком. Все 8 городских площадей различного назначения (из них две в Дунганской слободе) занимали 161750 кв. сажен, а вместе со свободными еще местами (на них приходилось 82 дес.) они составляли территорию в 104 дес. 1164 кв. сажен. Плот-

ность общегородской застройки в 1913 г. и даже накануне Октябрьской революции оставалась низкой[8].

В населенной части города имелось уже 40 улиц и переулков длиной от 400 до 1875 сажен, ширина главных улиц была от 30 до 47 сажен и боковых — 12—13 сажен. Но ни одна из пишпекских улиц не имела твердого покрытия. Летом они утопали в пыли, а в дождливое время, особенно осенью, — в грязи. Наиболее зеленой была Бульварная аллея.

Все строения, кроме двух церквей и нескольких мечетей, домов торговой и чиновничьей верхушки, некоторых казенных зданий и магазинов, по-прежнему имели невзрачный и даже убогий вид.

Число домов год от году возрастало, но тип застройки почти не менялся. Пишпекские купцы, чиновники и зажиточные мещане строили деревянные, каркасные и каменные дома, а в 10-е годы XX в.—также из жженого кирпича в три—пять и более комнат. Последние чаще всего были двухэтажными, нижний этаж — кирпичный, верхний—деревянный. Деревянный трехэтажный дом (6 сажен×4 сажени×4 аршина) на каменном фундаменте с кирпичным цоколем и под железной крышей стоил 1150 руб., а сдача его в наем приносила домовладельцу немалый годовой доход — от 180 до 240 руб.[9] Каркасный дом тех же размеров на каменном фундаменте, с цоколем из сырцового кирпича и набивными стенами из досок, плетня и камышевых циновок, крытый железом, оценивался дешевле — в 830 руб. и сдавался с годичной платой до 200 руб. Стоимость такого же каменного дома составляла 583 руб., а сдавался он за плату до 120 руб.[10]

Контрастно с этими домами выглядело жилье городских низов. Наиболее характерным типом жилища на окраинах и в Дунганской слободе были однокомнатные (реже двухкомнатные) домишки (размером 4 сажени×2 сажени×3 аршина). Их владельцы—преимущественно «бедный класс горожан» — зачастую сдавали в наем углы или комнату (а то и обе) за плату от 12 до 24 руб.

[8] В 1913 г. площадь Пишпека составляла 44,3 кв. км, в т. ч. застроенных земель—3,9 кв. км. (Город Фрунзе в цифрах. Краткий статистический сборник.—Фрунзе: Кыргызстан, 1972, с. 3).

[9] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 7, л. 55—56.

[10] Там же, л. 57.

в год, ютясь с семьей на кухне. Стоимость такого домика не превышала обычно 100—195 руб.

Весьма распространенным жилищем у пишпекского нерусского населения были мазанки (сакли) из сырцового кирпича или глинобитные колобковые (6 сажен×5 сажен×3 аршина), занимаемые беднотою. В зависимости от прочности они оценивались от 45 до 65 руб., а в среднем—в 54 руб.[11] Что касается оседавших в Пишпеке бедняков киргизов, то они нередко проживали еще в юртах на дальних околицах города, переходивших местами в каменистую степь (за Верхней улицей, у южных предгорий, и за Атбашинской, в районе пивоваренного завода, на юго-западе), упиравшихся в р. Аламедин (на востоке) и в болотистые низины (к северу от города).

Необжитая и совсем неблагоустроенная территория города возросла ко времени первой мировой войны вследствие прибавления к ней земель смежных киргизских волостей.

Некоторое обновление Пишпека вырисовывалось в ближайшей перспективе благодаря строительству Семиреченской железной дороги, которая должна была пересечь южные окраины города, а также в связи с намечавшимся использованием энергии строившейся Аламединской ГЭС. Но начавшаяся война отвлекла внимание городских властей от этих замыслов, хотя они и раньше не слишком обременяли себя заботами о коммунальном городском хозяйстве и его благоустройстве.

В центральных кварталах города в предвоенные годы кое-где все-таки проводились примитивные тротуары, вечерами зажигались немногие керосино-калильные фонари «Люкс».

Итак, в предоктябрьское десятилетие уездный Пишпек, начиная с исторически складывающегося общественного центра, хотя и медленно, освобождался от сельской оболочки.

3. Экономическое развитие Пишпека

Торговля. С началом XX столетия выросло торговое значение Пишпека как одного из центров зарождавше-

[11] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 7, л. 58—60.

гося внутреннего рынка в Киргизии, а ко времени первой мировой войны упрочились его торгово-экономические связи с городами и ярмарками сопредельных с Киргизстаном районов Средней Азии и Казахстана, а также с Россией. За Пишпеком утвердилась функция передаточного пункта транзитной торговли.

Возраставшие товарообороты города слагались из оборотов базарной, ярмарочной и стационарной торговли. В источниках предвоенных лет отмечается бойкость торговли на пишпекском базаре и обширность занимаемой им площади. «Пишпек — город торговый... Его базар никогда не бывает пуст», — писал осведомленный современник. С втягиванием в рыночные связи киргизского населения базар в Пишпеке становился центром торговли не только для окрестных переселенческих деревень, но и ближайших киргизских аилов и кыштаков. В 1913 г. городское управление даже учредило должность «туземного аксакала» — помощника базарного смотрителя в связи с увеличением числа продавцов и покупателей из коренного населения Пишпека. Наряду с зерном и мукой скот и продукты животноводства были наиболее массовыми товарами на пишпекском рынке. Торговля ими вызывала ожесточенную конкуренцию между пишпекской, токмакской и лебединовской торговыми верхушками.

Одним из важных событий в торговой жизни Пишпека явилось открытие в 1906 г. скотопромышленной ярмарки, устраиваемой ежегодно с 15 апреля по 7 июня. Несмотря на ряд благоприятных обстоятельств, успех ярмарки, на открытии которой особенно настаивал пишпекский городской староста, превзошел ожидания ее организаторов. Общий оборот ее равнялся примерно 891,77 тыс. руб., т. е. более чем в два раза превысил обороты Каркаринской ярмарки, не поднимавшиеся в лучшие годы более чем на 400 тыс. руб. Ярмарка располагалась в юго-восточной части скотопригонной городской площади. Здесь велась продажа скота, животноводческого сырья, шерсти и местных произведений кочевого населения. Пользовались площадью бесплатно, кроме мест под балаганами и ларями. На ярмарке продавался скот, пригнанный не только из северной части Киргизии (Пишпекского и Пржевальского уездов), но и из Казахстана (из Верненского и Копальского уездов,

в том числе из Бахтинского участка Копальского уезда)[12]. Для скотопромышленников из этих мест было выгоднее перепродавать свой скот в Пишпеке барышникам из Ферганы и Сыр-Дарьинской области, чем гнать его далее в Ташкент, Намайган и Андижан.

В последующие годы торговля на Пишпекской ярмарке развивалась менее успешно, а падающие ее обороты уступали товарооборотам стационарной торговли города. В 1910 г. весь ярмарочный оборот составил 200 тыс. руб., а в 1912 г. в условиях возросшей конкуренции со стороны Токмакской ярмарки — лишь 23 тыс. руб.[13] В годы первой мировой войны ярмарочная торговля Пишпека сошла на нет. Но в целом ежегодное функционирование ярмарки в городе содействовало упрочению связей местных скототорговцев со среднеазиатско-казахстанскими торговыми пунктами, а также усилению роли Пишпека как одного из центров краевого внутреннего рынка. Бесспорно и ее значение в развитии товарно-денежных отношений в крае и дальнейшей товаризации киргизского скотоводческого хозяйства.

Развитие стационарной торговли в Пишпеке в 1905—1917 гг. происходило весьма неравномерно. Так, в 1905—1907 гг. наблюдался рост как числа торговых заведений, так и суммы общего их оборота. Если в 1905 г. их насчитывалось 398, то в 1907 г. — 443, а товарооборот поднялся с 1 млн. 125 тыс. до 1 млн. 644 тыс. руб. К 1911 г., хотя число торговых заведений возросло до 541, товарооборот начал уменьшаться, составив 1 млн. 532,1 тыс. руб. В 1913 г. количество торговых точек сократилось до 489, соответственно и оборот их снизился до 1 млн. руб.[14] Надо полагать, что причиной этого было не только падение платежеспособности нищавшей массы горожан и окрестного сельского населения, особенно киргизского, но также возраставшая конкуренция соседнего Токмака (обороты которого достигли в 1913 г. 2 млн. 100 тыс. руб.[15]) и развитие торговли в

---

[12] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 7, л. 22—24.

[13] Джаманкараев А. Б. Указ. работа, с. 65.

[14] Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые и кочевые волости Семиреченской области (по сведениям на 1 января 1913 года).—Верный, 1913, с. 109

[15] Суммарный подсчет оборотов торговых заведений Токмака (селения и местечка). Недзвецкий В. Е. Указ. работа, с. 124—127.

крупных селениях уезда. В частности, в предвоенные годы заметно сократилась торговля мануфактурными товарами, составлявшая одну из главных статей прибыли пишпекского купечества.

В то же время в стационарной торговле Пишпека наряду с товарами широкого народного потребления значительно возросла продажа различных орудий сельскохозяйственного производства. Учитывая повышавшийся на них спрос в городе и уезде, верненский казенный склад открыл осенью 1905 г. свое отделение в Пишпеке[16]. До конца года им было реализовано и продано в кредит сельскохозяйственных машин и принадлежностей на сумму 7951 руб. В 1909 г. заведующий переселенческим делом в Семиречье ходатайствовал о расширении деятельности Пишпекского отделения Верненского сельскохозяйственного склада; в ближайшее время в Пишпек предполагался завоз плугов, сенокосилок, веялок, молотилок, куколеотборников на 56 тыс. руб.

В 1913 г. в Пишпеке открылся казенный склад Туркестанского края по продаже сельскохозяйственных машин и орудий от Департамента земледелия и сельского хозяйства[17], а в 1914 г. — сельскохозяйственный склад Переселенческого управления. До конца года оборот последнего от продажи плугов Брянского завода, лобогреек и другого сельскохозяйственного инвентаря мог составить, по подсчетам заведующего складом, 12 тыс. руб.[18] Продажа плугов и других сельскохозяйственных орудий в Пишпеке производилась также двумя частными компаниями и отдельными торговцами.

Завоз промышленных изделий и товаров из России через Ташкент стимулировался постройкой Оренбургско-Ташкентской железной дороги (1906 г.). В последующем, в предвоенные годы, Пишпек продолжал играть роль важного передаточного пункта для товаропотоков, транспортируемых из Ташкента на Верный и Джаркент, а также на Пржевальск и Нарын[19], куда ввозились преимущественно железо, мануфактура и галантерея, чай, бакалея и др. Столь же оживленными были встреч-

[16] ГАОО, ф. 78, оп. 1, д. 63, л. 19.
[17] Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 год, вып. III.—Верный, 1915, с. 96—97.
[18] ГАОО. ф. 78. оп. 1, д. 63. л. 19
[19] ЦГВИА СССР, ф. 400, Аз. ч., 1906. д. 153. л. 3.

ные грузопотоки через Пишпек и Ташкент. Находясь на трактовом пути из Ташкента в Верный и Западную Сибирь, Пишпек, как отмечено в одном из дореволюционных очерков о городе, был постоянно переполнен пришлым, в том числе торговым людом. «Здесь закупается скот, отправляемый в Ташкент, пшеница, рис, шерсть, ножи, кошмы, словом, сырье обменивается на чай, сахар, изюм, кишмиш, орехи, предметы одежды, сельского хозяйства, доставляемые из Туркестана»[20].

По некоторым данным, непосредственный грузообмен между Пишпеком и Ташкентом в 1909 г. составлял около 450 тыс. пудов. Помимо вывоза в Сыр-Дарьинскую область (в Ташкент), куда через Пишпек доставлялась сельскохозяйственная продукция и сырье (в основном шерсть, кожи, овчины, а также мука, пшеница, рис, мед, воск и др.), немало подобного рода грузов шло также в Акмолинскую и Семипалатинскую области Казахстана.

Пишпекские торговые круги, не видя реальной поддержки властями идеи открытия общественного банка в Пишпеке, решили организовать городское общество мелкого взаимного кредита. Оно было открыто 24 марта 1907 г.[21] Капитал его составлялся из членских взносов от 5 до 230 руб. (соответственно выдавались и ссуды его членам) и вкладов, в том числе от городского управления. В составе общества насчитывалось несколько сотен членов (в 1911 г. — 367 чел.), среди которых наряду с торговцами, промышленниками и состоятельными домовладельцами были ремесленники и мелкие служащие. В 1910 г. обществу (в которое к этому времени вступил ряд владельцев крупных торгово-промышленных заведений) был открыт вексельный кредит — 10 тыс. руб. в Центральном банке обществ взаимного кредита и в Русско-Азиатском банке (с доведением кредита обществу за год с 5 до 13 тыс. из 9% годовых плюс накладные расходы). Правление общества, возглавляемое энергичным дельцом Д. М. Маршаловым, пользовавшимся доверием городского купечества и банковских представителей, добилось открытия ему в 1912 г. кредитов на 20 тыс. руб. в Верненском отделении Госбанка[22]. Оборо-

[20] Уездные города Семиречья —Среднеазиатская жизнь, 1906, № 195.
[21] ЦГА Каз. ССР, ф. И-239, оп. 1, д. 1, л. 18.
[22] Там же, л. 87—88.

ты общества возрастали вплоть до начала первой мировой войны, составив в 1909 г. 364 тыс. руб., в 1910 г. — более 700 тыс., в 1911 г.—998775 руб., в 1912 г.— 5 млн. руб.[23] Однако с началом войны общество стало значительно сокращать свои операции, лишаясь банковской поддержки. В 1917 г. его оборот составил, даже в условиях обесцененных денег, немногим более 1,5 млн. руб.

Так развивалось в предвоенный период наряду с различными формами городской торговли кредитное дело и возрастало значение Пишпека, игравшего уже роль важного торгово-распределительного центра в местной и транзитной торговле края. Империалистическая война и сопутствовавшая ей хозяйственная разруха отрицательно сказались на состоянии торговли в городе и уезде: завоз товаров, естественно, упал, а цены на все продукты и товары народного потребления повысились. В годы войны прибыли крупных торговцев и спекулянтов баснословно возросли, в то время как многие мелкие и даже часть средних торговцев без товарных запасов и кредитов разорялись. Катастрофически падал жизненный уровень трудящихся горожан, отразивших свое отношение к ненавистной войне в поговорке «Кому—война, кому—мать родна!».

Промышленность и ремесло. Динамика промышленности в Пишпеке в 1905—1917 гг. отражала не только колониальную направленность экономической политики царизма, препятствовавшего индустриальному развитию края, но и подчинение экономики Киргизии российскому капиталу, стремившемуся удержать ее на положении рынка сбыта и источника сырья для метрополии, а также в определенной степени проникновение сюда иностранного капитала.

В 1905 г. промышленность Пишпека характеризовалась следующими данными. В самом городе помимо 12 водяных мельниц насчитывалось 18 промышленных заведений, (в Пишпекском уезде — 81 предприятие), большинство их было занято переработкой сельскохозяйственной продукции и сырья (кожевенные заводы, небольшие салотопленные, свечносальные, мыловаренные и другие производства) и только 4 промышленных предприятия — известковые и кирпичные заводы — имели дело с ископаемыми продуктами. Общая сумма годовой производительности всех предприятий городской промышленности, в том числе и мельниц, составляла 15,4 тыс. руб. (промышленных заводов в уезде—235 тыс. руб.), а стоимость валовой продукции на каждом из них колебалась от 133,3 до 1500 руб. На предприятиях было занято всего 44 рабочих (в уезде — 112 рабочих), из них 16 — на четырех кожевенных заводах, на остальных было по 1—2 рабочих[24].

По числу рабочих и размерам годовой производительности несколько выделялись лишь кожевенные предприятия. Однако и у них технико-экономические показатели были невысоки, оборудование — не столь сложное, а на основных производственных процессах применялся преимущественно тяжелый ручной труд.

Обилие свободных дешевых рабочих рук и наличие их резерва, как и сравнительно недорогого сырья, покупаемого на местном рынке, позволяли предпринимателям обходиться без больших капиталовложений в производство, без приобретения дорогостоящих машин и механизмов. В 1907 г., например, стоимость основных фондов 13 промышленных производств в Пишпеке (2 кожевенных завода, 2 маслобойки, 1 мыловарня и 8 мельниц) оценивалась всего в 6974 руб. Стоимость основных фондов кожевенных заводов Пашкова и Енгалычева, оцененная в 304 руб., всего на 41 руб. превышала стоимость материальной базы всех мельниц (наиболее крупными из них были мельницы Лахно—620 руб., Колбасина и Журавлева — по 570 руб. каждая, 4 другие мельницы— по 285 руб. и одна—даже в 100 руб.), две маслобойки оценивались в 873 руб., а мыловарня А. Ташбаева — в 60 руб.[25]. В соответствии с незначительной стоимостной оценкой пишпекских промышленных заведений их владельцы облагались налогом всего в 17 руб. 43 коп. в пользу города. Из этого нетрудно заключить, сколь мал

---

[23] ЦГА Каз. ССР, ф. И-239, оп. 1, д. 1, л. 5, 9, 88, 94, 100.

[24] Обзор Семиреченской области за 1905 г.—Верный, 1906. Приложение.

[25] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 62, л. 13.

еще был удельный вес промышленности в общегородской экономике.

Определенные сдвиги в промышленном развитии Пишпека произошли в 1908—1913 гг., видимо, в связи с общим промышленным подъемом в России. Выразились они, однако, не в изменении отраслевой структуры городской промышленности, а в строительстве новых, в том числе довольно крупных (отчасти цензовых) предприятий обрабатывающей промышленности, в увеличении валовой производительности и некотором росте числа рабочих.

В 1911 г. в Пишпеке функционировало 21 предприятие (в уезде—247, в том числе 188 простых мельниц) с суммой производства 94950 руб. (валовая продукция уездных промышленных заведений оценивалась всего в 116300 руб.) и с 58 рабочими (в уезде — 312 рабочих).

Сравнение этих показателей с подобными показателями за 1905 г. отражает определенный рост промышленного производства в целом по г. Пишпеку и Пишпекскому уезду, а также несомненное увеличение удельного веса промышленности города в промышленном производстве обширного Пишпекского уезда. При увеличении числа сравниваемых выше предприятий г. Пишпека на 3 единицы, численность рабочих возросла лишь на 14 человек, но сумма промышленного производства увеличилась более чем в 6 раз. В среднем на одно городское предприятие приходилось по 2,7 рабочих — на 0,5 больше, чем по предприятиям уезда, которые были еще мельче. На самом малом производстве в Пишпеке — гончарном—работал всего один рабочий, на самом крупном — пивоваренном заводе—17. В среднем годовое производство составляло 4521,4 руб., но на отдельных предприятиях оно колебалось от 500 до 35 тыс. руб. Приведенные данные показывают, что для Пишпека были характерны в основном мелкие предприятия, не идущие в сравнение с верненскими и тем более с ташкентскими.

В 1913 г. в Пишпеке на семи крупных предприятиях (две вальцовые мельницы, конфетная фабрика, пивоваренный, кожевенный и кожевенно-овчинный заводы, шерстомойка) имелось 10 механических двигателей общей мощностью 148 л. с. (на одном производстве не более двух двигателей мощностью около 30 л. с. каждый) и 175 рабочих[26] (число их на одном объекте колебалось от 15 до 42). На этих предприятиях помимо двигателей применялось технически более новое и разнообразное оборудование (отчасти иностранного производства), чем на мелких. К примеру, крупчатые мельницы Лопаткина и Баева и 1-го Семиреченского вальцово-механического товарищества суточной производительностью до 400 пудов были построены и оборудованы Ташкентским отделением «Товарищества А. Эрлангер и К°». Соответственно сумма выработки за год на одного рабочего колебалась от 216,6 руб. на мелком гончарном предприятии и до 2909 руб. на крупчатой мельнице (на простых мельницах — 428,6 руб.).

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в городе появились уже такие крупные для Киргизии промышленные предприятия, как пивоваренные заводы наследников Н. И. Иванова (1908 г.), «Товарищества Плетцер, Ерещенко и К°» (1912 г.), сумма производительности их составила почти 115 тыс. руб. за год при 60 рабочих, вальцово-механическая мельница 1-го Семиреченского товарищества (1908 г.) с годовым оборотом в 93 тыс. руб., конфетная фабрика с годовой производительностью свыше 27 тыс. руб. при 32 рабочих. Как видно уже из названий предприятий, некоторые из них создавались акционерным капиталом.

Империалистическая война пагубно отразилась на развитии промышленности в городе и уезде. С началом войны были закрыты пивоваренные и спирто-водочные производства, отделение кишечномоечного предприятия Дюршмидта. Общий упадок сельского хозяйства в связи с трудностями военного времени и событиями 1916 г. неблагоприятно сказался на деятельности предприятий пищевой промышленности, а также кожевенных заводов, испытывавших затруднения с приобретением сырья. Не оправдались и надежды городской управы на эвакуацию в Пишпек из прифронтовых районов суконных, шерстяных, обувных и кожевенных фабрик и заводов, владельцам которых обещались льготные условия аренды земли и воды[27].

---

[26] Указанные данные приводятся в кн.: Чормонова Б., Сидоров А. Промышленный прогресс в Киргизской ССР.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с. 26.

[27] Обыватель. Пишпек.—Семиреченские областные ведомости, 1915, № 269, ч. неоф.

Но в то же время Пишпек становился опорной базой возводившихся вокруг него крупных промышленных объектов ЧУПРа — двух строительных участков, механических мастерских, цементного завода и Аламединской ГЭС, а также строительства Меркенско-Пишпекского участка Семиреченской железной дороги. По этой причине, несмотря на мобилизацию и закрытие ряда производств, общая численность рабочих в Пишпеке, составившая в 1913 г. 221 чел.[28], возросла в 1916 г. за счет притока строителей до 350 чел.[29] Это обстоятельство особенно тревожило уездно-городские власти и военного губернатора Семиреченской области, с беспокойством отмечавшего скопление в городе «массы пришлого рабочего элемента»[30].

Частнокапиталистические промышленные предприятия в Пишпеке даже к 1917 г. не вытеснили ремесленное и мелкотоварное производство, а количественно городские ремесленники преобладали над рабочими, занятыми на предприятиях пищевой, легкой и местной промышленности. Так, в 1905 г. общая численность занятых в ремесленном производстве города достигла 920 чел., в их числе было 147 женщин[31]. Они подразделялись по 33 профессиям, но условно пишпекских ремесленников можно было разделить на 7 небольших групп: по обработке металла (99 чел.), волокна и кожи (86 чел), изготовлению бытовых и хозяйственных предметов (32 чел.), ремесленники-строители (151 чел.), а также занятые изготовлением одежды (206 чел.)[32]. В 1905—1908 гг. всего насчитывалось свыше 1000 городских ремесленников[33]. Вплоть до начала мировой войны наблюдалась общая тенденция роста ремесленного производства и увеличения контингента ремесленников-горожан.

Все это говорит о том, что, сосуществуя с ремеслом и мелкотоварным производством, частнокапиталистический сектор в экономической базе Пишпека получил дальнейшее развитие. В предвоенные годы здесь появляются крупные цензовые предприятия, в их числе и акционерные; к 1917 г. заметно выросла численность наемных рабочих в городе.

Сельское хозяйство. Сельскохозяйственные занятия, в частности хлебопашество, продолжали занимать немаловажное место в хозяйстве многих пишпекцев вплоть до победы Октября. Значительные площади земли, арендуемой у киргизского населения горожанами-земледельцами, — наглядное тому свидетельство. Так, в 1907 г. жители Пишпека арендовали у ближайших к городу киргизских волостей 1250 хозяйственных десятин земли сроком от 12 до 30 лет с оплатой от 20 до 40 коп. в год за десятину[34]. Городское управление на протяжении многих лет упорно добивалось для вновь поселившихся в городе «сельских обывателей» прирезки новых, пригодных для сельскохозяйственных нужд земель за счет окрестных киргизских. В 1913 г. эти хлопоты увенчались, наконец, успехом. По сообщению областного официоза, г. Пишпеку была разрешена дополнительная прирезка земли — 1362 дес. в Толкановской волости, уже изъятых у киргизов как «излишек», и 1637 дес. — в Узунгырской волости[35].

На пахотнопригодных землях горожане выращивали, как и ранее, зерновые.

В способах обработки почвы и наборе сельскохозяйственных орудий, характерных для русских и украинских крестьян того времени, заметных изменений не произошло, но несколько увеличилось количество сельскохозинвентаря. В 1905 г., например, у пишпекских сельских хозяев имелись следующие земледельческие орудия и машины: плугов однолемешных—140, веялок—12, сенокосилок — 8, жаток самосбрасывающих — 4, граблей конных — 3[36].

Количество сельскохозяйственных машин заводского производства у богатых и зажиточных землевладельцев Пишпека ежегодно возрастало. Так, в 1906 г. однолемешных плугов у них уже стало больше на 40, веялок—

---

[28] Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края.—Пг., 1915, с. 36.
[29] Миртов В., Семенков В. Большевик Алексей Иванцын.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с. 49.
[30] ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1121, л. 2.
[31] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 1, д. 2100, л. 171-б.
[32] Там же, оп. 12-Д, д. 31, л. 149 (подсчеты наши.—*В. Г.*).
[33] Там же.
[34] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 62, л. 6.
[35] Местн. изв. Прирезка земли г. Пишпеку.—Семиреченские областные ведомости, 1913, № 84, ч. неоф.
[36] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 1, д. 2100, л. 164.

на 8, сенокосилок — на 1, жаток самосбрасывающих — на 3; появилась также молотилка. Наибольшим спросом пользовались плуги фабрик Гена (Одесса) и «Столь и К°» (Воронеж), а также жатки фабрики «Столь и К°»[37]. Усовершенствованные орудия сельскохозяйственного производства приобретались для крупных торгово-земледельческих хозяйств на местных складах и выписывались из России; наибольшая потребность ощущалась в жатках и молотилках.

Скотоводство, оставаясь подсобным занятием в земледельческом хозяйстве пишпекцев, продолжало носить в предреволюционный период рабоче-продовольственное направление. Это заметно по составу стада у горожан. Что касается численности скота, то уменьшение его, видимо, связано с продолжавшимися время от времени вспышками эпизоотий и интенсификацией других сельскохозяйственных занятий жителей города, затруднениями в содержании скота; сказывалось и увеличение поголовья, пригоняемого на пишпекский рынок киргизами.

К 1 января 1906 г. в Пишпеке еще насчитывалось 9562 головы крупного и мелкого скота — гораздо больше, чем в торговом местечке Токмаке и даже более, чем в последнем вместе с дунганскими волостями и казачьими станицами Пишпекского уезда. Но по сравнению с концом XIX — началом XX вв. более чем вдвое сократилась численность верблюдов, зато увеличилось количество лошадей (особенно рабочих), что, впрочем, было характерно и для последующих лет.

К 1 января 1908 г. общее количество скота в городе составляло лишь 7500 голов, а в 1911 г. и того меньше— 6960 голов[38]. На 100 душ населения приходилось 58,80 голов скота, в том числе 25,07 лошадей, 23,07 крупного рогатого скота, 8,04 овец и баранов, 2,17 свиней, 0,25 верблюдов и 0,20 коз[39].

К 1913 г. количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота в городе увеличилось до 7967 голов, но все же не достигло уровня 1905—1906 гг.

---

[37] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12-Д, д. 222, л. 45.

[38] См. приложения к «Обзорам Семиреченской области» за 1906, 1908, 1911 годы.

[39] Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной... К. К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отд. II.—СПб., 1911, с. 222.

Как видим, даже при условии равномерного распределения скота среди горожан 41,2% их в конце 10-х годов XX в. не имели ни скота, ни лошадей, а среди лиц, занимавшихся сельским хозяйством, скот распределялся неравномерно: наряду с бесскотными и безлошадными хозяйствами имелись хозяйства, содержавшие по одной—две головы рогатого скота и лошадей, немногие состоятельные — по десятку голов скота, а богатые владели тремя и более парами лошадей[40].

Несколько скотоводческих хозяйств в Пишпеке разводили скот исключительно для продажи. Так, в конце первого десятилетия XX в. помимо расширившейся Аламединской фермы «Товарищества наследников Н. И. Иванова»[41] на зимовках в окрестностях Пишпека появляются торгово-промысловые скотоводческие хозяйства Саксаганского и Архангельского[42]. В них проводилась метизация породистого молочного скота, а также беркширов, продававшихся местным хозяйствам и заезжим скупщикам скота. В целом в годы войны животноводство у горожан, как и сельское хозяйство в уезде, переживало упадок.

Кроме ставших уже традиционными пород фруктовых деревьев с начала XX в. в пишпекских садах получают распространение персик, гранат, винная ягода (инжир)[43] и различные ягодные кустарники. Многие из пишпекских фруктов не уступали по своим вкусовым качествам верненским, а груши, смородина и крыжовник даже превосходили их[44].

По мере увеличения товарности садоводства и распространения извоза городские садоводы-промышленники стремились к разведению зимних (апорт) и летних

---

[40] Из уездов. Пишпек.—Семиреченские областные ведомости, 1908, № 13, ч. неоф.

[41] Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России.—СПб., 1913, с. 186.

[42] Безвуглый Л. Ф. Отчет по произведенному в 1914 году обследованию животноводства в Пишпекском уезде Семиреченской области.—Пг., 1916, с. 53.

[43] Массальский В. И. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества т. XIX.—СПб., 1913, с. 761.

[44] Конопка С. Р. Туркестанский край.—Ташкент, 1910, с. 203; Кирснер А. Л. Семиреченская область. — В кн.: Гейер И. И. Туркестан. Изд. 2-е.—Ташкент, 1909, с. 34.

(белый кальвиль) сортов яблок, выдерживавших длительную транспортировку[45].

В 1905 г. в Пишпеке имелось 12 отдельных садов (не считая небольших приусадебных садиков) общей площадью в 24,5 дес., заложенных с промышленной целью. Их владельцы выручили за урожай, преимущественно яблок и груш, 2795 руб. Через четыре года в городе было уже 17 отдельных садов общей площадью в 30 дес., урожай с которых шел на рынок.

Садоводы-промышленники не ограничивались разведением садов только на городских землях (на так называемых садовых участках), арендуя земли и в окрестностях города. В предвоенные годы среди садовых насаждений в городе выделялись небольшое, но образцовое садовое хозяйство П. Н. Затинщикова, славившееся сортами груш и яблок[46], а по размерам — сады А. Архангельского (50 дес.), И. Павлова (7 дес.)[47] и других садоводов-промышленников, не обходившихся без найма рабочих. Суровая и снежная зима 1914/15 гг. нанесла значительный урон пишпекскому садоводству. При этом наименее пострадали насаждения садоводов, имевших промышленные сорта фруктовых деревьев[48].

Некоторое развитие получило и торговое виноградарство. Так, если в 1905 г. лишь у пишпекского садовода Емельяна Касынкина имелся виноградник площадью в 1 дес., где произрастала 490 виноградных лоз, а урожай (245 пудов) был целиком продан за 490 руб., то уже в 1909 г. общая площадь виноградников в городе увеличилась в 3 раза, количество виноградных лоз — до 1290 шт., а урожай винограда (уже 755 пудов) продан за 1510 руб.

Небольшие огороды около усадеб горожан служили подспорьем для их владельцев. Избыток же овощей поставляли на рынок хозяева заимок в окрестностях Пишпека. Чисто торговый характер носило огородничество у сравнительно немногих горожан-земледельцев, в частности у дунган. Так, в 1905 г. четверо таких хозяев имели огороды общей площадью в 4,5 дес.[49] За выращенные на них овощи—картофель, капуста, свекла, помидоры, огурцы, редиска, лук и перец—при распродаже на городском базаре было получено 233 руб. 50 коп.[50] В 1908 г. огородничеством как промыслом занимались женщины из 20 семейств, зарабатывая в среднем 15—20 руб. в месяц[51]. В предвоенные годы горожане-огородники испытывали растущую конкуренцию со стороны заживочных крестьян из окрестных селений, особенно дунган земледельцев.

Весьма немногие из горожан продолжали выращивать технические культуры — хлопок и хмель. Хлопководство в 1905—1914 гг. в Пишпеке по-прежнему носило характер опытных посевов и занимались им единичные хозяева. Так, в 1905—1906 гг. в окрестностях города хлопок сеял предприимчивый наманганец Акинбай Исанбаев. Со своей плантации в 1,5 дес. он снимал примерно 100 пудов хлопка-сырца, из которого получалось 33—35 пудов хлопкопродукта. Это приносило ему чистый доход в 200 руб.[52] В официальных материалах его плантация именовалась «опытным полем для Чуйской долины». Но даже при такой высокой доходности этого дела из-за отсутствия поощрения и внимания со стороны администрации у Исанбаева не находилось последователей, которые развернули бы дело в более широких размерах. Ко времени первой мировой империалистической войны хлопководство в Пишпеке так и не вышло за рамки «опытного поля». В 1913 г. около города имелся лишь один хлопковый участок, принадлежавший наманганцу Фазылбаеву. Он снял с неполной десятины 62 пуда хлопка, распродав его в Пишпеке по 4 руб. 50 коп. за пуд[53].

Промышленным хмелеводством в 1905—1914 гг. в Пишпеке по-прежнему занимался И. Ф. Терентьев. В 1905 г. урожай с его хмельника в 2 дес., где было вы-

---

[45] Азиатская Россия, т. II.-Земля и хозяйство за Уралом.—СПб., 1914. с. 385.

[46] Дылевский А. Н. Пишпек. — Семиреченские областные ведомости, 1910, № 81, ч. неоф.

[47] Алеко. Пишпек в 1912 году.—Семиреченские областные ведомости, 1913, № 28, ч. неоф.

[48] Иванов И. Зима 1914/15 гг. в Пишпеке и влияние ее на сады.—Семиречье, 1915, № 2, с. 36—37.

[49] ЦГА Каз. ССР, ф. И.-44, оп. 1, д. 2100, л. 168.

[50] Там же, оп. 12-Д, д. 31, л. 149. Для сравнения отметим, что 100 крестьянских огородов в пригородном селе Лебединском располагали общей площадью 3 дес., а с 317 огородов жителями Токмака было продано овощей на 200 руб.

[51] Там же.

[52] Обзор Семиреченской области за 1906 г.—Верный, 1907, с. 48, 64.

[53] Обзор Семиреченской области за 1913 г.—Верный, 1914, с. 59.

сажено 6 тыс. кустов, составил 130 пудов хмеля[54]. Ограниченный спрос на хмель не стимулировал роста его производства. В 1913 г. с плантаций И. Ф. Терентьева было получено около 100 пудов хмеля, его закупили владельцы местных пивоваренных заводов[55]. С запрещением пивоварения в военное время (1915—1917 гг.) разведение хмеля в городе прекратилось.

Пчеловодство, делавшее в конце XIX — начале XX вв. в Пишпеке небезуспешные первые шаги, все же не получило в предвоенные годы заметного распространения. Однако некоторые городские пчеловоды стали держать большие пасеки. Так, по данным ревизии К. К. Палена, у 9 городских пчеловодов имелся 381 рамочный и линейный улей[56], а судя по «ведомости о пчеловодстве в Семиреченской области за 1911 г.» в Пишпеке на трех крупных пасеках имелось 711 ульев, в большинстве своем рамочных (в том числе 20 колодочных)[57].

Таким образом, развитие сельскохозяйственного производства в Пишпеке в 1905—1914 гг. характеризовалось дальнейшим ростом товарности основных его отраслей, а также продолжавшимся относительным падением их удельного веса в производственно-экономической структуре города, начавшей постепенно терять свой полуаграрный характер. Но в результате хозяйственной разрухи, в 1916—1917 гг., от которой сильно пострадали торговля и промышленность Пишпека, значение сельскохозяйственных занятий возросло.

4. Население

Общая численность населения Пишпека, в 1905—1917 гг. непрерывно возрастала даже в годы первой мировой войны, несмотря на убыль мужчин в связи с мобилизациями и призыв нерусских (коренных) жителей на тыловые работы. Так, если в 1905 г. в Пишпеке насчитывался 10441 человек, в 1911 г. —16221, в 1913 г.—

[54] Обзор Семиреченской области за 1905 г.—Верный, 1906, с. 48.
[55] Обзор Семиреченской области за 1913 г.—Верный, 1914, с. 59.
[56] Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной... К. К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отд. II.—СПб., 1911, с. 99.
[57] ЦГВИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 1132.

20602[58], а в 1916 г. (по некоторым сведениям)—22 тыс.[59] жителей, т. е. наблюдался рост городского населения за 12 лет более чем в два раза. Источниками его являлся не столько естественный прирост, сколько механическое движение населения, судя даже по разрозненным данным[60].

В зависимости от притока переселенцев Пишпек в отдельные годы приближался по количеству населения к Пржевальску или даже превосходил его, так как прилив переселенческой волны в Пржевальск был слабее, чем в Чуйскую долину[61]. В 1905—1907 гг. в Пишпеке и его окрестностях скапливались сотни неустроенных крестьян-переселенцев, часть из которых затем оседала в городе[62]. Однако незначительный спрос в городской промышленности на рабочую силу, трудности с жильем и арендой земли приводили к тому, что большинство переселенцев оставляло после бесплодных мытарств Пишпек, оседая в сельской местности, а многие даже вновь возвращались в места выселения.

Превалирование числа женщин над числом мужчин, обычное для Пишпека в предшествующие годы, в 1914—1917 гг. стало еще резче. В то же время заметная убыль мужского населения в годы первой мировой войны отчасти компенсировалась притоком рабочих в связи с расширением строительных работ ЧУПРа и на Семиреченской железной дороге, а также за счет военнопленных и расквартированных в 1916—1917 гг. военных частей в городе, что было вызвано подавлением восстания 1916 г. и нарастанием революционного движения.

Национальный состав населения Пишпека в 1905—1913 гг. мало изменился против конца XIX—начала

[58] По данным «Обзоров Семиреченской области» за 1905, 1911 и 1913 годы.
[59] Миртов В., Семенков В. Большевик Алексей Иванищын, с. 49.
[60] К примеру, в 1906 г. естественный прирост среди «мусульманского» населения города составлял всего 28 чел., а в 1911 г. среди «православного» населения (7667 чел.)—139.
[61] Процент переселенцев к общему числу жителей Пишпека на 1.1. 1906 г. составлял 43,6, в том числе 23%—русские крестьяне и 20,6%—другие национальности. Из 7327 крестьян-переселенцев Пишпекского уезда в Пишпеке находилось 1677 чел.
[62] В течение 1905 года к мещанскому обществу Пишпека было причислено 80 семей, или 357 человек обоего пола, а в Пржевальске—лишь 5 семей в 18 человек.

XX вв., чего нельзя сказать относительно удельного веса отдельных национальностей горожан. Особенно заметным был приток русских, а из других национальностей — татар. Численность киргизов (вместе с казахами) в городе в 1907 г. составляла 1006 человек, но после восстания 1916 г. и мобилизации части мужского киргизского населения на тыловые работы число киргизов горожан уменьшилось. Если в предвоенные годы нерусское (коренное) население Пишпека составляло менее половины его жителей, то в военный период в связи с непрекращавшимся притоком переселенцев из России это соотношение стало еще более значительным.

Сравнительные данные о распределении населения города по сословиям в период революции 1905—1907 гг. и в предоктябрьское десятилетие отражают отчасти и направление сдвигов в социальном составе горожан. Прежде всего они показывают весьма значительное возрастание среди пишпекцев сельских сословий. Например, к 1 января 1912 г. среди жителей Пишпека (16221 человек) свыше половины составляли «сельские обыватели» (8268). В числе последних преобладали русские крестьяне (4329), далее по численности шли узбеки (1920), киргизы (вместе с казахами — 889), татары (555), дунгане (484) и уйгуры (91)[63]. Резко возросла численность отставных и запасных низших чинов, солдаток и их детей. Больше стало здесь военных (в 1905—1908 гг., а затем в 1916—1917 гг.). Можно отметить также некоторое увеличение колонизаторских элементов из господствующих сословий, в первую очередь дворян, привлеченных возможностями сравнительно быстрого обогащения. В то же время нужда гнала сюда в поисках любого заработка не только обездоленный люд из других районов России, но и восточнотуркестанцев (кашгарцев); численность последних к 1912 г. составляла 516 человек.

Революционные события 1905—1907 гг., а также последующего периода в Пишпеке, обнажив социально-экономические противоречия между основной массой трудящихся горожан, которые несли все тяготы гнета и повинностей, и эксплуататорской колонизаторско-буржуазной верхушкой, показали условность рассматриваемого сословного деления горожан. Это особенно проявлялось при столкновении классовых интересов различных сословий и их представителей. Данные же о классовой структуре городского общества в статистико-демографических источниках отсутствуют.

[63] Обзор Семиреченской области за 1911 г.—Верный, 1912. Приложение. (Суммарные подсчеты наши.—*В. Г.*). Некоторые данные об изменениях в составе населения города и уезда см.: Галицкий В. Я., Плоских В. М. О структуре населения дореволюционной Киргизии (XIX—начало XX вв.).—В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана.—Фрунзе: Илим, с. 22—31.

5. Культура и общественная жизнь

Культурная и общественная жизнь Пишпека в 1905—1917 гг. была более оживленной, чем в предшествующее время. Этот период отмечен памятными для горожан событиями, носившими отпечаток социально-экономических перемен, нарастания классовой борьбы и революционного движения в крае.

Революция 1905 г. заставила, по выражению В. И. Ленина, «даже наше казенное ведомство (министерство просвещения. — *В. Г.*) сдвинуться с мертвой точки»[64] в развитии народного образования. Попытаемся показать это на материалах, характеризующих состояние школьного дела в Пишпеке в период революции 1905—1907 гг. и в предоктябрьское десятилетие. Одним из важных событий в области просвещения явилось открытие второго февраля 1905 г. воскресной школы грамоты при Пишпекском обществе трезвости, а также вечерних курсов грамоты для взрослых. Инициатива их создания исходила от учительской общественности Пишпека. Учителя Глебов, Бородин, Ташланов, Засухин на общественных началах занимались с записавшимися учениками.

В 1905 г. при Пишпекском мужском городском училище открылся, наконец, киргизский интернат (пансион), рассчитанный на 20 мест, которые, кстати, заполнялись не каждый год. Представители 26 киргизских волостей Пишпекского уезда, собравшись на съезд в Пишпеке, еще в 1901 г. просили об открытии интерната на 150 человек для подготовки не знавших русского языка киргизских ребят к поступлению в училище (средства на их содержание собирались путем добровольных сборов с

[64] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 126.

каждой киргизской юрты), но генерал-губернатор полагал, что распространять грамотность среди киргизов «нецелесообразно»[65].

Преследуя русификаторские и колонизаторские цели, власти согласились на открытие в 1908 г. русско-туземской школы в Пишпеке, также содержавшейся на средства, собранные среди киргизского населения уезда. О тяге к образованию среди коренного населения города говорит то, что в 1909 г. в школе обучалось 59 учащихся, а в 1917 г.—70, преимущественно дунган, а также 14 киргизских и 3 русских ребят. Как отмечают современные исследователи народного образования в дореволюционном Киргизстане, Пишпекская и другие русско-туземные школы объективно сыграли положительную роль в распространении элементарной грамотности, русского языка и культуры среди киргизской молодежи[66].

Если в общеобразовательных школах Пишпека было всего несколько десятков учащихся киргизской национальности, то значительно больше их посещало начальные религиозные (конфессиональные) школы—мектебы при городских мечетях, количество которых, кстати, заметно возросло. В 1905 г. в 3 мектебах обучалось 200 человек (155 мальчиков и 45 девочек), а в 1908 г. в 14 мектебах — 715, (в их числе 120 девочек)[67]. В 1911 г. в Пишпеке насчитывалось уже 16 мектебов. При мечетях имелось и 2 местных женских мектеба. Но хотя количественно мектебы (содержавшиеся на добровольные пожертвования прихожан пишпекских мечетей) преобладали над различными общеобразовательными школами в городе и их посещали сотни детей нерусского населения Пишпека, обучение в них находилось на гораздо более низком уровне, чем даже в церковно-приходской или русско-туземной школах с их куцыми программами.

По сравнению с обычными мектебами, где царила средневековая схоластика и преподавали полубезграмотные муллы, несколько выше по уровню и системе преподавания, объему получаемых учащимися знаний и т. п. стояли так называемые новометодные школы, где профессиональные учителя обучали учеников чтению по звуковому методу, давали задатки светского образования.

В 1912 г. в мужском новометодном мектебе при татарской мечети Пишпека в шести отделениях двух классов обучалось 90 киргизов и узбеков и 30 татар. Но во 2-ом классе было всего 22 учащихся, из них во втором отделении второго класса—лишь 5. Женский новометодный мектеб посещали 30 учениц-татарок и 20 киргизок, постоянно проживавших с родителями в Пишпеке[68]. Как и в русской общеобразовательной школе, закончить курс обучения в мектебе имели возможность в основном дети городской торгово-ростовщической и бай-манапской верхушки киргизского населения, низовой администрации.

Об общей направленности обучения в новометодных мектебах Пишпека можно отчасти судить по заявлению коренных жителей города — мусульман, утверждавших перед властями, что это единственные мусульманские учебные заведения в Пишпеке, имеющие целью «проведение в жизнь и быт мусульман начал европейской культуры» и поэтому стремящиеся «если не к уничтожению, то к ослаблению мусульманского фанатизма».

Царизм под предлогом борьбы с идеологией нарождавшейся мусульманской, особенно татарской, буржуазии, стремившейся сделать новометодные школы рассадниками распространения пантюркизма и панисламизма (что, однако, не всегда и не везде ей удавалось)[69], начал в 1908—1911 гг. закрывать и преследовать новометодные мектебы в крае, в том числе и в Пишпеке. Но суть дела крылась в том, что поскольку новометодные мектебы в какой-то мере способствовали росту национальных культур, то это и было признано угрозой самодержавию, стремившемуся держать в темноте и невежестве народы колониальных окраин Российской империи.

---

[65] Данияров С. С. О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX и начале XX веков.—Фрунзе: Мектеп, 1964, с. 27.

[66] См., напр.: Измайлов А. Э. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет.—Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1957, с. 31—35; Каниметов А. Язык братского единства.—Фрунзе: Мектеп, 1976, с. 27—32.

[67] Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа и основные направления ее развития во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. докт. дисс. —Алма-Ата, 1969, с. 28.

[68] ЦГА Уз. ССР, ф. И-47, оп. 1, д. 1149, л. 39, 42—43.

[69] В негласных сведениях о новометодных мусульманских школах по инспекции народных училищ 2-го района Семиреченской области, в частности, утверждалось, что неблагоприятных данных о направлении обучения в мектебе и в отношении преподавателей к местным властям не поступало (ЦГА Уз. ССР, ф. И-47, оп. 1, д. 1149).

Хотя школ в Пишпеке было мало, они содержались либо на средства города, либо получали дотацию от него за «бедностью» казны. В большинстве своем они не имели специальных школьных зданий, а размещались в наемных помещениях. Контингент учащихся горожан ограничивался не только из-за недостатка средств и штатов, но и из-за тесноты классных комнат. К примеру, в 1909 г. школьные здания были рассчитаны на 400 детей 8—12-летнего возраста, а их, по данным городского управления, было 538 человек. Из 1776 ребят школьного возраста в шести городских училищах и мусульманских мектебах имели возможность обучаться лишь 900 человек, да еще 15 пишпекских детей учились в гимназиях г. Верного.

Вынужденные признания о неблагополучном положении со школьным образованием в городе в предвоенные годы мы находим в ряде официальных материалов[70].

Но, пожалуй, в наихудшем положении была церковно-приходская школа, все 60 учеников которой учились в одном, длинном и мрачном классе. Число желающих учиться было гораздо больше, чем позволяли возможности что, как уже говорилось, было характерно и для всех городских школ.

В предреволюционный период Пишпекская сельскохозяйственная школа оставалась фактически школой садоводства и плодоводства. Ее деятельность способствовала решению насущных потребностей преобразования сельскохозяйственного производства Киргизии. Это отмечалось местной общественностью, специалистами сельского хозяйства, посещавшими школу и дававшими рекомендации по изменению профиля подготовки выпускников[71]. Преобразование ее в низшую сельскохозяйственную школу 2-го разряда (по Положению 26 мая 1904 г. о сельскохозяйственном образовании) в 1912 г. преследовало цель готовить «сведущих и умелых исполнителей по сельскому хозяйству и отдельным его отраслям — садоводству и виноградарству[72]. По новому уставу школы на отведенном ей орошаемом участке в

[70] Соколов П. И. Население, культура, колонизация района Туркестано-Сибирской железной дороги.—СПб., 1908, с. 99—100.

[71] Там же.

[72] Устав Пишпекской сельхозшколы.—Пишпек, типография П. Ходаева, 1914, с. 1.

ложной части города учреждалась школьная ферма, хозяйство которой, между прочим, должно было содействовать улучшению породности животноводства в крае. В том же году школьная ферма получила высокопродуктивный крупный рогатый скот.

Новый устав определял контингент учащихся школы — не менее 30 человек, но общее число их редко превышало 20, а к выпуску из-за обычного отсева учеников в старших классах (хотя в приготовительном и первом классах всегда был полный их комплект) здесь приходили единицы. Начатая в предвоенные годы перестройка обучения в сельхозшколе к 1917 г. не была завершена, а наличие столь немногочисленного количества специалистов низшего звена не могло заметно сказаться на улучшении интенсификации сельского хозяйства Киргизии[73].

Отсутствие в уезде и его центре гимназии (или другого среднего учебного заведения) давно беспокоило не только городское, но и сельское население, не исключая и киргизское. Стремление к получению среднего образования имели многие ребята, а учиться в гимназиях в Верном и Ташкенте могли в основном только наиболее обеспеченные.

После русско-японской войны городское управление, учитывая общественное мнение, сделало робкий запрос вышестоящим властям о желательности открытия в Пишпеке гимназии. Однако в необходимых ассигнованиях на строительство здания и само содержание гимназии было отказано со ссылкой на скудность государственной казны.

В 1909—1911 гг. уездно-городская администрация вновь зондирует возможность открытия в Пишпеке гимназии, конечно, руководствуясь не нуждами просвещения народа, а лишь интересами чиновничье-колонизаторской верхушки, богатых слоев города и переселенческой деревни. Городскому старосте удалось заручиться поддержкой влиятельных в министерстве просвещения сановников, от которых зависело решение вопроса. Но только осенью 1912 г. в здании киргизского интерната начала работу Пишпекская мужская гимназия — пер-

[73] Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961, с. 106.

вое и единственное в дореволюционной Киргизии полное среднее учебное заведение. Это стало возможным лишь благодаря единовременному пожертвованию 100 тыс. руб. киргизским населением уезда и некоторой субсидии, выделенной «отцами города» из городского бюджета. Торжественное открытие гимназии состоялось несколько позже, 26 декабря 1912 г., в присутствии военного губернатора, уездного начальства, городской и киргизской феодально-родовой верхушки.

Повышенный объем знаний, требовавшийся от ученика для поступления в подготовительный и другие классы гимназии, и высокая плата за обучение (50 руб. в год) явились труднопреодолимым барьером для детей городской бедноты и киргизов, желавших получить среднее образование. Не удивительно, что в 1913/14 учебном году первый класс гимназии посещали лишь 2 ученика киргиза, а в старших классах их не было вовсе. К 1 января 1915 г. в ней обучалось 122 человека — преимущественно дети из состоятельных семей, сыновья чиновников и представителей городской верхушки; только 13 детей были из числа коренного населения края и то почти все они были выходцами из бай-манапской среды и торговцев.

Сказанное подтверждает ту скромную роль, которую сыграла гимназия в распространении образования среди юношества Пишпека за пятилетний срок своего существования[74]. Грамотность среди женской части населения дореволюционного Пишпека всегда была более низкой, чем среди мужчин. Помимо ряда неблагоприятных социально-бытовых факторов и национальных особенностей жизни пишпекского населения на образовательный уровень женщин влияли и ограниченные возможности получения ими даже начального образования, не говоря уже о среднем. Лишь спустя четыре года после открытия мужской гимназии частное учебное заведение 3-го разряда для девочек в Пишпеке было преобразовано в женскую прогимназию[75]. С 1 января 1917 г. она полностью перешла в ведение городского управления.

Столь же длительное время (как и рассмотрение вопросов учреждения в Пишпеке гимназии и прогимназии) тянулась переписка местных властей с вышестоящим начальством о создании в городе ремесленного училища сельскохозяйственного машиностроения (соответствующий приказ туркестанского генерал-губернатора издан 16 октября 1916 г.), открытие которого намечалось на осень 1917 г.[76]

В заключении этого краткого обзора истории школьного образования в Пишпеке в 1905—1917 гг. следует отметить не только отдельные сдвиги,о которых было сказано выше, но и подчеркнуть еще раз отмеченный В. И. Лениным факт ограбления русским царизмом народа, в данном случае трудящейся части горожан, окрестного сельского и особенно киргизского населения, в смысле образования и культуры.

Врачебно-медицинские учреждения и их персонал в предреволюционный период в Пишпеке явно не соответствовали потребностям растущего населения города в медицинско-санитарной помощи. В 1905—1906 гг., так же как и в конце XIX в., в Пишпеке, не считая военного лазарета (закрытого в 1913 г.), находились лишь два лечебных учреждения для гражданского населения: приемные покои — городской и Пишпекского сельско-врачебного участка. Весь штат городского приемного покоя состоял из врача, фельдшера, акушерки и оспопрививательницы. Здесь, как отмечалось, велся амбулаторный прием больных, среди которых преобладали страдающие малярией и ревматизмом. Для стационарного лечения в покое имелось всего две койки. Не каждый из горожан мог себе позволить лечь сюда на излечение, так как, хотя врачебная помощь и уход за больными были бесплатными, забота о его питании лежала на нем самом или его родственниках. Отдельная палата предназначалась для операций, чаще всего акушерских и удаления грыжи. Обычно еще до открытия приемного покоя у его двери собиралась длинная очередь больных, главным образом женщин, а среди них довольно много узбечек.

Участковый приемный покой и аптека при нем, содержавшиеся в отличие от городского покоя на земские средства, размещались в старом и тесном доме. До

---

[74] Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. — Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963, с. 48—49.

[75] Неполное среднее учебное заведение с определенными правами для учащихся.

[76] Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии, с. 114.

1909 г. велся лишь амбулаторный прием, позже было установлено 6 коек для тяжелобольных. Порядка в аптеке, как видно из доклада окружного военно-медицинского инспектора, не было: нужные медикаменты отсутствовали, так как требования на те немногие лекарства, которые в нее поступали, по халатности врача посылались с полугодичным опозданием. Зато очередь больных (иные из них приезжали из весьма отдаленных мест) была всегда велика, обычно за один приемный день проходило свыше 30 человек.

В мае 1907 г. в Пишпеке, в темном, мрачном помещении, открылся лечебно-амбулаторный пункт для прибывших в уезд крестьян-переселенцев. Впоследствии он был превращен в больницу («переселенческая больница»). Малочисленный его штат с трудом обслуживал огромный поток больных переселенцев, лишь за первое полугодие 1910 г. зарегистрировано 14 тыс. посещений), среди которых наблюдались вспышки различных эпидемических заболеваний (в том же году усилиями работников пункта была приостановлена эпидемия дифтерита)[77]. Когда началось строительство Семиреченской железной дороги, в городе была открыта так называемая железнодорожная больница. В 1913 г. все население Пишпека, жестоко страдавшее от малярии и других болезней, обслуживали 55 врачей, из них 2 зубных, 8 фельдшеров и акушерок[78].

Как видим, медико-санитарное обеспечение жителей города и накануне революции, несмотря на некоторое улучшение, оставалось малоэффективным, не охватывая широкие городские слои населения. В первую очередь врачебно-медицинским обслуживанием пользовались представители уездно-городской верхушки, привилегированных сословий, обеспеченные горожане, а также отдельные бай-манапы. По сути основная деятельность местных ячеек здравоохранения сводилась к карантинным мерам и недопущению крупных эпидемий, охране здоровья военно-колонизаторских элементов и торгово-промышленных кругов с членами их семей от острозаразных инфекций. Серьезных мероприятий по снижению общей заболеваемости и налаживанию лечебно-профилактической и санитарно-противоэпидемической работы, а также по борьбе с социальными болезнями среди трудящегося населения города и уезда не проводилось. При более чем скромных масштабах уездно-городской медицинской сети такая задача ей была просто не по силам[79].

[77] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной... К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане.—СПб., 1910, с. 112.

[78] Город Фрунзе в цифрах, с. 151. В городе было всего 7 больничных коек для беременных и рожениц. (Там же, с. 154).

Дореволюционный Пишпек, бедный культурно-просветительными очагами, выделялся среди населенных пунктов уезда средоточием культовых учреждений (церквей, мечетей и молитвенных домов), питейных заведений и публичных домов. Они множились, имея официальное покровительство, в то время как учреждения культуры и науки, их работники отнюдь не пользовались поддержкой властей и городской верхушки, а нередко даже преследовались. В этом отношении показательна судьба народной бесплатной библиотеки-читальни в Пишпеке. Попытка вновь открыть ее в мае 1905 г., предпринятая социал-демократом И. А. Глебовым, натолкнулась на сопротивление уездного начальника, не питавшего никаких иллюзий относительно политической благонадежности инициаторов этого дела[80]. Областными властями лишь 15 июля 1916 г. было разрешено открыть общественную библиотеку-читальню под ответственность Пишпекского городского общественного управления[81]. Ко времени установления Советской власти имелось две городские библиотеки с читальней (кроме школьных и церковных) с книжным фондом в несколько сотен книг[82].

В условиях нараставшего интереса к событиям в Центральной России и за рубежом, на фронтах мировой войны, в Пишпеке делались (и небезуспешные) попытки к изданию местной газеты на базе частной типографии. Имеются сведения о выходе «Пишпекского бюллетеня» (1914 г.), на ЧУПРе — «Телеграфного вестника»

[79] Подробнее о состоянии здравоохранения края в дореволюционное время см.: Айдаралиев А. А. Основные этапы развития здравоохранения в Киргизии.—Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958, с. 8—25.

[80] ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 1, д. 1166.

[81] Айтмамбетов Д. А. Культура киргизского народа... с. 247—248.

[82] Город Фрунзе в цифрах, с. 140. Семенков В. Из истории печати Киргизии. — Комсомолец Киргизии, 1959, 5 мая; Город Фрунзе в цифрах, с. 4.

(1916 г.), где печатались распоряжения местных властей и сводки агентских телеграмм с театра военных действий, а также рекламные объявления[83].

При отсутствии в Пишпеке профессионального театра, постоянного цирка, стадиона и ипподрома, а также публичной библиотеки большую популярность среди его жителей, особенно молодежи, имело кино. По некоторым данным, в 1907 г. здесь впервые появился гастрольный кинематограф, в 1911 г. открылись кинотеатры «Метеор» и «Марс»[84], а в 1914 г. — «Эдиссон» на 400 мест (на месте нынешнего русского драмтеатра имени Н. К. Крупской в Дубовом парке). В «Эдиссоне» демонстрировались кинофильмы для взрослых и детей, с особым интересом смотревших «Сказку о рыбаке и рыбке», «Хорек» и др.[85]

В предвоенные годы функционировал ряд обществ. В 1909 г. оформилось Пишпекское общество любителей драматического искусства, а 17 ноября 1913 г. в помещении сельхозшколы состоялось открытие Пишпекского сельскохозяйственного общества и его первое учредительное собрание[86]. На него пришли многие городские и сельские хозяева, любители садоводства и пчеловодства. И. П. Иванов был избран председателем совета общества, которое пользовалось в своих практических начинаниях поддержкой и помощью Туркестанского общества сельского хозяйства[87].

В 1914 г. организовалось Пишпекское скаковое общество, члены которого провели 26 мая первые организованные скачки вблизи города, по тракту на г. Верный[88]. Скачки привлекли тысячные толпы горожан и множество страстных любителей конных состязаний из окрестных киргизских селений.

---

[83] Семенков В. Из истории и печати Киргизии.—Комсомолец Киргизии, 1959, 5 мая; Город Фрунзе в цифрах, с. 4.

[84] Денисов К. А. Указ. работа.

[85] Айтмамбетов Д. А. Культура киргизского народа..., с. 253.

[86] Пишпек.—Семиреченские областные ведомости, 1913, № 268, ч. неоф.

[87] Подробнее см.: Залкинд М. И. Туркестанское общество сельского хозяйства (1885—1917 гг.). Автореф. канд. дисс.—Ташкент, 1955.

[88] П. (еребилло С. В.). Скачки.—Семиреченские областные ведомости, 1912 № 231, ч. неоф.

В предвоенные годы в Пишпеке отмечалось несколько официальных юбилеев, посвященных памятным историческим событиям: в 1910 г.—50-летие Узун-Агачского сражения русских войск с кокандскими, а осенью 1912 г. — полувековая годовщина взятия кокандской крепости Пишпек[89]. Но наибольший общественный резонанс вызвал, пожалуй, 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. Торжества по этому поводу продолжались три дня (25—27 августа). О подвиге народа в борьбе против Наполеона с воодушевлением рассказал учащимся и горожанам (всего в городском саду собралось около 100 человек) учитель сельхозшколы В. П. Чернецов (вообще в подготовке празднеств активно участвовали представители учительской общественности — Лозовых, Одинцов и др.). Затем он повторил свой рассказ другим пришедшим сюда пишпекским жителям, для них учащиеся городских школ исполнили патриотические песни и стихотворения. Любители драматического искусства разыграли сценки («1812 год» и «Военный совет в Филях»)[90].

С провинциальной претензией на помпезность местные власти организовали торжества по поводу 300-летия дома Романовых.

Более оживленным был праздник древонасаждения 31 марта 1913 г.

Революция 1905—1907 гг., всколыхнув все слои общества в крае, оказала влияние и на общественную жизнь Пишпека. Горожан интересовали не только местные, но и всероссийские события. Переизбрание депутатов городского общественного «самоуправления» показало возросшую активность нерусского, коренного, населения края, а выборы в I и II Государственные думы многим открыли глаза на антинародную сущность избирательной системы при царизме, реакционность его политики в земельном в переселенческом вопросах[91]. В пос-

---

[89] Местн. изв. К юбилею Пишпека.—Семиреченские областные ведомости, 1912, № 231, ч. неоф.

[90] Свидетель. Местные известия. Пишпек. — Семиреченские областные ведомости 1912, № 211, ч. неоф.

[91] Излагая прения во II Думе, В. И. Ленин отмечал, что с ее трибуны был процитирован «ответ туркестанского генерал-губернатора одному татарину (мещанину г. Пишпека Сабиржану Бектемирову, просившему об отводе ему надела наравне с переселенцами.— *В. И.*... что переселяться на казенные земли могут только лица христиан-

ледующее время пишпекцы проявляли немалый интерес к проведению различных статистико-экономических и естественно-исторических исследований, в частности, к работам изыскательной партии по орошению долины р. Чу под руководством инженера В. А. Васильева. Волновали жителей города и жаркие споры в торгово-промышленных кругах Ташкента, Верного и Пишпека о направлении Семиреченской железной дороги и ее строительстве. Их радовало начало изысканий на трассе предполагавшегося строительства железной дороги Пишпек — Спасский завод (Казахстан).

В 1914—1915 гг. чиновная и торгово-промышленная верхушка города, захваченная всенным угаром, устраивала торжественные проводы отправлявшимся на фронт частям и чинам уездной администрации, организовывала среди городского и сельского населения сборы денежных средств и теплых вещей для армии, проводила лотереи-аллегри в пользу Красного Креста, раненых и увечных воинов и т. п., наконец, по примеру буржуазии центральных городов объявила о создании Пишпекского уездного военно-промышленного комитета. В то же самое время вести о вступлении России в войну против Германии, продолжавшаяся мобилизация и тяготы военного времени вызывали, чем дальше, тем сильнее, антивоенные настроения и недовольство политикой царизма среди городских низов и переселенческой бедноты Пишпекского уезда.

Широкие отклики имели в Пишпеке события 1916 г.[92] С одной стороны, мобилизации на тыловые работы подлежали горожане из числа киргизов и других восточных народностей, сочувствовавшие успехам повстанцев, с другой — уездные власти, нагнетая атмосферу страха и межнациональной розни, сумели втянуть гражданское население города в строительство оборонительных сооружений вокруг Пишпека, а русских мужчин — в дружины, которые затем пытались использовать в карательных целях.

Столь остро давали знать о себе социальные противоречия в общественном климате и других областях городской жизни в Пишпеке и уезде.

ского вероисповедания». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 389). Подробнее см.: Хамдамов П. У. Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина.—Ташкент: Узбекистан, 1971, с. 65.

[92] См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док.—М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 321—421; Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1967.

ГЛАВА V

ПИШПЕК—ЦЕНТР РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ПИШПЕКСКОМ УЕЗДЕ (1905—МАРТ 1917 гг.)

1. События первой русской буржуазно-демократической революции в Пишпеке

«Народы нашей страны веками совместно боролись против царизма, социального и национального угнетения. Эта освободительная, революционная борьба приобрела еще больший размах, сознательный, целенаправленный и организованный характер с зарождением рабочего движения и особенно с созданием В. И. Ленинным большевистской партии. Мощным фактором мобилизации и организации народов России на борьбу против самодержавия и капитализма стали идеи марксизма-ленинизма, принципы пролетарского интернационализма», — отмечается в Постановлении ЦК КПСС о 50-летии Союза ССР и итоге великого пути наших народов[1].

Революция 1905—1907 гг. в России была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма, в которой российский пролетариат, широкие слои разнонациональных крестьянских масс под руководством большевиков-ленинцев поднялись с оружием в руках против самодержавия, социального и национального гнета. Под воздействием массовых политических стачек и вооруженных боев пролетариата развернулось широкое крестьянское движение в центре страны и на национальных окраинах, стал складываться союз рабочего класса и крестьянства. «Вместе с русским пролетариатом и крестьянством борьбу против царизма и эксплуататорских классов вели рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других районов»[2].

[1] О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М.: Политиздат, 1972, с. 5.

Под влиянием нараставших с 9 января 1905 г. революционных событий в европейской России и Туркестане поднимаются на борьбу не только городские низы и беднейшее переселенческое крестьянство, но и трудящиеся коренных национальностей Киргизии. Так, в первой половине 1905 г. происходили волнения киргизской бедноты во время выборов низовой администрации в ряде мест края, слухи о которых будоражили трудовое дыйканство Пишпекского уезда.

Неустанная работа революцинных социал-демократов среди угнетенных масс России и на национальных окраинах сказалась в годы первой русской революции, в авангарде которой шел рабочий класс. «Сознательная пропаганда и агитация социал-демократии сделали свое дело, — отмечал в 1905 г. В. И. Ленин.—Бунты сменились организованной стачечной борьбой и *политическими демонстрациями* против самодержавия»[3]. Начало открытых выступлений против царизма в Пишпеке и уезде относится к середине 1905 г., ставшему, по определению В. И. Ленина, поворотным пунктом русской истории. Летом и осенью 1905 г. в Пишпеке состоялись многолюдные политические митинги, участники которых бурно протестовали против антинародной политики царизма и насилий военно-колониальных властей в городе и на периферии, проявляя свою классовую солидарность с выступлениями рабочих и крестьян Туркестанского края и всей России. Первый митинг (по литературным данным) состоялся 6 августа 1905 г. по инициативе И. М. Глебова. Листовки, распространенные им с помощью единомышленников в Пишпеке и разбросанные на дорогах в окрестностях города, призывали местных жителей собраться 24 июля для обсуждения своих нужд[3а]. Правда, тогда в результате энергичных предупредительных мер пишпекской полиции митинг не состоялся. В тревожных донесениях начальника Пишпекско-

[2] Постановление ЦК КПСС «О 70-летии революции 1905—1907 годов в России».—Правда, 1975, 9 января.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 335.

[3а] Пишпек. (Корр. «Русский Туркестан»). — Русский Туркестан, 1905, № 201.

го уезда военному губернатору Семиреченской области в конце июля сообщалось, что «учитель Глебов с некоторыми другими лицами агитирует среди населения г. Пишпека и прилегающих к нему селений, возбуждая недовольство жителей на почве земельных наделов в публичных противоправительственных манифестациях»[4]. 31 июля удалось все же созвать на главной церковной площади сходку, но, видимо, кратковременную и немногочисленную. С собравшимися, преимущественно неустроенными переселенцами, велась беседа «о крестьянских нуждах». В результате вмешательства полиции сходка не переросла в общегородской митинг.

6 августа 1905 г. недовольство пишпекских горожан и крестьян-самовольцев, возбужденных известиями о революционных выступлениях в стране, вылилось в многолюдный митинг в Пишпеке. Он состоялся, несмотря на все меры, предпринятые городской полицией «к разъяснению незаконности подобных собраний». Как ни старались власти разогнать народ, на митинг собралось около 400 человек, преимущественно неустроенных переселенцев. Митинговавшие пошли на неслыханное здесь ранее действие — составили за подписью 262 человек петицию к царю с просьбами-требованиями об удовлетворении «нужд населения о государственном благоустройстве»[5]. В основном они сводились к следующему: наделение крестьян, семиреченцев в частности, землей; уменьшение земельного налога, который должен определяться доходами, и снижение цен на товары народного потребления; введение всеобщего бесплатного обучения; равноправие всех сословий перед законом; введение местного самоуправления взамен полицейской опеки уездных и земских начальников в российских губерниях; свобода слова, печати, собраний и открытия библиотек (!); наконец, немедленный созыв народных представителей на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Характерно, что содержание петиции, составленной еще в

[4] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 279, л. 23; Лачко А. Ф. О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национальных движений в Киргизии начала XX века.—Тр. ИЯЛИ. Кирг. ФАН СССР, 1954, вып. IV, с. 79.

[5] Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959, с. 74.

верноподданнической форме, отражает интересы как местного населения, так и более широких народных масс России, их требования революционно-демократических свобод[6].

Уездно-городская верхушка, напуганная известиями о начавшейся в России революции, проявлениями революционных настроений городской и крестьянской бедноты на местах, предприняла в свою очередь контрмеры, обрушив репрессии против организаторов и участников городских митингов и сходок.

После известий о событиях Кровавого воскресенья (9 января) в Петербурге собрание городских уполномоченных Пишпека приняло 18 февраля 1905 г. обязательное для жителей города постановление о содержании ночных конных караульщиков с 1 апреля 1905 г. по 1 января 1906 г. Городскому полицейскому приставу разрешалось принимать 12 конных ночных караульщиков якобы для борьбы с пожарами, что практиковалось и раньше, но теперь они определялись «в помощь полиции» и обязаны были сообщать ей «о сборищах на улицах» (сходках и митингах).

После первой городской сходки и попыток созыва митинга собрание городских уполномоченных приняло 3 августа 1905 г. специальное постановление «О незаконных сборищах в городе населения»[7]. Полицейский пристав Пишпека составил протоколы об активном участии в первых городских митингах И. М. Глебова и других. Их тотчас же привлекли к суду за «нарушение порядка» (народ, «собираясь на сходки и обсуждая свои нужды толпою, нарушал правильное течение жизни...») и «сопротивление законным требованиям полиции». А уже 20 августа в 1-ом участке Пишпекского уезда слушалось их дело, привлекшее внимание общественности[8]. И. М. Глебов, хотя и был оправдан за отсут-

[6] История Киргизии, т. 1, с. 441.

[7] ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 2, л. 85.

[8] Уездно-городские власти обрушили град репрессий на представителей местной радикальной интеллигенции (учителей, фельдшеров) и оппозиционно настроенных по отношению к царизму служащих Семиреченской переселенческой партии, усиливших осенью 1905 г. агитационную деятельность среди недовольных крестьян переселенцев и городских низов. (См.: Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане.—М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 239—241).

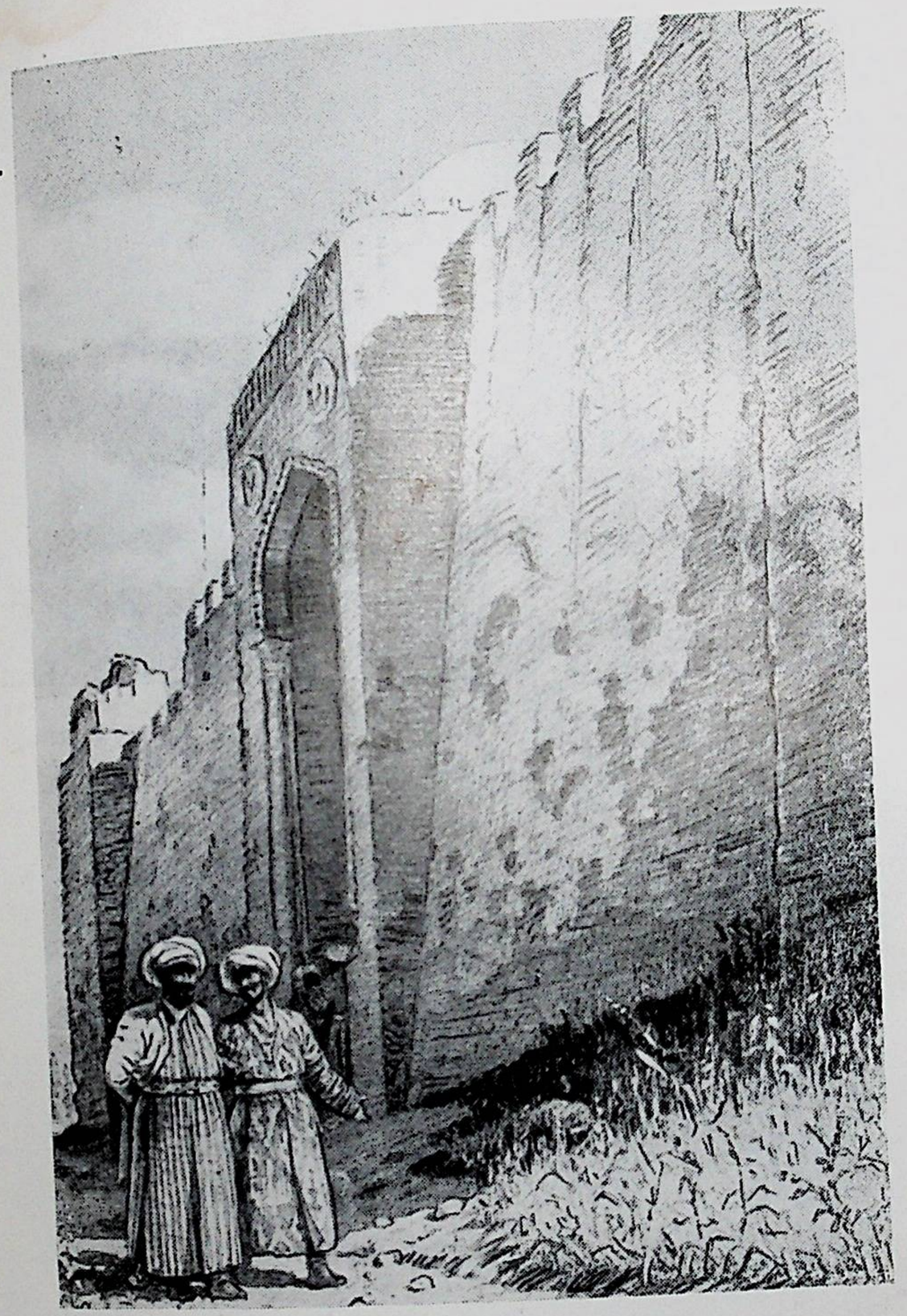
ствием прямых улик, остался на подозрении у властей считавших его «одним из главных агитаторов среди населения города Пишпека и прилегающих к нему селений, возбуждавшим недовольство жителей на аграрной почве». Пресекая возможности для дальнейшей деятельности агитаторов в Пишпеке и уезде, власти расправлялись с ними в административном порядке[9].

Новый высший подъем революционного движения в крае наблюдался осенью 1905 г. В ответ на расстрел царскими сатрапами в Ташкенте рабочей демонстрации (через два дня после обнародования царского Манифеста 17 октября о «даровании свобод» народу) по многим среднеазиатским городам и селениям прокатилась волна протестов, митингов и забастовок. Большой митинг состоялся 22 октября в Пишпеке (здесь о царских «свободах» узнали из частных телеграмм 21—22 октября). Помимо рабочих, ремесленников и демократически настроенной интеллигенции в нем приняло участие множество недавно прибывших в уезд и еще неустроенных крестьян-переселенцев. Среди намеченных для выступления на митинге вопросов были такие: «подати и налоги», «аграрный вопрос в России вообще и в Пишпекском уезде в частности», «разница между самодержавным и представительным правлением», и наконец, «роль революционных партий в освободительном движении». Характерно, что последняя тема была предложена одним из крестьян-самовольцев. Их классовое самосознание, как отмечалось в газете «Русский Туркестан», было значительно выше, чем у старожильческого крестьянства.

К осени 1905 г. в Туркестане повсеместно нарастало недовольство трудящихся. 8 ноября 1905 г. в Пишпеке вновь состоялся народный митинг, подготовленный социал-демократами Верного и Пишпека и сочувствовавшей им местной интеллигенцией. В час дня в просторный двор дома Степановой собрались многие пишпекцы «и

---

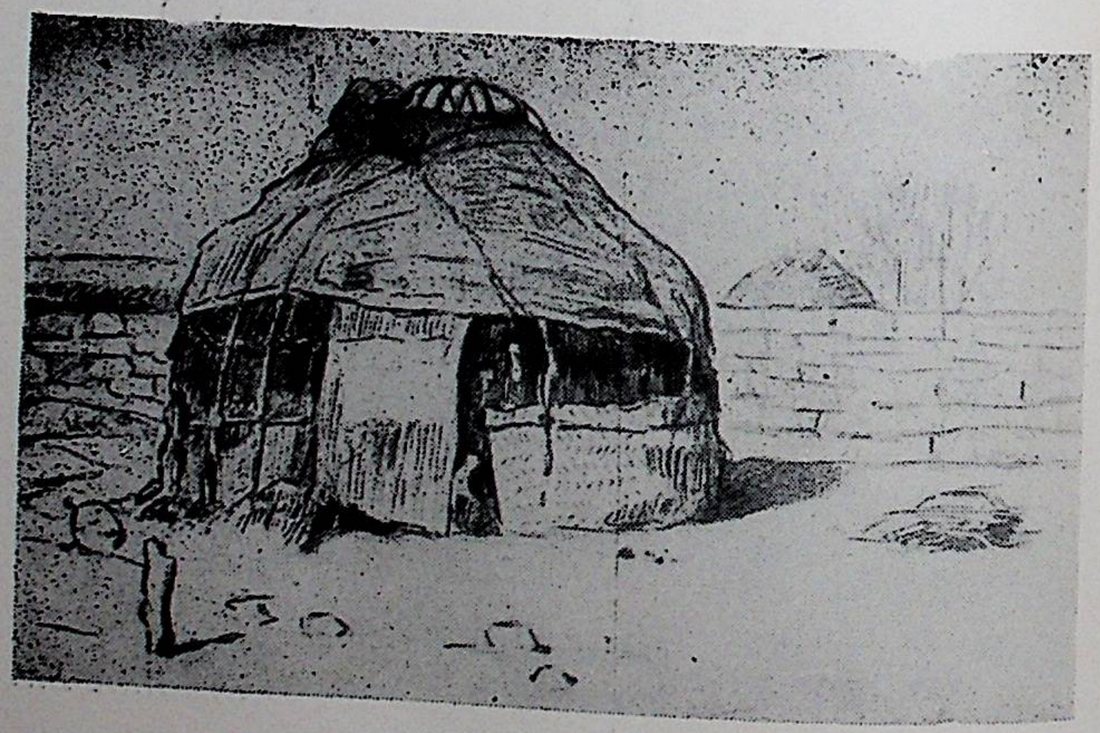
[9] В конце августа 1905 г. инспектор народных училищ Семиреченской области по настоянию губернатора уволил Глебова с работы «за деятельное участие в созыве, без разрешения надлежащей власти, на сходки проживающих в Пишпеке и ближайших к нему селениях мещан и крестьян для обсуждения их нужд». Ненадолго Глебову удалось устроиться в Переселенческом управлении в Верном, по власти и там не оставляли его «без внимания».



У стен кокандской крепости Пишпек

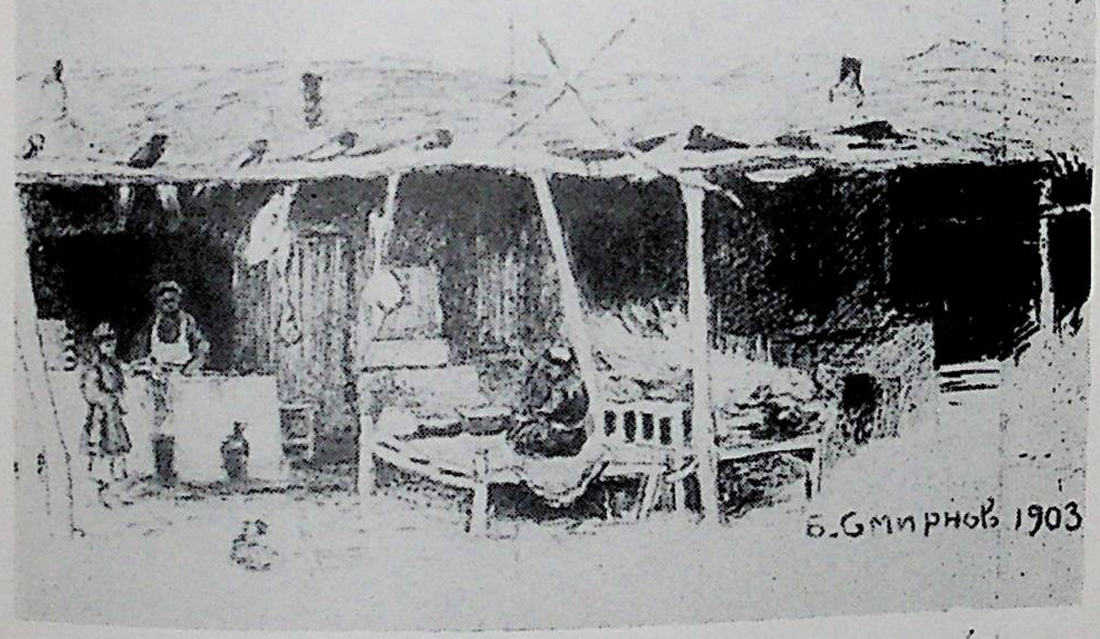
Худ. *И. А. Белевич*

Киргиз бедняк
из Пишпека (1903 г.)
Худ. *Б. В. Смирнов*

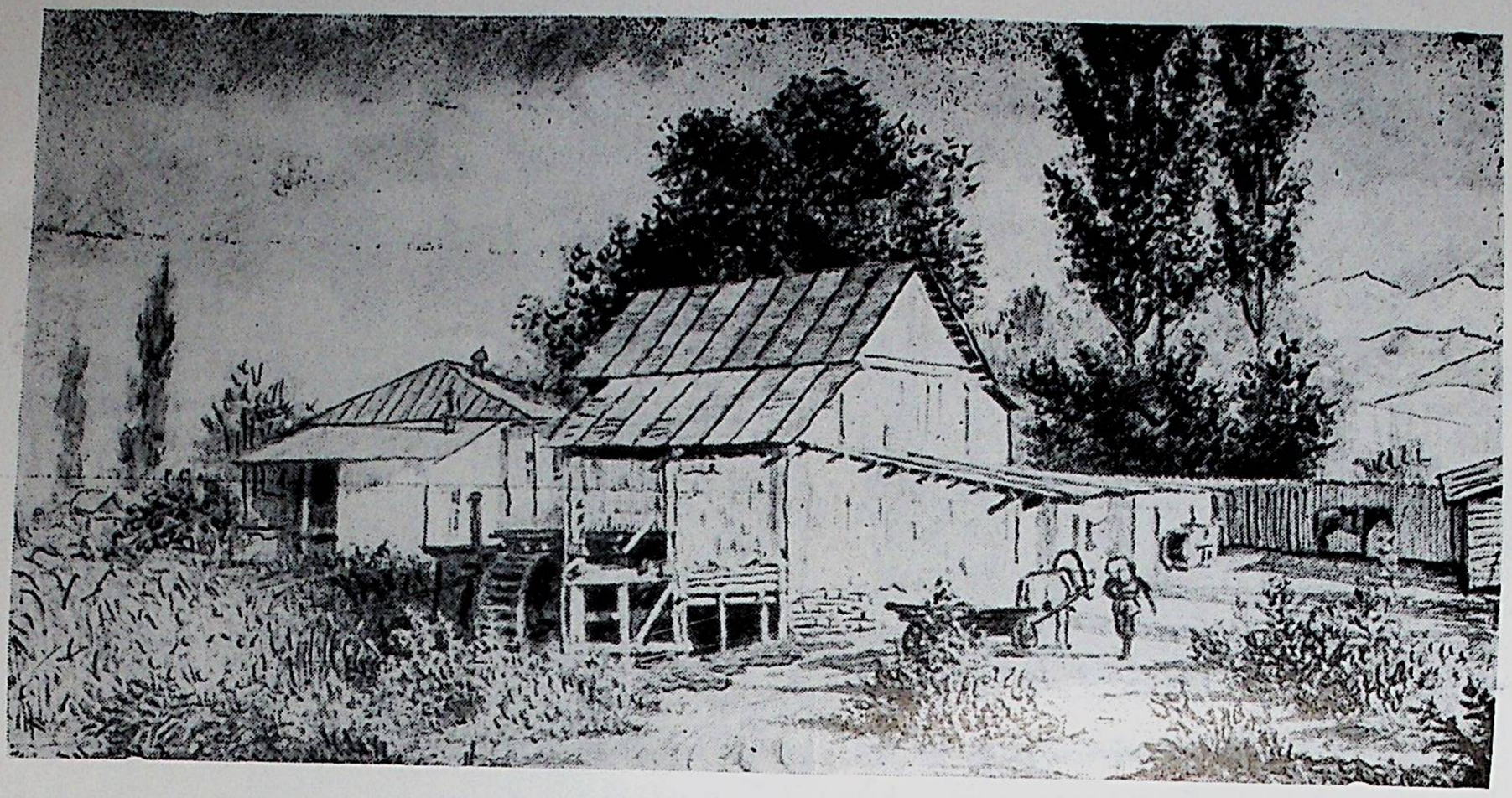


Киргизская юрта на окраине Пишпека (1903 г.)
Худ. *Б. В. Смирнов*

Киргизская кузница вблизи Пишпека (1903 г.).
Худ. *Б. В. Смирнов*

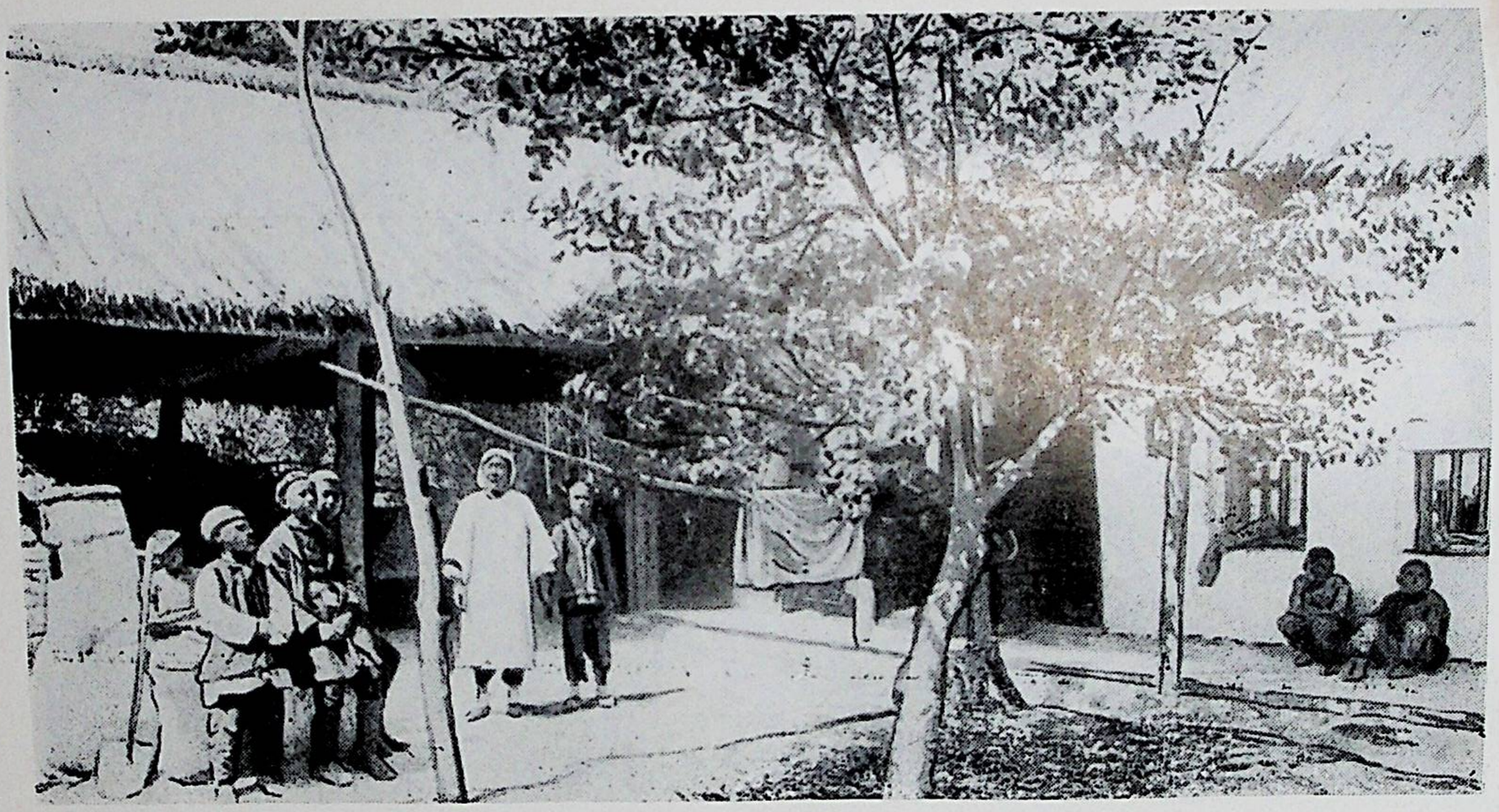


Чайхана на пишпекском базаре (1903 г.). Худ. *Б. В. Смирнов*



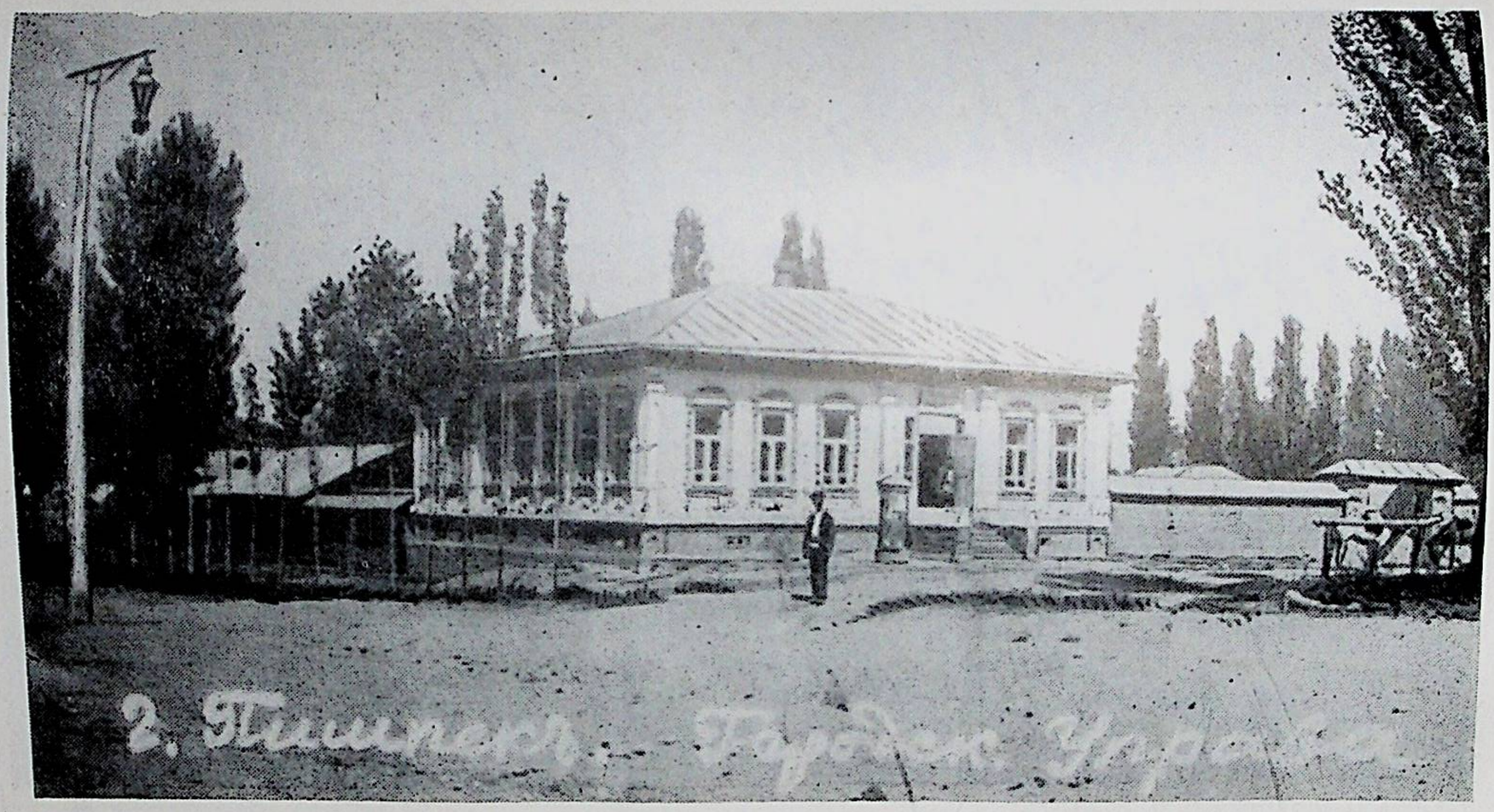
Старая мельница в Пишпеке

Худ. И. А. Белевич

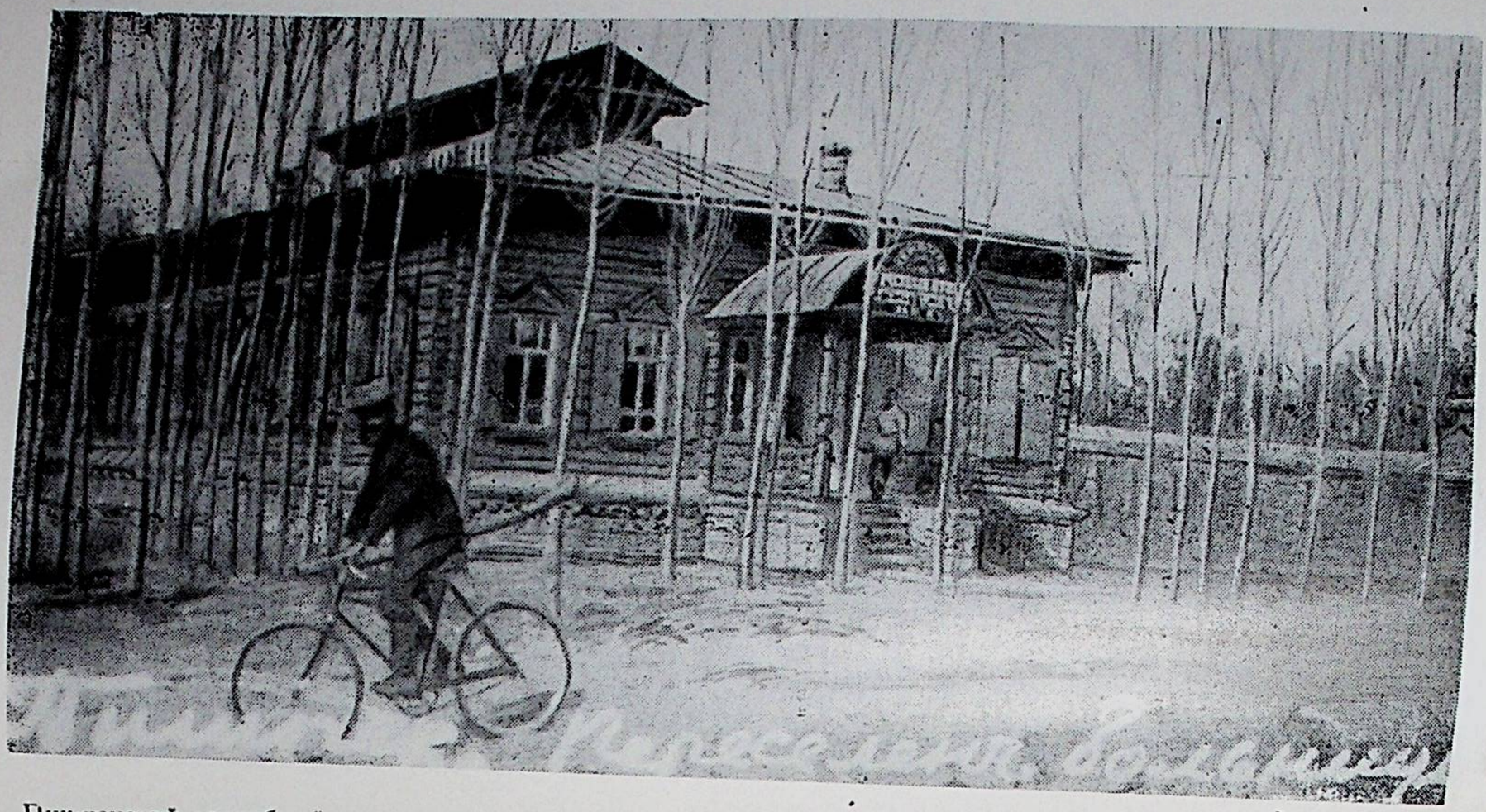


Двор в Дунганской слободе.

Торговые ряды.



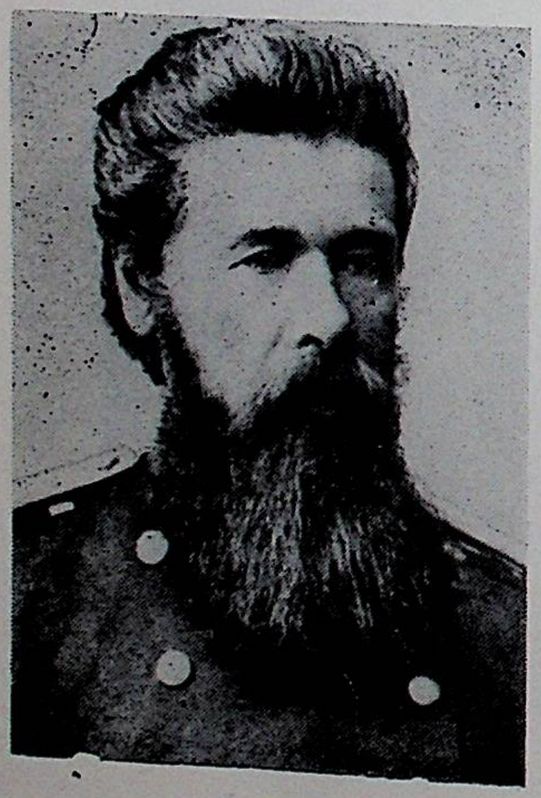
Здание Пишпекского городского управления.



Пишпекский врачебный пункт для переселенцев.

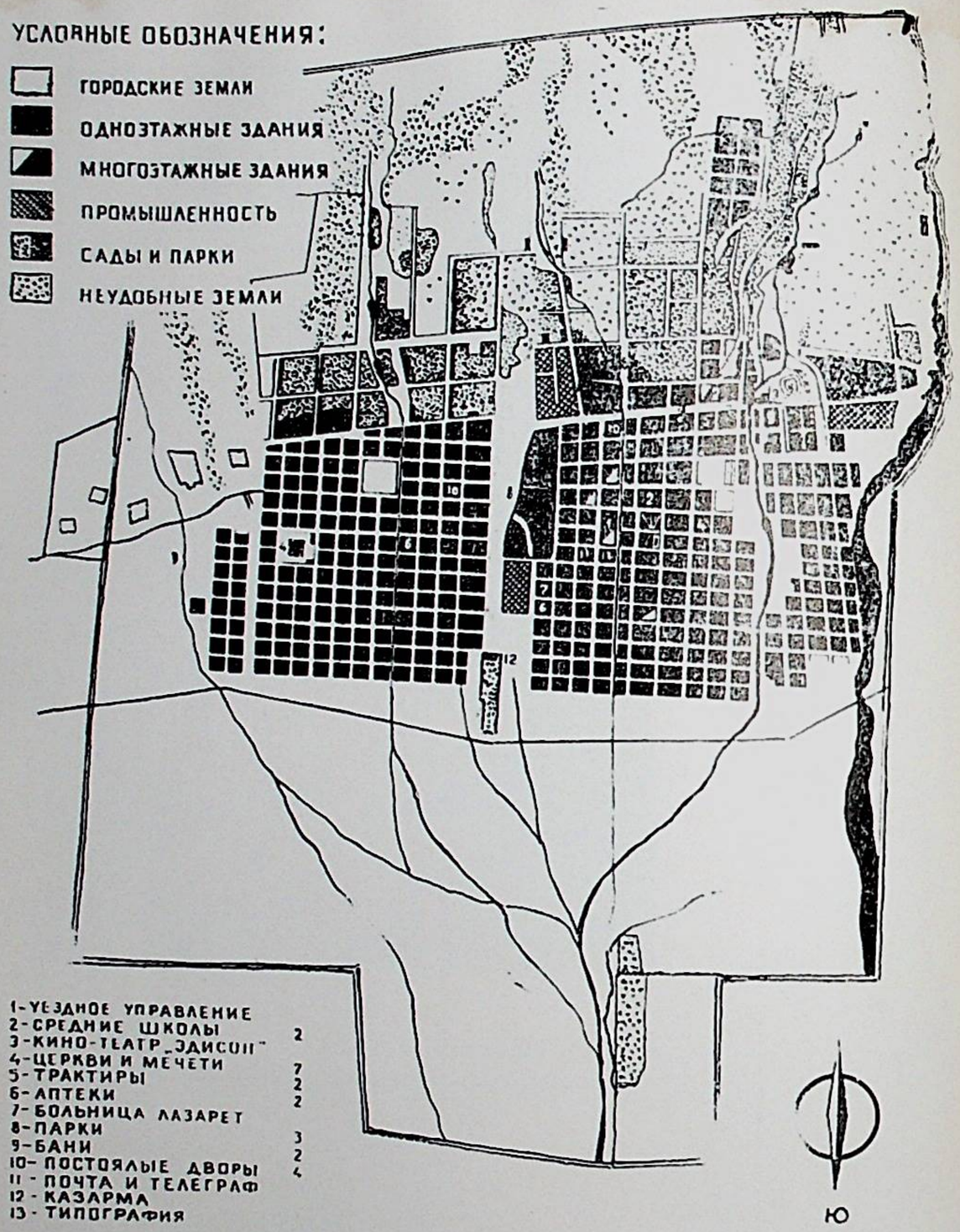
Дом семьи М. В. Фрунзе.

А. М. Фетисов — пишпекский садовод и краевед.



Врач Ф. В. Поярков — энтузиаст археологического и этнографического изучения Киргизии,

А. И. Иваницын — руководитель пишпекских большевиков.



План-схема г. Пишпека (1917 г.)

все те лица из простого народа, которые подозревались в беспорядках» в г. Пишпеке летом 1905 г.[10] На митинге присутствовало немало аламединских крестьян и переселенцев, временно осевших в городе и в Аламединской и Беловодской волостях. Всего было не менее 400 человек[11].

После чтения Манифеста 17 октября пишпекским ветврачом Е. М. Чоботовым по вопросу о народном представительстве и его организации выступил работник переселенческой партии Н. А. Овчинников. Критикуя Манифест и объявленный порядок выборов в Государственную думу, при котором в ней не смогут участвовать надежные защитники «интересов угнетенного простого народа», а попадут «только богатые и дворяне», только сравнительно небольшая часть крестьян, рабочих и «вообще бедного, стонущего от нужды народа», оратор подчеркнул преимущества всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Учитель городского училища Т. Н. Бородин горячо ратовал за необходимость предоставления всем гражданам России действительно гражданских свобод — свободы личности, созыва собраний и др. Он резко выступил против «несправедливости к личности крестьян и рабочего люда» со стороны дворян и офицеров. С точки зрения уездного начальника, его «вредная речь клонилась к антагонизму между высшим и низшим сословием». Н. П. Квитко — один из служащих переселенческой партии — остановился на истории политического устройства России, обличая антинародные действия царского правительства, особенно в памятную всем русско-японскую войну. Его речь произвела сильное впечатление на слушателей, а сам оратор имел целью, по словам того же уездного начальника, возбудить «простой народ против правительства и высшего сословия».

Учитель городского училища И. А. Поцелуев страстно доказывал необходимость введения за счет государства обязательного образования — от начального до университетского. При этом он особо подчеркнул неза-

---

[10] ЦГАОР СССР, ф. МЮ, оп. 44, д. 213/1906, л. 7.

[11] Раджабов З. Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905—1907 гг.).—Душанбе: Дониш, 1970, с. 16.

интересованность царизма в просвещении крестьян и городских низов и его заботу об образовании «высшего сословия и богачей».

На митинге говорилось также об обязанностях народных представителей в Думе и подчеркивалась необходимость земельной и податной реформ. Для составления от имени участников митинга петиции графу Витте— Председателю Совета Министров — с перечнем требований были избраны, по характеристике уездного начальника, «самые ненадежные элементы из пишпекских жителей»: Петр Миронов, Василий Трусков, крестьяне-самовольцы Алексей Кулик, Моргунов, Александрович и др.

В речах ораторов и в отправленной в Петербург петиции (напоминающей отчасти петицию митинговавших 6 августа, но в целом более радикальной) содержался ряд требований общероссийского значения[12], в чем можно усмотреть влияние семиреченской социал-демократии. Отдельные пункты петиции прямо касались Пишпека (требование о выводе из города казачьей сотни) или всего Семиречья (учреждение в области земства с расширенными правами), но в политическом отношении некоторые из них были расплывчаты. Примечательно требование митинговавших о коренном изменении Степного положения «как не отвечающего современным нуждам *как русского, так и киргизского местного населения* (выделено нами.—*В. Г.*)». Из насущных экономических проблем собравшихся на митинг неустроенных крестьян, естественно, более всего интересовали разрешение аграрного вопроса (поставить «в известность о количестве всех земель»), а также разбазаривание народных средств царской камарильей[13].

Основная масса крестьян-самовольцев в Пишпекском уезде, по словам автора газетной корреспонденции об

[12] Таковы, к примеру, требования: национализации частновладельческих земель с последующей передачей их трудовому крестьянству, не эксплуатирующему наемный труд; замены всех косвенных налогов одним — прогрессивно-подоходным; обязательного обучения за счет государства и определения в высшие учебные заведения талантливых учащихся по направлению местных обществ; равенства всех сословий; введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

[13] ЦГА Уз. ССР, И-1, оп. 31, д. 323, л. 48—53; Пишпек.— Русский Туркестан, 1905, № 257.

этом митинге, внимательно следя за революционными событиями в России, «всецело стоит на стороне освободительного движения»[14]. Этому в немалой степени содействовала революционная пропаганда семиреченских социал-демократов[15]. Характерно, что сразу после митинга 8 ноября бывшие на нем социал-демократы разъехались по селам Пишпекского уезда для разоблачения лживости царского манифеста перед крестьянами и дыйканами.

Чтобы опротестовать решения народного митинга, пишпекские заправилы провели 14 ноября экстренное заседание собрания городских уполномоченных под председательством городского старосты И. Д. Васильева с «участием нескольких сведущих интеллигентных лиц». По заявлению этих верноподданных, митинг 8 ноября был «несвоевременным, неуместным и даже вредным», а его петиция «противозаконная», так как составлена лицами, «не имеющими никакой оседлости в Пишпеке», при содействии командированных в уезд служащих областного Переселенческого управления, которые, якобы, не могут быть выразителями общественного мнения жителей города. Собрание городских уполномоченных постановило: послать копию своего контрпостановления графу Витте; заявить протест против содержащихся в петиции митинга требований, а особенно против вывода из города казаков; просить военного губернатора о срочном отзыве из Пишпекского уезда служащих Семиреченской переселенческой партии из-за проводимой ими пропаганды среди солдат, горожан[16] и крестьян; оста-

[14] Русский Туркестан, 1905. № 232.

[15] В разбросанных в Верном в ночь на 16 июня прокламациях «К верненцам» критиковалось самодержавие и содержался призыв «присоединиться к агитации пишпекских крестьян». По мнению военного губернатора Семиречья, этот факт свидетельствовал о том, что антиправительственная агитация велась в Пишпеке и Верном одним и тем же кругом лиц. (ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 279, л. 26).

[16] Осенью 1905 г. в Верном и Пишпеке распространялись листовки со стихотворением «9 января», клеймившим позором царских сатрапов, устроивших кровавую бойню в Петербурге, а также прокламация «Солдаты к солдатам». В одном из ее выпусков, в частности, писалось: «Слыхали ведь, как наш главнокомандующий бежал из Пишпека от безоружной толпы, пришедшей сказать ему, как начальнику края о своих нуждах. Мало того... он еще туда (в Пишпек.—*В. Г.*) послал казаков из Джаркента и охотничью команду из Верного...» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 223, л. 78 (12)—79(13), 84(23); Усенбаев К. Революционное движение в Киргизии..., с. 27, 30—31).

вить для безопасности и охраны спокойствия «отцов города» казачью сотню «впредь до того времени, когда в ней минует надобность»[17].

Не успели «отцы города» прийти в себя после митинга 8 ноября, как 16 ноября вслед за работниками Ташкентского и Верненского телеграфов[18] начали забастовку служащие Пишпекской почтово-телеграфной конторы, показав свою солидарность с участниками всероссийской почтово-телеграфной забастовки. «К великой армии борцов за свободу труда присоединились и наши работники почты и телеграфа», — писала, приветствуя их действия, газета «Русский Туркестан»[19].

Телеграфная связь с Пржевальском была прервана (к забастовке присоединились почтово-телеграфные служащие Токмака, Сазановки и Пржевальска)[20], а с Ташкентом и Верным все же поддерживалась (в последнем работал почтовый отдел); почтово-телеграфная контора в Пишпеке также не была закрыта[21]. Вскоре, однако, власти обрушили на активных забастовщиков град репрессий[22]. 24 ноября собрание городских уполномоченных приняло постановление об увеличении числа городовых полицейских[23]. Напуганная размахом революционного движения в Семиречье, краевая администрация объявила 23 декабря 1905 г. Пишпекский, Верненский и Джаркентский уезды на положении «усиленной охраны».

В 1906—1907 гг., в условиях начавшегося спада революции в стране и усиливавшихся повсеместно гонений «царских опричников», революционное движение среди трудящихся Пишпека уже не носило открытой политической формы, как в 1905 г. Зато более активными становятся выступления в Пишпекском и соседних уездах крестьян-перселенцев и киргизских дыйкан. Так, коман-

17 ЦГА Уз. ССР, ф. И-1, оп. 31, д. 323, л. 48—53.

18 Горячева А. А. Верный в 1854—1916 годах. В кн.: Алма-Ата—столица Казахской ССР.—Алма-Ата: Казгосиздат, 1960, с. 44.

19 ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 22, д. 17, л. 30.

20 Там же, оп. 8, д. 122, л. 22.

21 В забастовке Пишпекской почтово-телеграфной конторы участвовали служащие К. Денисов, Н. Покровский и Лукьянов (ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1809, д. 2, ч. 83, л. 33, 34; ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 8, д. 122, л. 54).

22 В Пишпекской конторе был переведен с V на VI разряд чиновник К. Денисов, а Лукьянову было предложено подать в отставку (ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 8, д. 122, л. 54).

23 ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 2, л. 20, 69.

дир казачьей сотни в Пишпеке получил 22 февраля 1906 г. телеграфное распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа (ТуркВО) выслать по первому требованию аулие-атинского уездного начальника взвод солдат для подавления аграрных «беспорядков» в с. Карабаевка[24], в 50 верстах к западу от Пишпека. Продолжались волнения и в уезде. «В Пишпекском уезде среди массы переселенцев идет глухое брожение, которое может вылиться в самые неожиданные формы»,—отмечала в марте 1906 г. газета «Русский Туркестан».

Неудачная попытка группового нападения горожан на почтово-телеграфную контору в Пишпеке в ночь на 3 апреля 1906 г.[25] получила широкий отклик в военно-административных сферах края. Военный губернатор Семиреченской области распорядился выставить по просьбе перепуганного начальника конторы ночной пост из солдат Пишпекского гарнизона, а командующий ТуркВО приказал по телеграфу губернатору «иметь надлежащую охрану всех банков, казначейств, почтово-телеграфных контор»[26].

В 1906 г. в Пишпекском уезде (как и в Верненском и в Джаркентском многие крестьяне-переселенцы из внутренних губерний России еще не были наделены землей, что, по мнению властей, представляло благоприятную почву для проникновения противоправительственных идей. Пишпекским уездным властям стало известно, что житель с. Беловодское Е. Романенко в мае 1906 г. читал прокламацию крестьянам о событиях 9 января 1905 г. и в последующем вел усиленную «крамольную пропаганду»[27]. Вообще, как отмечалось в официальной «Записке о проявлениях революционного характера в Туркестанском крае за период времени с ноября 1905 г. по ноябрь 1906 г.», антиправительственная агитация особенно активно велась в Пишпекском, Верненском и Джаркентском уездах. Здесь среди населения, солдат распространялось множество прокламаций, на-

24 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 3, д. 38, л. 7; д. 37, л. 134—135.

25 Усенбаев К. Революционное движение в Киргизии..., с. 41.

26 ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 38, л. 34.

27 Усенбаев К. Революционное движение в Киргизии..., с. 33.

нелегальные возможности для укрепления связи с массами»[33].

Верненско-пишпекскую администрацию особенно тревожила социал-демократическая пропаганда среди солдат и казаков, расквартированных в городе и в селениях уезда. На основании рапорта начальника Пишпекской местной команды и сообщения начальника штаба войск Семиреченской области верненскому уездному начальнику от 2 июня 1907 г. предавались суду за чтение и хранение прокламаций солдаты Пишпекского и Пржевальского гарнизонов[34]. Прокламации и нелегальная литература (13 экз.) были найдены в казармах Пишпека, где располагалась часть 1-го казачьего полка. Как видно из отчета «О положении преступной пропаганды в частях и управлениях войск Семиреченской области» за 1907 г., прикомандированный к штабу в Верном рядовой пишпекской местной команды Попов, получая революционную литературу от верненских социал-демократов, распространял ее среди солдат и населения. Делались попытки создания военно-революционных организаций в Пишпеке и Верном[35]. Разрозненность и разновременность крестьянско-дыйканских волнений и выступлений горожан, слабость местного пролетариата, пассивность войск и казаков, среди которых велась очень сильная контрреволюционная пропаганда, малочисленность, организационная неоформленность революционных социал-демократов, жестокость карательной политики царизма — все это привело к тому, что вспышки революционного движения в Пишпеке и уезде осенью 1907 г. подавлялись колониальными властями.

Революционные события в Пишпеке и уезде отмечались и в годы реакции (1907—1910 гг.). Действие изданного 21 августа 1906 г. туркестанским генерал-губер-

---

[33] Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)—М.: Госполитиздат, 1953, с. 12.

[34] Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов.—Алма-Ата: Казгосиздат, 1955, с. 298—299.

[35] История Киргизской ССР, т. 1.—Фрунзе: Кыргызстан, 1963, с. 631. В конце сентября 1907 г. из Ташкента в Верный проездом через Пишпек прибыл большевик П. И. Александров, развернувший на месте активную работу. См.: Тутлис В. П. Развитие социал-демократического движения в Семиречье. В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана.—Фрунзе: Илим, 1975, с. 35—36.

натором обязательного постановления о воспрещении «всяких сборищ..., а также всяких публичных проявлений демонстративного свойства» в 1907 г. было распространено и на города Пишпек и Джаркент, а также на Верненский, Пишпекский и Джаркентский уезды Семиреченской области[36]. Проявление аграрного движения в крае, в частности среди киргизско-казахского населения, привело к изданию 26 сентября 1907 г. царского указа о предоставлении военному губернатору Семиреченской области особых прав на основании «Положения об усиленной охране»[37].

Полиция выявила группу социал-демократов среди ветеринарных работников Пишпекского уезда, возглавляемую Хвоинским. В 1907 г. он сам и его товарищи — Александров, Туполев, Литвинов и Егоров—были арестованы и высланы из Пишпека[38], а Воскресенский временно прекратил политическую деятельность. В освободительную борьбу против царского самодержавия, которую вел пролетариат, постепенно втягивались новые слои из низов города и деревни.

В конце 1907 — начале 1908 гг. в Пишпеке организуется группа, а затем социал-демократический кружок из рабочих, существовавший более двух лет. Вожаком его был активный участник революционного движения в Средней Азии, слесарь, большевик Иван Степанович Свинухов[39]. Скрываясь от полицейских ищеек, в сентябре 1907 г. он перебрался в Пишпек и, имея подложный паспорт на имя Ивана Михайловича Константинова, устроился механиком в магазин компании «Зингер». Вскоре И. С. Свинухов восстановил прежние партийные связи со

---

[36] Обязательное постановление для жителей гг. Верного, Пишпека, Джаркента и уездов Верненского, Пишпекского и Джаркентского Семиреченской области...—Семиреченские областные ведомости, 1907, № 81, офиц. отдел.

[37] Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до победы Великой Октябрьской социалистической революции.—Изв. АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 2, 1961, с. 36.

[38] Чебыкин И. Т. Утро Советов. За власть Советов (Сб. воспоминаний).—Фрунзе: Кыргызстан, 1966, с. 51; История Киргизской ССР, т. 1, с. 642—643.

[39] В брошюре И. П. Мужикова «Влияние первой русской революции 1905—1907 годов на развитие революционного движения в Киргизии» (Фрунзе, 1955) он ошибочно назван Свинковым (с. 21).

своим товарищем по борьбе, старым революционером, кузнецом Иваном Егоровичем Панфиловым, прибывшим в Пишпек в конце года. Квартира И. С. Свинухова стала местом нелегальных встреч и бесед членов партийного кружка рабочих и ремесленников.

Несмотря на все усилия царских властей оградить семиреченских казаков и солдат пишпекского и других гарнизонов в крае от революционной «крамолы», дух свободы проникал и к ним. 25 декабря 1908 г. в казармах 5-й сотни 2-го Сибирского казачьего полка в Пишпеке был задержан за революционную пропаганду кузнец Алексей Владимирович Путьковский[40]. Он убеждал казаков, что «для России не нужен царь, а нужен избранный народом и с народом советующийся президент», а для этого следует «учинить бунт»; казакам же, чтобы добиться трехлетнего срока службы, «необходимо забастовать». При этом А. В. Путьковский публично ругал царя.

О тревоге семиреченских властей в связи с возраставшим проникновением революционных идей в область свидетельствуют, в частности, строки из письма семиреченского губернатора от 14 мая 1909 г. туркестанскому генерал-губернатору, в котором отмечалось, что «Семиречье находилось под влиянием революционных идей, идущих из Ташкента и Кавказа, а г. Верный играет роль центра среди нелегальных течений». Ходатайствуя об учреждении в Семиреченской области жандармского надзора, губернатор мотивировал это необходимостью «постоянного и широкого надзора как за жизнью самих местных организаций, так и за сношениями их с революционными органами, находящимися вне области»[41].

В марте 1910 г. в Пишпеке А. В. Путьковский был судим и приговорен к годичному заключению в крепости. А вскоре полиции удалось напасть на след И. С. Свинухова и арестовать его[42]; в конце мая 1910 г. он был отправлен под охраной в Казалинск[43].

В годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.), сменившего период черносотенной реакции, вслед за рабочими Туркестанского края поднималось на борьбу переселенческое крестьянство и киргизское дыйканство. Со второй половины 1910 г. усилилось движение за оседание и против бай-манапской кабалы киргизской бедноты, в частности, близлежащих к Пишпеку волостей — Аламединской, Толкановской, Сокулукской и Узунгирской[44]. С ростом классовой борьбы в крае оживилась и деятельность социал-демократических кружков в городах, в том числе в Пишпеке. Этому способствовал и приезд в город опытных революционеров.

В конце 1910 г. в Пишпек возвращается из казалинской тюрьмы И. С. Свинухов. На его квартире стали собираться социал-демократы, рабочие и ремесленники, обслуживавшие магазин компании «Зингер». Позднее, в 1911 г., в Пишпек приехал Тимофей Семенович Гудков, ранее активный участник железнодорожной организации РСДРП большевистского направления в Чарджуе. Тогда же из Ташкента в Пишпек, а затем в Пржевальск приезжает социал-демократ Шавдия, чтобы наладить связь с местными социал-демократами[45].

С января 1911 г. возобновил свою деятельность кружок демократически настроенной пишпекской интеллигенции, группировавшейся вокруг супругов, врачей Воскресенских. Возник также социал-демократический кружок, возглавляемый А. В. Руцких — бухгалтером фирмы Пугасова. Политическая направленность этих

---

[40] ЦГА Каз. ССР, ф. И-77, оп. 1, д. 38, л. 101. Некоторые авторы называют его потомственным дворянином, что, однако, не подтверждается архивными документами.

[41] Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до победы Великой Октябрьской революции. — Изв. АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 2, 1961, с. 38.

[42] Семенков В. Н. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов.—Фрунзе, 1962, с. 31.

[43] Как видно из архивных документов, И. С. Свинухов был судим 24 сентября 1910 г. в Казалинске на закрытом заседании выездной сессии Ташкентского окружного суда, приговорившего его к семимесячному заключению в крепости (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 780, л. 26; ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1911 г., д. 9, ч. 84, «л»Б, л. 62).

[44] Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии.—Изв. АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 2, 1961, с. 39.

[45] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 11, д. 9, ч. 84, «л» Б. О его пребывании в Пржевальске см. также: История Киргизии, т. 1, с. 460.

кружков, куда входили самые разные люди, в том числе придерживавшиеся меньшевистско-эсеровских взглядов, не была четкой и ясной.

Социал-демократы Пишпека сочетали в этот период легальные и нелегальные формы деятельности. Члены кружка городской интеллигенции использовали открывшееся в городе общественное собрание как один из опорных пунктов своей агитационной работы. По агентурным донесениям, собиравшаяся там публика пела революционные песни, чему никто не препятствовал, а портреты царя и царицы в ночь на 28 декабря 1911 г. были повреждены «неизвестными»[46], что по законам того времени, считалось серьезным политическим преступлением. Вскоре же, 15 января 1912 г., во время очередных выборов председателя («хозяина») общественного собрания в его помещении были разбросаны революционные прокламации[47]. В декабре того же года, в дни рождественских праздников, пишпекские социал-демократы организовали ряд культурно-просветительных мероприятий (5 благотворительных спектаклей и танцевальных вечеров), сборы с которых, по дошедшим до охранки сведениям, поступили в партийную кассу[48].

Члены кружка И. С. Свинухова также имели свои «опорные пункты» как в городе, так и на периферии, чтобы охватить своим влиянием рабочих, ремесленников и крестьян. Для нелегальных встреч и пропаганды в Пишпеке служила небольшая лавка, содержавшаяся социал-демократом А. А. Бельковым. Владелец лавки и его единомышленники из социал-демократического кружка Петр Фалеев (Фалалеев), Никифор Погорелов, Егор Зарешнов и Драговозов вели активную агитационную деятельность среди покупателей из простого народа. По сообщениям жандармских филеров, Бельков и Драговозов внушали как-то своим собеседникам, что в будущем, при существующем государственном строе и земельных порядках в Семиречье, им не следует ждать улучшения своего положения[49] и ссылались при этом на многочисленные факты коррупции среди чиновников Переселенческого управления[50] и взяточничества киргизских манапов, сдававших в аренду общинные земли. В другой раз Бельков и Фалеев доказывали своим слушателям, что нужна упорная борьба с правительством, чтобы добиться прав для простого народа.

Когда однажды два крестьянина-новосела из с. Молдавановки, зайдя в лавку Белькова, пожаловались на тяжелую жизнь и неустроенный быт самовольных переселенцев, Н. Погорелов и Е. Зарешнов стали убеждать их, что «нужно нарушить присягу и восстать против правительства и что других мер добиться справедливости нет». При этом Е. Зарешнов рассказывал о том, какие будут порядки «по программе социалистов». Агентура доносила, что и П. Фалеев «проповедует крестьянам социалистические идеи»[51].

Социал-демократы занимались и распространением политической литературы. Как явствует из показаний содержателя харчевни в с. Беловодское, какие-то пришлые люди часто появляются у него, читают односельчанам запрещенные книги, ругают царя, уверяя, что скоро самодержавию настанет конец, тогда будет создана новая, народная власть[52].

К середине 1913 г. численность социал-демократов в Пишпеке составляла уже около 30 человек, преимущественно из числа рабочих и ремесленников-строителей. Активно проявляли себя каменщики Т. С. Гудков и М. А. Трунов, чернорабочий В. Ф. Коротков, высланный в июне из Ташкента кровельщик Г. С. Страпенский[53] и другие, агитировавшие против царских порядков низы города и крестьянскую бедноту, приезжавшую в Пишпек.

---

[46] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1912 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 10.
[47] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1912 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 10; История Киргизской ССР, т. 1, с. 649.
[48] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1912 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 28; История Киргизской ССР, т. 1, с. 649.
[49] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1913 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 80.

[50] Для разоблачения антинародной политики царизма в земельном и переселенческом вопросах социал-демократы использовали и толки в народе о приезде в августе 1913 г. Глинки — одного из крупных царских чиновников, ревизовавшего переселенческое дело в Семиреченской области.
[51] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1913 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 57, 80, 113 и др.
[52] Мужиков И. П. Влияние первой русской революции 1905—1907 годов на развитие революционного движения в Киргизии. — Фрунзе, 1955, с. 21.
[53] Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. — Изв. АН Киргиз. ССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 2, 1961, с. 41.

Одной из форм деятельности пишпекских социал-демократов являлись конспиративные сходки. Собираясь нелегально по 5—6 человек у кого-нибудь на квартире, они обсуждали кандидатуры вновь принимаемых членов кружка, внутриполитические события, способы получения запрещенной литературы, налаживания связей с другими партийными комитетами и центром, свои планы и образ действия в грядущей революции.

В частности, в одном из агентурных донесений сообщалось, что на сходке 29 июня А. А. Бельков «восставал» против правительства, которое поддерживает только богатых, а бедных притесняет. В. С. Черногоренко при этом выражал надежду, что в случае возникновения войны она превратится в гражданскую и тогда народ «возьмет свое», покончив с царем. Один из участников сходки также «настаивал на необходимости изменения образа правления и уничтожения богачей, помещиков и чиновников». Коротков добавил к этому перечню ненавистных народу эксплуататоров «попов-мракобесов» и «полицейских держиморд»[54].

Т. С. Гудков, М. А. Трунов, Г. С. Странпенский и В. С. Черногоренко считали также, что при ликвидации военно-колониального аппарата в крае нужно прежде всего «убрать» пишпекского пристава Грибановского и уездного начальника. При этом они заявляли, что «ошибки 1905—1906 гг. повторено не будет», а подготовка к предстоящей схватке с царскими властями начнется с привлечения на сторону восставшего народа солдатских масс[55]. Эти идеи они пропагандировали среди городских рабочих и ремесленников, а также заезжего крестьянского люда, особенно среди тех, кто победнее.

Активизации деятельности пишпекских социал-демократов способствовало усиление связей с социал-демократическими группами в Верном и Ташкенте[56], а также контакты с центральными организациями РСДРП—Московской и Петербургской. В материалах Туркестанской охранки, хранящихся в ЦГА Узбекской ССР, встречаются сведения о роли В. И. Ленина по руководству деятельностью партии в годы нового революционного подъема в России, о связях между заграничным бюро

[54] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1913 г., ч. 84, л. «Б», л. 44.
[55] Там же, л. 134.
[56] История Киргизской ССР, т. 1, с. 650.

ЦК РСДРП и социал-демократическими группами большевистского направления в Ташкенте и других городах Туркестанского края, о нитях, связывавших Пишпекскую группу РСДРП через Петра Васильевича Фалеева с социал-демократами из центра России[57].

12 декабря 1913 г. на конспиративной сходке пишпекских социал-демократов обсуждалась возможность скорого приезда крупного партийного работника из Петербурга или Варшавы[58] (вероятно, представителя ЦК партии) для упрочения связей центрального руководства с местными партийными группами и организациями. Партийные установки ЦК, возрожденного на VI Пражской конференции, и вновь созданного центрального органа—газеты «Правда» — социал-демократы большевистского направления через ближайшие комитеты и центральные организации РСДРП проводили на местах, среди трудящихся города[59] и уезда. Поступавшая из Верного[60] и Ташкента[61] литература через Пишпек переправлялась в Пржевальск, Нарын, на станцию Самсы, в Лепсинск и другие места Семиречья. Благодаря этому круг воздействия социал-демократов Пишпека на трудящихся выходил за пределы уезда.

Таким образом, суммируя положительные стороны в работе социал-демократов Пишпека, можно отметить,

[57] Сапелкин А. А. В адрес Туркестана.—Советская Киргизия, 1970, 20 июня.
[58] ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1913 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 134. Известно, что в г. Верный прибыл высланный из Петербурга П. М. Виноградов, под его руководством здесь в 1913 г. возникла подпольная большевистская группа. (Бурмистрова Т. Ю. Национальный вопрос и рабочее движение в России. — М.: Мысль, 1969, с. 144).
[59] Имеются сведения о распространении марксистских идей и нелегальной литературы среди рабочих и служащих фирмы Пугасова и пивоваренного завода Иванова в Пишпеке (ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1912 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 36, 48 и др.).
[60] С членами верненской организации РСДРП поддерживали переписку Бельков и Драговозов. Последний в письмах к М. Н. Филипповой, содействовавшей распространению нелегальной литературы в Пишпекском уезде, хлопотал о получении социал-демократических изданий «для распространения среди крестьян» (ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1913 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 80).
[61] О получении запрещенной литературы из Ташкента и отправке ее в Нарын сообщается, например, в сводках агентских сведений Верненского розыскного пункта (ЦГАОР СССР, ф. ДП-ОО, оп. 1912 г., д. 5, ч. 84, «л» Б, л. 36).

что они способствовали развитию революционных настроений среди горожан и крестьянской бедноты уезда, пропагандировали марксистско-ленинские идеи среди трудящихся, участвовали в организации митингов и выступлений против самодержавно-колониальных порядков. В их среде выкристаллизовалась группа большевистского направления (кружок Свинухова). Но в деятельности социал-демократов Пишпека имелось немало слабых сторон, присущих в значительной степени социал-демократическому движению Киргизии в целом. Они вытекали из малочисленности и распыленности промышленных рабочих, их недостаточной политической сознательности и организованности, обусловленной влиянием мелкобуржуазной среды. Революционная конспирация также не была на должной высоте, в результате чего полиции были известны как имена социал-демократов, так и их действия. Сказывались, несомненно, и отсутствие опытных руководителей и оторванность Пишпека от крупных промышленных центров Средней Азии и Казахстана.

Социал-демократы надеялись, что в будущем, с открытием Семиреченской железной дороги, которая должна была пройти через Пишпек, улучшатся их связи с Ташкентом и Петербургом, а их ряды пополнятся профессиональными революционерами. Как известно, этим надеждам не суждено было сбыться.

После вступления России в империалистическую войну царизм провел ряд мобилизаций мужского населения, а полиция обрушила повсеместно новые репрессии против большевиков. Временно оборвались и начавшие налаживаться связи между революционными социал-демократами Пишпека, в котором некоторое время еще оставались Т. С. Гудков, М. Т. Лезин и Н. Погорелов.

В то время как шовинистически настроенная верхушка пишпекского общества радостно встретила известие о вступлении царской России в войну против кайзеровской Германии, горожане и сельские жители уезда выразили недовольство тяготами военного времени, ярко проявившееся в активном выступлении запасных солдат в Пишпеке после объявления мобилизации. Их волнения продолжались 21 и 22 июля и лишь 23 июля, после ареста зачинщиков, местным властям удалось отправить первую партию запасных. Прибывшие в Пишпек жандармский ротмистр Соколов и генерал-майор Омельянович, командированный для расследования из Верного военным губернатором Семиреченской области, еще долго «наводили порядок» в городе, производя аресты и обыски в поисках «нелегальной литературы и переписки с неблагонадежными лицами»[62].

Антивоенное выступление в Пишпеке имело широкие отклики среди общественности города и уезда. Достаточно сказать, что 1 августа 1914 года за сопротивление распоряжениям властей было арестовано 20 человек на срок от двух недель до трех месяцев, среди них 5 жителей Пишпека, «подстрекавших» солдат требовать пособия, и крестьяне из сел Лебединское, Бекетаевка и Ново-Покровское. В октябре—ноябре 1914 г. временный военный суд в г. Верном рассматривал дело 16 участников волнения запасных в Пишпеке. 4 ноября постановлением этого суда А. Луцаев, С. Емцов и С. Крюков были осуждены на пожизненную каторгу, а В. Булгаков и другие направлены в дисциплинарные части.

Этот же суд (как всегда скорый и неправый) в тот же день рассмотрел «дело» П. С. Ордынского и других об антивоенном выступлении солдат в частях, расположенных в г. Верном[63]. 20 июля 1914 г. во время отправки на военную службу около 100 мобилизованных подняли бунт, требуя, в частности, выдачи пособия их голодным семьям. В числе зачинщиков был привлечен к ответственности и Федот Алексеевич Щетинин—рядовой пишпекской местной команды. Суд приговорил Щетинина и его двух товарищей (П. С. Ордынского и А. Пелымского) к бессрочной ссылке на каторжные работы, третьего (М. Ф. Арефьева) к отправке в дисциплинарные части на три года.

Антивоенное выступление в Пишпеке было наиболее крупным, но не единственным в крае. Так, в августе 1914 г. в пишпекскую тюрьму были посажены на две недели крестьяне с. Беловодское Пишпекского уезда С. С. Гайворонский и Х. Г. Тюрин за «пораженческие настроения», а крестьянин Ф. Акименко — за то, что выступил против направления добровольцев на фронт,

---

62 ЦГА Уз. ССР, ф. И-467, оп. 1, д. 73, л. 5 и др.

63 ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 142. Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане.—Алма-Ата: Наука, 1966, с. 149—151.

советуя им «присоединиться к забастовщикам в России». Беловодский пристав А. Подварков усмотрел в этом селе даже «сообщество для ниспровержения существующего строя»[64]. Антивоенные и революционные выступления, нараставшие по мере усиления тягот военного времени и хозяйственной разрухи, местами подавлялись властями на основе Положения о военной охране в Туркестане, продленного Министерством внутренних дел..

Особенно обеспокоены были власти проявлением недовольства рабочими в Пишпеке и его окрестностях — на строительстве Меркенско-Пишпекского участка Семиреченской железной дороги[65] и стройках ЧУПРа. В конце августа 1915 г. забастовали рабочие на изыскательных работах по водохранилищу в Чирикчинской волости, недовольные тяжелыми условиями и малой оплатой труда. Не найдя рабочих в городе, администрация просила штаб ТуркВО прислать 15—25 военнопленных из Пишпека[66].

Приезд на работу в ЧУПР опытного революционера-большевика Алексея Илларионовича Иваницына в октябре 1916 г. и переход туда же старого большевика Т. С. Гудкова способствовали проникновению революционных идей в компактную среду рабочих на стройке.

Революционные настроения проявлялись также среди части учительства и учащейся молодежи. Так, в 1916 г. в кружке взаимной помощи учеников Пишпекской сельхозшколы читалась антивоенная листовка[67]. Восстание 1916 г., несмотря на поражение, сильно расшатало колониальные устои царизма, активно содействовало назреванию революционного кризиса на местах.

---

[64] ЦГА Уз. ССР, ф. И-467, оп. 1, д. 73, л. 169—200. Накануне и в первые годы империалистической войны революционную работу продолжали вести в крае члены РСДРП, многие из которых однако попали в поле зрения туркестанской охранки. Ее агенты напали также на след А. А. Строгальщикова, жившего в Пишпеке в 1914—1916 гг., но ему удалось все же скрыться. Подробнее см. Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале века.—Фрунзе: Илим, 1977, с. 242—143.

[65] Под особый надзор полиции были взяты в 1915 г. на строительстве Семиреченской железной дороги рабочие С. Ф. Корнилов (он же А. А. Кириенко), А. А. Смирнов за предосудительные беседы о существующих в стране порядках и привлечены к судебной ответственности за неуважение и площадную брань в адрес царя рабочие П. П. Липша и И. Н. Кузьмин (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 910, л. 12—21). Недреманное око полиции неусыпно следило за малейшей «крамолой» среди чупровских рабочих, также подвергавшихся обыскам.

[66] ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 906, л. 1—4.

3. Ликвидация власти царизма в городе и уезде

27 февраля 1917 г. в Петрограде победила вторая буржуазно-демократическая революция. Революционная волна, сметая старорежимные порядки, быстро распространялась по всей стране, включая города и села Туркестанского края и Киргизии. Радостные вести о конце царизма и революционных переменах в Ташкенте и в крае скоро доходили до трудящихся Пишпека и селений уезда, вопреки желаниям колониальных властей. Раньше всего новости становились известны в почтово-телеграфной конторе, оттуда они передавались командованию пишпекского гарнизона[68], уездным и городским властям. Так, уже в 8 часов вечера 3 марта 1917 г. телеграф донес и до Пишпека официальное сообщение о свержении самодержавия в Петрограде — копию телеграммы председателя Временного комитета IV Государственной думы М. Родзянко, извещавшую об аресте царских министров и формировании Временного правительства. И хотя ошеломленные, выжидающие развития дальнейших событий, пишпекские власти попытались скрыть это знаменательное известие еще несколько дней, им было не под силу ни заглушить бурный поток сообщений о развале царского строя в центре страны, ни тем более остановить революционный процесс ликвидации его устоев на местах — в городе и уезде.

---

[67] Зорин А. Н. Так создавался комсомол Семиречья. В кн.: За власть Советов. (Сб. воспоминаний).—Фрунзе: Кыргызстан, 1966, с. 124—125. Кружок существовал с 1914 г., его члены проявляли интерес к марксистской литературе, в частности к «Коммунистическому Манифесту» и «Капиталу» К. Маркса. (Там же).

[68] Вслед за телеграфным сообщением об отречении Николая II от престола, переданным из Петрограда 3 марта 1917 г. начальнику гарнизона, 4 марта был передан текст царского манифеста, 5-го — манифест великого князя Михаила с призывом подчиняться Временному правительству, а 7 марта — телеграмма Куропаткина о снятии в казармах портретов царя в связи с протестами трудящихся. (ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 42, л. 75—76, 95—96, 113—114).

Горожане и рабочие ЧУПРа узнавали о всех подробностях Февральской революции в Петрограде из частных источников. На базаре собирались толпы народа, обсуждая положение в России и свое собственное[69]. Особенно остро реагировали на крах ненавистного народу режима Николая II рабочие ЧУПРа. В конторе Чуйского управления инженер В. А. Васильев уже 4 марта зачитал служащим телеграмму об отказе царя от престола, характеризуя его как «великое самоотвержение», и призывал не прекращать работы и соблюдать порядок на стройке.

К 7 марта, по примеру городов края, в Пишпеке образовался Союз (Совет) солдатских и офицерских депутатов. Пишпекские власти, боясь инициативы солдатской массы, предложили мобилизованному в армию рядовым инженеру В. А. Васильеву, руководившему строительством ЧУПРа, и капитану А. О. Сакевичу принять участие в организации Совета солдатских депутатов, в который вместе с солдатами вошел и поручик Занемойский — один из карателей восстания 1916 г. в Киргизии[70].

Уездно-городская верхушка, желая предупредить бурное проявление революционных стремлений народа или приспособить их на пользу имущих слоев, пыталась узаконить новый режим созданием Временного исполнительного комитета (Исполкома), который должен был стать новым органом власти в Пишпеке и уезде. Он создавался за спиною народа, в противовес самочинно возникавшим Советам. 7 марта собрание уполномоченных г. Пишпека под председательством городского старосты И. Д. Васильева в ответ на телеграмму Родзянко (воспринятую гласными «с чувством полного удовлетворения») постановило послать ответную приветственную телеграмму новому председателю правительства и... туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину — палачу восстания народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г. Взамен стремительно терявших свою силу и авторитет старых органов власти было решено создать Исполком из 10 человек. В число его членов собрание уполномоченных наметило из своей среды 5 человек (среди них городской староста, дунганский богач Л. Матанью) во главе с воинским начальником подполковником В. И. Писаржевским, а остальные пять мест градоправители предполагали отдать деятелям буржуазных организаций: Общества взаимного кредита, Кредитного товарищества, Чуйского потребительского общества, а также представителю образовавшегося накануне Союза, к 15.III — Совета солдатских депутатов[71], с которым приходилось уже считаться.

Для объявления сообщения «о происшедшем перевороте в управлении страною» и дополнительного избрания пяти членов Исполкома (помимо пятерки, выделенной собранием городских уполномоченных) на 9 марта в кинотеатре «Эдиссон» в Дубовом парке созывалось общее собрание городских уполномоченных с участием «общественности»: дворянско-купеческой верхушки, офицеров, духовенства, эсеров и меньшевиков из инженерно-технического состава ЧУПРа. Последние проявили особую активность в дележе мест будущего Исполкома, выставляя себя «борцами за свободу» трудящихся (кстати, вовсе не приглашенных на собрание).

Это встревожило городского старосту. 9 марта он направил вновь назначенному губернатору Семиреченской области телеграмму с жалобой на «частный кружок пришлых в городе лиц, преимущественно чинов Васильевской партии, не имевших никакого отношения к управлению уездом»[72]. Староста был обеспокоен также отсутствием сведений об отношении городских властей к распоряжениям Временного правительства, особо интересовала его замена в городах полиции милицией. Последний запрос отнюдь не случаен. Боясь народного возмущения, все городовые в начале марта подали прошение об отставке. Полицейских передали воинскому началь-

---

69 Иваницын А. И. Октябрь в Пишпеке. За власть Советов (Сб. воспоминаний). — Фрунзе: Кыргызстан, 1966, с. 8.

70 Подробнее об образовании первого Совета в Пишпеке см.: Зима А. Г. Советы в Киргизии в 1917 году.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1962, с. 29, 42 и др.

71 Победа Октябрьской революции в Киргизии. 1917—1918 гг. Сборник документов.—Фрунзе: Илим, 1977, с. 30.

72 Рукописные материалы фонда редких книг и рукописей Государственной республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина, (г. Алма-Ата), инв. № 43.

нику для отправки на фронт, а солдат стали набирать на их места[73].

Горожане и рабочие ЧУПРа были взбудоражены появившимся в Пишпеке объявлением: «Граждане, марта 10 дня сего года на церковной площади состоится митинг по вопросам о событиях в России и избрании Временного общественного комитета»[74]. 10 марта во время народных торжеств по случаю обнародования сообщения о низложении царя, после непременного еще молебна и манифестации, уездно-городская верхушка и руководство ЧУПРа намеревались сообща провести своих ставленников в Исполком. Мнения же горожан, стихийно собиравшихся толпами, разделились. Радикально настроенные из них предполагали тотчас же отстранить от общественной деятельности и власти всех «старорежимников», другие — умеренные — призывали к сохранению общественного порядка и спокойствия.

10 марта четырехтысячное народное гулянье на соборной площади города превратилось, помимо воли его организаторов, в массовый общеполитический митинг, первый из многих больших и малых митингов в бурном 1917 году в Пишпеке. Городским верхам не удалось полностью осуществить свой сговор за спиной трудящихся Пишпека, несмотря на то, что председательствовал на митинге подполковник Писаржевский, а в толпе всюду шныряли с красными бантами на груди сообщники устроителей митинга. Собравшиеся рабочие и ремесленники, служащие и солдаты стали выдвигать в Исполком своих кандидатов, голосуя за них открыто. Так, вопреки предположениям уездно-городских властей, в числе выдвинутых на митинге членов Исполкома оказалось 4 делегата от Совета и по 8 человек от русского и коренного населения города. Вновь избранный Исполком неожиданно для градоправителей назначил трех комиссаров— Семенченко, Енш и Мулладжанова — для контроля над деятельностью собрания городских уполномоченных. Скрепя сердце, боясь обострять отношения с народом,

[73] 13 марта начала формироваться милиция, начальником которой был назначен председатель Совета солдатских депутатов ефрейтор 243-й Саратовской дружины Гудков. (Семенков В. Н. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 62).

[74] Цит. по кн.: Миртов В., Семенков В. Большевик Алексей Иваницын, с. 53.

«отцы города» вынуждены были подчиниться решению митинга об избранных «толпою» комиссарах[75].

Провозглашаемые некоторыми ораторами на общегородском митинге лозунги «Да здравствует свобода!», «Мы избавились от царизма и его угнетения!», трудящиеся Пишпека попытались претворить в жизнь уже на следующий день. 11 марта 1917 г. народ освободил 130 политических заключенных из пишпекской тюрьмы, в большинстве своем участников восстания 1916 г., дожидавшихся смертной казни, ссылки на пожизненные или, в лучшем случае, долгосрочные каторжные работы. У тюремных ворот состоялся стихийный митинг, превратившийся в братание между русскими и киргизами. Вслед за одним из ораторов—солдатом, семья которого пострадала в 1916 г., выступавшие призывали предать забвению былые распри[76], вызванные политикой национальной розни русского царизма и феодально-клерикальной киргизской верхушки.

В середине марта под влиянием революционных событий начались массовые волнения среди рабочих-киргизов, мобилизованных на тыловые работы в крае — сооружение Семиреченской железной дороги и стройки ЧУПРа[77]. 3000 «тыловиков», находившихся в худших условиях, чем военнопленные, самовольно бросали работу, расходясь по аилам[78].

К 17 марта образовался Совет депутатов рабочих и ремесленников в Пишпеке. Позднее, 29 марта, Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов (24 марта из наименования последнего снято представительство офицеров) слились в один — Совет солдатских и рабочих депутатов. Весной 1917 г. в Пишпеке возникло несколько профессиональных союзов и общественных организаций, в том числе даже «Союз домовладельцев»[79].

В марте в Пишпеке оформилось «Общество ремесленников», в апреле—«Союз рабочих и ремесленников» —

[75] ЦГИА СССР, ф. 725, оп. 1, д. 220, л. 336; ЦГА Киргиз. ССР, ф. И-7, оп. 1, д. 104; Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 110—111.

[76] ЦГИА СССР, ф. 725, оп. 1, д. 220, л. 332.

[77] Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны.—Ташкент, 1957, с. 86, 94, 119, 130, 131.

[78] Зима А. Г. Победа Октябрьской революции в Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1966, с. 108.

[79] Иваницын А. И. Октябрь в Пишпеке, с. 9.

наиболее действенная профессиональная организация в уезде, занимавшаяся сначала экономической борьбой и культурно-просветительной работой[80]. Впоследствии в этом союзе большую роль играл большевик А. И. Иваницын.

Поднимает голову и киргизская беднота, организовавшаяся позднее в союз «Букара». Одним из его руководителей стал большевик Кожамурат Сарыкулаков.

Проявлением открытого массового недовольства антинародной политикой буржуазного Временного правительства и властей на месте явился общегородской митинг 25 марта 1917 г. Среди собравшихся на площади горожан было много солдат из Пишпекской караульной команды. Они не давали высказываться сторонникам буржуазного Временного правительства, но зато горячо поддерживали выступления ораторов, выражавших большевистские взгляды: подпрапорщика А. С. Сидорова[81], солдатского агитатора Ф. Вирченко, местного жителя Семенченко. Митингующие арестовали как врагов народа и. о. уездного начальника Рымшевича — одного из жестоких душителей восстания 1916 г. в крае, жандармского полковника Косоротова[82], стражника, также решили арестовать прокурора и следователя; в Токмак и Беловодское были направлены отряды вооруженных солдат для ареста приставов и других «старорежимников». Участники революционного митинга, выразив недоверие уездно-городским властям, потребовали переизбрать Исполком. Они избрали уездным комиссаром большевика-подпрапорщика А. С. Сидорова ,а его помощником—одного из активистов митинга Железнякова. Распропагандированные солдаты местной караульной команды, где служил Сидоров, являлись фактическими хозяевами положения в городе. Однако, разогнав ненавистную народу администрацию, они не смогли удержать власть в руках в последующие дни, когда на помощь скинутой чиновной верхушке пришло эсеро-меньшевистское руководство Со-

[80] Иваницын А. И. Октябрь в Пишпеке, с. 9.

[81] Сидоров Александр Сергеевич, член КПСС с 1917 г., активный участник борьбы за установление и упрочение власти Советов в Туркестане. (Семенков В. Н. Большевики Киргизии в борьбе за власть Советов, с. 63).

[82] Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 106—107.

вета и начались репрессии краевых властей против организаторов митинга.

Перепуганный насмерть городской староста Васильев послал 26 марта срочную телеграмму туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину (копию — в ТуркВО, генералу Ерофееву) о том, что прибывшие 4 неизвестных лица[83] в сопровождении «толпы» и при содействии Совета солдатских депутатов арестовали одного за другим всех должностных лиц; в числе подлежащих аресту значился и сам староста. По мнению последнего, нужен был срочный приезд комиссара Государственной думы[84]. В ответ на телеграмму пишпекского городского старосты Куропаткин телеграфировал начальнику гарнизона распоряжение министра юстиции Керенского об оставлении на своих постах чинов прокурорского надзора и запрещении арестов и смещений должностных лиц общественными комитетами без ведома прокурорского надзора. Генерал-губернатор потребовал немедленно освободить арестованных, пресечь участие военнослужащих в арестах, противоречащих распоряжению Керенского[85].

Полковник Рукин, вновь назначенный на должность начальника уезда, с тревогой подтверждал телеграммой в Верный сведения городского старосты о положении в городе, где был фактически свергнут Временный исполком и ни военный губернатор, ни Куропаткин власти не имели[86]. Но благодаря соглашательскому большинству местного Совета буржуазии Пишпека удалось добиться ареста Ф. Вирченко и сохранить прежний состав Исполкома. Тем не менее, как правило отмечает один из исследователей событий бурных мартовских дней 1917 г., ни эсеро-меньшевистские заправилы Совета, ни буржуазные элементы в Пишпеке уже не были в состоянии вернуть на прежние должности арестованных по требо-

[83] Видимо, прибывший из Ташкента большевик Ф. Вирченко с единомышленниками. Накануне митинга, 24 марта, на заседании Пишпекского Исполкома он потребовал удалить со всех постов в городе и уезде приверженцев самодержавия, в первую очередь воинского начальника Писаржевского, и переизбрать Исполком, буржуазный по составу. (Семенков В. Н. Большевики Киргизии в борьбе за власть Советов, с. 63).

[84] ЦГВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 42, л. 1—2.

[85] Там же, л. 2.

[86] Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 37.

ванию митинговавших 25 марта слуг царского режима[87]. Ход истории необратим...

* * *

Большевики-ленинцы мобилизовали бедноту города и уезда, недовольную антинародной политикой буржуазного Временного правительства, на борьбу за власть Советов. И подобно тому, как в 1918—1920 гг. «красный Пишпек» был ее надежным оплотом, так впоследствии и г. Фрунзе стал одним из форпостов социализма на Востоке. В годы Советской власти город, достойно носящий с 1926 г. имя своего выдающегося уроженца—М. В. Фрунзе, рос и развивался под благотворным воздействием великих идей Октября, ленинской дружбы народов—братьев Страны Советов, мудрой национальной политики КПСС.

Киргизский народ, ставший благодаря победе Октябрьской революции на путь ускоренного социального развития, смог, опираясь на помощь русского и других братских народов СССР, в короткий исторический срок совершить сказочно-гигантский взлет от феодализма к обществу развитого социализма, от средневековой отсталости к современному прогрессу, от угнетения и бесправия к счастливой и обеспеченной жизни. Лишенный при царизме самостоятельности народ обрел свою советскую государственность. «В процессе борьбы за победу социализма сформировалась и успешно развивается киргизская социалистическая нация.

Современный индустриально-колхозный Киргизстан—ярчайший пример жизненной силы марксизма-ленинизма, пример ленинской национальной политики Коммунистической партии»[88].

Нагляднейшей иллюстрацией этих исторических перемен служит превращение старого колониального Пишпека — бывшего уездного центра Российской империи — в орденоносную столицу орденоносного Советского Киргизстана. Так в самом развитии города, его историческом прошлом и сегодняшней действительности проявляется переплетение общего, особенного и единичного в многообразном и непрерывном процессе обновления нашей Советской Родины.

Вековой юбилей г. Фрунзе (1878—1978) явился важной вехой в жизни киргизского народа, всех трудящихся республики, праздником всего советского народа, — отмечалось в постановлении ЦК КП Киргизии «О столетии образования города Фрунзе», определяющем его роль и место в истории и развитии Киргизской ССР.

---

[87] Семенков, В. Н. Большевики Киргизии в борьбе за власть Советов, с. 63.

[88] Дружба народов СССР—источник силы и могущества нашей великой Родины..., с. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четкие контуры былой истории г. Фрунзе проступают лишь при возможно полном сборе всех видов источников по этой теме (документальных, литературных, изобразительных, воспоминаний старожилов и др.) и их комплексном изучении. Но правильно разобраться во множестве фактов и событий прошлого можно только руководствуясь методологическими высказываниями классиков марксизма-ленинизма о значении города в феодальной и капиталистической формациях, о народных массах как подлинных творцах истории.

Правдивое воссоздание страниц дореволюционной истории города, правильный анализ исторических событий и социальных явлений городской жизни, как и всякое конкретно-историческое исследование, возможны лишь на основе марксистского метода, принципа историзма, суть которых выражена в знаменитой ленинской формуле: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1].

Говоря об историко-культурном прошлом городской территории и ее ближайших окрестностей, следует отметить, что их хозяйственно-культурное освоение началось задолго до захвата Чуйской долины Кокандом и последовавшей кокандской колонизации. Археологические находки и частичные раскопочные работы подтверждают здесь смену одних насельников другими на протяжении столетий — от обитателей древнейших стоянок до жителей раннесредневековых торгово-земледельческих селений и городов, жизнь которых постепенно замирает после монгольского завоевания Средней Азии и Казахстана в начале XIII в.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

Кочевой образ жизни и господство патриархально-феодальных отношений у коренных жителей края в последующие века, в условиях частых феодальных междоусобиц, подрывавших развитие производительных сил края, борьба против иноземных поработителей (могульских, калмакских, а затем и кокандских феодалов) делали невозможными возрождение городской жизни и появление новых городов в Чуйской долине. Отнюдь не содействовало этому и господство над чуйскими киргизами феодально-деспотического Кокандского ханства.

Кокандская крепость Пишпек (1825—1862 гг.), возведенная захватчиками в одноименном урочище (по народным преданиям одно из мест давнего обитания чуйских киргизов), была типичным военно-опорным пунктом Коканда в Зачуйском крае. Под прикрытием Кокандских укреплений ханские сборщики выколачивали подати и творили насилие над окрестным населением, а узбекские разъездные торговцы, проживавшие в крепости и небольшой колонии рядом с ней, производили под охраной кокандских солдат торгово-ростовщические операции в киргизских аилах.

Источники не отмечают какого-либо заметного положительного воздействия подобного рода форпостов кокандской колонизации на хозяйственно-культурное развитие края (преемственность земледельческих традиций восходит здесь к более ранним временам). Трудящаяся часть местного населения испытывала лишь усиление тяжкого ханско-феодального гнета и в Пишпеке не жила (исключая заложников киргизов), стремясь подальше держаться от крепости.

В 50—60-е годы XIX в. ханский Пишпек являлся постоянной угрозой для русскоподданных казахов Семиречья и киргизов Восточного Прииссыккулья. Его коменданты активно противодействовали проникновению царской России в Чу-Илийское междуречье, в Зачуйский край. Во время нередких антикокандских восстаний киргизов и казахов Южного Семиречья в середине XIX в. пишпекский гарнизон укрывался за толстыми крепостными стенами, а затем, с прибытием подкрепления из ханства, активно участвовал в жестоком подавлении и повальном грабеже кочевого местного населения. Крепость в силу ее охранительно-карательных и фискальных задач не переросла в город, к тому же в ходе военных столкно-

вений России с Кокандом дважды (в 1860 и 1862 гг.) была разрушена русскими войсками при содействии киргизов. Последние после вторичной осады крепости разорили совсем и припишпекское поселение кокандцев.

Взятие Пишпека русскими отрядами и изгнание коканадских войск из других их укреплений в Чуйской долине в начале 60-х годов XIX в. стало значительной вехой в ликвидации господства кокандских ханов над Киргизией. Это явилось также важнейшей исторической предпосылкой возникновения на местах бывших кокандских укреплений новых оседлых поселений и городов. Следовательно, возрождение оседло-земледельческой культуры, городской жизни в Чуйской долине после многовекового перерыва со времени монгольского нашествия начала XIII в. — одно из прогрессивных последствий вхождения Киргизии в состав России. Пишпек, возникший в результате этого переломного момента в истории киргизского народа, стоял у истоков великой дружбы русского и киргизского народов[2].

Так, в непосредственной близости от пикета русских войск у развалин кокандского Пишпека (1864 г.) к концу 60-х годов XIX в., с притоком в долину р. Чу разнонациональных пришлых жителей, возникают селения Аламедин (Лебединка) и Пишпек (к 1870 г.). Последнему, в отличие от кокандской колонии при крепости, суждено было стать прямым предшественником одноименного города. В 1878 г. сюда переносится из Токмака управление начальника Токмакского (позднее Пишпекского уезда). Таким образом, с 1878 г. Пишпек стал уездным городом-центром, одним из звеньев военно-колониального управления царизма в Киргизстане. Таков историко-юридический аспект вопроса об обстоятельствах, времени образования города Пишпека и его первоначальных функциях.

Постепенно, с возрастанием производственного населения города, особенно торгово-промыслового слоя, с расширением его торгово-экономических связей к середине 90-х годов прошлого столетия Пишпек вырастает в заметный рынок в Чуйской долине. В конце XIX—начале XX вв. он, будучи административно-политическим цент-

---

[2] О столетии образования города Фрунзе. Постановление ЦК Компартии Киргизии.—Советская Киргизия, 1978, 11 января.

ром, становится и одним из средоточий торгово-промышленной жизни Пишпекского уезда. Так Пишпек превращается в город и в социально-экономическом смысле, заметно влияя на расширение внутрирыночных отношений в крае.

Характерной особенностью управления городом являлось то, что оно находилось в руках эксплуататорских элементов. Это равно остносится как к периоду 1878—1895 гг., когда городскими делами заведовала уездная администрация (городской хозяйственный комитет из состоятельных домовладельцев и горожан был простым придатком к ней), так и к последующему времени. Введение в 1895 г. в Пишпеке так называемого упрощенного общественного «самоуправления» в лице буржуазных элементов, подконтрольных уездным и областным властям, для трудящейся части горожан не имело никакого социально-политического значения. В предреволюционный период у власти в городе по-прежнему стояли представители интересов торгово-промышленной и чиновной эксплуататорской верхушки пишпекцев, среди которых шла беспрерывная борьба за более доходные должности в городском управлении, за получение выгодных хозяйственных подрядов, аренды городского имущества и т. п. В то же время пишпекские градоправители очень мало обращали внимания на общегородские нужды, развитие коммунального хозяйства и внешнее благоустройство Пишпека, что, несомненно, отрицательно сказывалось на общем виде города, жизни и быте горожан.

В 1878—1895 гг. Пишпек по внешнему облику, характеру застройки, степени общественного благоустройства (вернее, неблагоустройства), состоянию коммунального хозяйства (а точнее, из-за полного его отсутствия) фактически представлял собой большую «деревню, которой приказано называться городом». На рубеже XIX и XX вв. Пишпек, заметно выделяясь среди населенных пунктов уезда, все еще был более похож на хорошо распланированное, сильно озелененное селение или станицу, чем собственно на город. В предвоенные годы, как справедливо отмечалось современниками, Пишпек постепенно менял свой деревенский облик, хотя и к 1917 г. не имел вполне городского вида.

На разных этапах истории Пишпека удельный вес отдельных отраслей его экономики менялся. Но в хо-

зяйстве города всегда имели немаловажное значение сельскохозяйственные занятия горожан, а также торговля и ремесло. В этом отношении Пишпек — город периода капитализма — по своей социально-экономической структуре походил на феодальные, позднесредневековые города Средней Азии и Казахстана. Вызревание элементов капитализма в экономическом базисе города и села в Киргизии конца XIX—начала XX вв. стимулировалось активным подключением ее к орбите общероссийской экономики, разложением патриархально-феодальных отношений в аиле, растущей товарностью переселенческого хозяйства. И хотя промышленность Пишпека была развита еще слабо, все же возникновение здесь наряду с мелкотоварными промысловыми заведениями частнокапиталистических предприятий (преимущественно мелких и связанных с торговым капиталом, а в предвоенные годы и немногих крупных, созданных отчасти акционерным капиталом) свидетельствует о том, что Пишпек уже начал играть определенную роль в становлении капиталистического уклада в общей системе многоукладной экономики дореволюционного Киргизстана[3].

Колонизаторская политика российского военно-феодального империализма и вторжение в сложный комплекс социально-экономических отношений в крае империалистического капитализма, стремление удержать Киргизию на положении рынка сбыта и источника сырья для метрополии предопределили характер развития промышленности Пишпека, перерабатывавшей преимущественно сельскохозяйственную продукцию и сырье, ограничили степень ее развития и обусловили узость отраслевого состава[4]. Такое состояние пишпекской промышленности, так и не вытеснившей из производственно-

[3] См.: Галицкий В. Я. Промышленное развитие Киргизии в свете многоукладности экономики. В кн.: Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. (Тезисы сообщений).—Свердловск, 1969, с. 85—88. Подробнее см.: его же. Торгово-промышленное развитие Киргизии в конце XIX—начале XX вв. в свете многоукладности экономики. В кн.: К истории социально-экономических укладов Киргизстана.—Фрунзе, Илим, с. 67—87.

[4] Подробнее см.: Галицкий В. Я. От домашнего производства к промышленности дореволюционного Киргизстана. В кн.: Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1969, с. 63—67.

экономической базы города ремесло[5], определило малочисленность, профессиональный состав и положение городских рабочих, среди которых было немало сезонных.

Динамика населения дореволюционного Пишпека характеризуется в целом сравнительно высокими темпами роста. Так, с 1882 по 1913 г. численность жителей города выросла в 9 раз, хотя в абсолютных цифрах составила всего 18468 человек. Объяснялось это не столько естественным движением городского населения (т. е. приростом в результате превалирования рождаемости над смертностью), сколько капиталистической урбанизацией. Усиленный приток в город крестьян-переселенцев наблюдался в конце XIX—начале XX вв. и был вызван развитием капитализма в сельском хозяйстве и социальным расслоением крестьянства в русской и переселенческой деревне. Этому способствовала и притягательная сила города на колониальной окраине вследствие оживления его торгово-промышленной жизни с конца прошлого столетия. Но только отчасти. Ведь такой небольшой, даже в масштабах Туркестанского края, город, как Пишпек, с его сравнительно слабо развитой промышленностью, конечно, не поглощал всех пришельцев из центральных губерний страны и сопредельных районов края, а также выходцев из переселенческих деревень и киргизских аилов, желавших найти в городе работу.

В этническом отношении население Пишпека с самого начала было многонациональным. В период империализма пестрота его национального состава увеличилась. Еще в дореволюционный период подобное обстоятельство создавало предпосылки для хозяйственно-культурного сближения и установления дружественных связей между горожанами русско-украинского и восточного происхождения. «Мы убеждены, — писал в 1914 г. В. И. Ленин о значимости этого прогрессивного исторического процесса, — что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный

[5] См.: Плоских В. М., Галицкий В. Я. К истории ремесленного производства в Киргизии.—В кн.: Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии.—Фрунзе: Илим, 1967, с. 39—42.

состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть»[6].

Нельзя, однако, не отметить того, что город, расположенный в центре Пишпекского уезда, большого по территории и численности жителей, преимущественно кочевников киргизов, рос совсем не за их счет. Правда, с конца XIX в. в силу ряда социально-экономических процессов, действовавших как в городе, так и в киргизском аиле, количество киргизов среди пишпекцев стало более заметным. Но национальный гнет, чувствовавшийся в городе едва ли не больше, чем на периферии, служил одним из препятствий к увеличению численности горожан киргизов.

Профессиональный состав населения города в начальный период его истории, а особенно в конце 70—80-х годов XIX в., определялся во многом тем, что основу хозяйственной деятельности пишпекцев составляло сельское хозяйство. Но уже к 1897 г. численность горожан земледельцев уступала торгово-промышленному контингенту пишпекцев. Правда, в конце XIX — начале XX вв. прилив в город крестьян-переселенцев несколько колебал соотношение между городским и крестьянским сословиями в Пишпеке.

Социальная структура населения Пишпека, в котором проживали представители разных сословий, отражала черты как феодального города, так и новые явления, свойственные капиталистическому городу. Наиболее многочисленные пишпекские сословия—«городские обыватели», в первую очередь мещане, и сельские крестьяне в имущественном и социальном отношениях, не были однородны, хотя в правовом отношении они оставались едиными сословиями. Внутри мещанского и крестьянского сословий в городе шел процесс дифференциации и разложения на составные части вновь образующихся классов капиталистического общества. Подобно экономическому и социальному расслоению крестьянства, известному в литературе как «раскрестьянивание», в среде пишпекского мещанского общества происходил процесс его распада на полярные в социальном отношении элементы — «размещанивание» (если можно так выразить-

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295.

ся по аналогии). Немногие оборотистые дельцы из «домовитых» мещан выбивались в круг торгово-промышленной верхушки Пишпека, эксплуатировавшей наемную рабочую силу. Большинство мещан, постепенно беднея, разорялось. Потеряв хозяйственную самостоятельность, они пополняли ряды городских поденщиков, разно- и чернорабочих, сезонников в хозяйстве богатых мещан и кулаков в городе и уезде, а их жены и дочери нанимались кухарками, прачками, прислугой. С конца XIX в. численность городской бедноты постоянно возрастала.

Так, социально-экономические условия жизни, развитие товарно-денежных отношений в городе расшатывали феодальные устои, сословные перегородки и замкнутость, в сохранности которых были заинтересованы царские власти на местах. Процесс распада городских сословий, в первую очередь мещанства, ускорялся по мере развития товарно-денежных отношений в хозяйственно-производственной базе Пишпека. К 1917 г. в городе нарастали социальные противоречия, с одной стороны, между господствующей русской и инонациональной эксплуататорской верхушкой в лице гильдейского купечества, промышленников, дельцов, кулаков из горожан, богатых домовладельцев, чиновничье-дворянской бюрократии, духовенства и, с другой — разнонациональной трудящейся частью горожан: наемными промышленными и сельскохозяйственными рабочими, бедными ремесленниками, мелкими торговцами и всеми социальными низами города. Их постоянным уделом, как и всех трудящихся края, являлись нищета, болезни и темнота, отмечается в постановлении ЦК КП Киргизии к вековому юбилею столицы республики.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в своем социально-экономическом развитии Пишпек эволюционировал от города феодального типа к капиталистическому.

История развития культуры в Пишпеке достаточно ярко отражает желание самодержавной власти и господствующих классов империи повсюду держать народные массы в темноте и невежестве. Реакционность «просветительной» политики царизма в области культуры, школьного дела и здравоохранения и здесь проявлялась в стремлении осуществлять в разных формах русификацию коренного населения, всячески насаждать в умах

и сердцах молодого поколения горожан и сельских жителей уезда идеи самодержавия и православия, различными путями разобщать народности края.

Наоборот, посильная в условиях царизма и колониального режима культурно-просветительная деятельность передовой пишпекской интеллигенции способствовала установлению ее дружественных контактов с киргизским и дунганским населением в городе и уезде. В этом отношении примечательно наличие такого «островка» в общественно-культурной жизни в старом Пишпеке, как «поярковский кружок» в период реакционного безвременья 80—начала 90-х годов прошлого столетия. Уже с конца XIX в. возникали немногие очаги культуры и просвещения — школы и библиотеки при них, медицинские учреждения, кружки и общества хорового пения и драматического искусства и т. д. В небольшом городе, изобиловавшем, однако, культовыми учреждениями и разными злачными местами — всякого рода питейными заведениями, официально разрешенными и скрытыми местами разврата и азартных карточных игр, на фоне однообразной и бедной событиями духовной жизни пишпекских обывателей открытие частной аптеки или приезд ученого путешественника, музыкально-литературный вечер, устроенный педагогами и учащимися, очередная постановка спектаклей по произведениям Гоголя, Пушкина, Островского становились настоящими событиями и так или иначе сказывались на культурно-общественной жизни уезда.

В целом же, как видно из анализа документальных материалов и литературных источников, официальная система народного образования и здравоохранения, состояние санитарно-ветеринарного надзора в уездном городе Пишпеке ни в один из этапов его истории дооктябрьского времени не отвечали жизненно важным потребностям возраставшего населения города. Некоторые же успехи, достигнутые в данной области благодаря стараниям передовой демократической интеллигенции (открытие воскресной школы, публичные чтения для народа и т. п.), были довольно скромны. В сфере культуры и быта, как и во внутренней духовной жизни в дореволюционном Пишпеке вообще, изобиловали проявления социальных контрастов, характерных для дореволюционной Киргизии в целом.

История развития Пишпека к эпохальному 1917 году «богата трудовыми и революционными традициями» трудящихся города[7].

Изучение историко-революционного прошлого дооктябрьского Пишпека показывает не только развитие хозяйственно-культурных и общественно-политических связей города с уездом, соседними районами края и Россией. Оно выявляет также важное значение города как одного из центров пропаганды идей марксизма-ленинизма и революционного движения в колонии «чистого типа» (по выражению В. И. Ленина), какой являлась дореволюционная Киргизия как часть Туркестанского края. Распространение антиправительственных листовок и нелегальной литературы, массовые политические митинги горожан и забастовка почтово-телеграфных служащих в Пишпеке, волнения крестьян-«самовольцев», скопившихся в городе и вблизи него в период бурных 1905—1907 годов, — все это находило отклики среди крестьянско-дыйканских масс Пишпекского уезда. Оживленная пропагандистская деятельность пишпекских социал-демократов в кружках рабочих и местной интеллигенции в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема, антивоенные выступления и энергичная борьба пишпекской бедноты за ликвидацию самодержавных порядков в период Февральской буржуазной революции в России характеризуют активную революционную роль трудящихся Пишпека накануне Великого Октября в Киргизии.

Его победа стала поворотным пунктом в исторических судьбах киргизов, как и других национальностей, населявших царскую Россию — «тюрьму народов», перед которыми утверждение власти Советов открывало светлую, широкую дорогу к социализму. В строительстве новой жизни в Советском Киргизстане значителен вклад трудящихся города Фрунзе, награжденного к своему 100-летию орденом Трудового Красного Знамени. «Здесь возникли первые организации Коммунистической партии Киргизии, здесь был построен первый современный завод, сюда прибыли первый трактор и автомобиль, приземлился первый самолет. В этом городе было положено

---

[7] О столетии образования города Фрунзе. Постановление ЦК Компартии Киргизии.—Советская Киргизия, 1978, 11 января.

начало профессиональному театральному искусству и киргизской письменности, национальной печати и литературе, высшему образованию и науке; здесь были построены первый в республике детский сад, первая советская школа, современная больница и библиотека; здесь заговорила первая в Киргизии радиоточка... Бесконечно дорог нам Фрунзе еще и тем, что здесь было положено начало нерасторжимой братской дружбе киргизского и русского народов, ставшей после победы Октябрьской революции великой силой в борьбе за социализм»[8]. Все эти и многие другие знаменательные события в истории города являлись одновременно важнейшими вехами становления нового социалистического общества в Киргизии. День за днем каждой новой пятилетки, воплощая в жизнь бессмертные предначертания великого Ленина, труженики города Фрунзе и Киргизской ССР выходят на новые рубежи, намеченные нашей партией, новой Конституцией СССР, всей программой коммунистического строительства.

---

[8] Усубалиев Т. У. Фрунзе — столица Советского Киргизстана, с. 14—15.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.—Соч., т. 3.

Маркс К. Избранные произведения в трех томах, т. I, II, III.— М., 1979.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма.—М., 1948.

Маркс К. и Энгельс Ф. Переписка с русскими политическими деятелями.—М., 1951.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. О реорганизации партии.—Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции.—Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Аграрная программа с.-д. в русской революции *Автореферат*. — Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. К вопросу о политике народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении). — Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык?— Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории.— Полн. собр. соч., т. 38.

Ленин В. И. О государстве. *Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.* — Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. И. В. Арманд. 30 ноября 1916 г. — Полн. собр. соч., т. 49.

Ленин В. И. Избранные произведения в трех томах, т. I, II, III. — М., 1980.

Ленин В. И. О Средней Азии и Узбекистане.—Ташкент, 1957.

Ленин В. И. О Средней Азии и Казахстане.—Ташкент, 1960.

КПСС в резолюциях о решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. — М., 1970.

Программа Коммунистической партии Советского Союза.—М., 1968.

Материалы XXV съезда КПСС.—М., 1976.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС.—М., 1970.

Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России. Материалы идеологического отдела ЦК Компартии Киргизии.—Фрунзе, 1963.

О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года.—М., 1972.

Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. Документы и материалы.—М., 1973.

О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. — М., 1979.

О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета КП Киргизии от 22 января 1974 года.—Фрунзе, 1974.

О 70-летии революции 1905—1907 годов. Постановление ЦК КПСС. — Правда, 1975, 9 января.

О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. — М., 1977.

О столетии образования города Фрунзе.—Постановление ЦК КП Киргизии (Изложение).—Советская Киргизия, 1978, 11 января.

Перечень документальных материалов*

Центральный государственный архив Киргизской ССР (г. Фрунзе).

Ф. И-6— Пишпекское уездное управление.
Ф. И-7 — Пишпекское городское общественное управление.
Ф. И-13 — Начальник Пишпекского уезда.
Ф. И-75 — Коллекция документов по теме «Присоединение Киргизии к России».
Ф. Р-959 — Личный фонд М. В. Фрунзе.
Ф. Р-1283 — Коллекция мемуарного характера.

Центральный государственный архив Казахской ССР (г. Алма-Ата).

Ф. И-2-3 — Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды.
Ф. И-44 — Семиреченское областное правление.
Ф. И-64 — Канцелярия степного генерал-губернатора.
Ф. И-239 — Верненское отделение Государственного банка, г. Верный.
Ф. И-76 — Прокурор Верненского окружного суда.
Ф. И.-77 — Верненский окружной суд.

Центральный государственный архив Узбекской ССР (г. Ташкент).

Ф. И-1 — Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.
Ф. И-715 — Подготовительные материалы к составленной полковником Серебренниковым публикации документов «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».
Ф. И-47 — Управление учебными заведениями Туркестанского края.
Ф. И-129 — Ташкентская судебная палата.
Ф. И-132 — Прокурор Ташкентского окружного суда.
Ф. И-133 — Прокурор Ташкентской судебной палаты.
Ф. И-467 — Верненский розыскной пункт.

Центральный государственный исторический архив СССР (г. Ленинград).

Ф. 391 — Переселенческое управление.
Ф. 432 — Изыскательные партии отдела земельных улучшений Министерства земледелия.
Ф. 1289 — Главное управление почт и телеграфов.
Ф. 1290 — Центральное статистическое управление.
Ф. 1396 — Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.
Ф. 1405 — Министерство юстиции, прокурорский надзор.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (г. Москва).

Ф. 400 — Главный штаб, Азиатская часть.
Ф. 401 — Военно-ученый архив.
Ф. 1396 — Штаб Туркестанского военного округа.

Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (г. Москва)

Ф. 102 — Департамент полиции.
Ф. 124 — Министерство юстиции.

Государственный архив Омской области (г. Омск)

Ф. 3 — Главное управление Западной Сибири.
Ф. 78 — Главная контора сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Омске.
Ф. 336 — Личный фонд Катанаева Г. Е.

Государственный архив Оренбургской области (г. Оренбург)

Ф. 6, 7, 8 — Канцелярия оренбургского военного губернатора, оренбургского и самарского генерал-губернатора и оренбургского генерал-губернатора, пограничный отдел.

---

* Названия архивных фондов даются сокращенно.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава 1. Историческое прошлое городской территории и ее окрестностей 16
1. Следы древнейших поселений в районе города . . 16
2. Кокандская крепость Пишпек (1825—1862 гг.) — оплот ханско-феодальной власти на севере Киргизии . . . 19
3. Взятие царскими войсками Пишпекской крепости (1860 и 1862 годы) 26
4. Пишпек — русский пикет и селение (1864—1878 гг.) 31
Глава II. Образование г. Пишпек и его начальная история (1878—1895 гг.) 37
1. Перенесение уездного центра в Пишпек и управление городом 37
2. Первоначальная планировка и застройка г. Пишпек . 40
3. Хозяйственная жизнь города 43
Сельское хозяйство 43
Торговля 50
Ремесло и промышленность 52
4. Население 55
5. Культурная и общественная жизнь 57
Глава III. Развитие г. Пишпек в конце XIX—начале XX вв. 70
1. Система городского управления 70
2. Общее описание города 72
3. Хозяйственная жизнь горожан 75
Торговля 75
Ремесло и промышленность 81
Сельское хозяйство 83
4. Население 87
5. Культурная и общественно-политическая жизнь . 91
Глава IV. Город Пишпек в 1905 — марте 1917 г. . . 104
1. Городское «самоуправление» 104
2. Общее описание города 107
3. Экономическое развитие Пишпека 109
Торговля 109
Промышленность и ремесло 114
Сельское хозяйство 119
4. Население 124
5. Культура и общественная жизнь 127
Глава V. Пишпек — центр революционного движения в Пишпекском уезде (1905—март 1917 гг.) 140
1. События первой русской буржуазно-демократической революции в Пишпеке 140
2. Революционные выступления трудящихся города и уезда в период между двумя революциями в стране. . . 151
3. Ликвидация власти царизма в городе и уезде . . 163
Заключение 172
Основные источники 183

Е
Г
ее ок
1
2
ханск
3.
(1860
4.
Г
(1878
1
город
2
3
4.
5
Г
ХХ в
1
2
3.
4
5.
Г
1
2
3
4
186

Владимир Яковлевич Галицкий

ИСТОРИЯ ГОРОДА ПИШПЕКА

(досоветский период)

Редактор издательства *В. И. Клименко*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Э. К. Гаврина*
Корректор *Н. А. Гафурова*

Сдано в набор 18.12.79. Подписано в печать 4.06.80. Д—00730. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Высокая печать. Литературная гарнитура. Объем 10,6 усл. п. л., 11,0 уч.-изд. л. Тираж 800 экз. Заказ 229. Цена 1 руб. 80 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР.
г. Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а

Типография Академии наук Киргизской ССР.
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
27	22 сверху	И. Э. Циммермана	А. Э. Циммермана
130	17—18 снизу	деятельность способствовала	деятельность не способствовала
169	15 снизу	как правило	как правильно